

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 1 (34) 2012

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, зав. кафедрой языков и литературы Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 11.01.12

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 12,0 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 24

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Храмцова О. М.** Судьба книги в наше время
(к проблеме отношения подростков к чтению) 7
- Якимов П. А.** Особенности лексического воплощения
религиозных представлений в поэзии А. А. Ахматовой 13

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Бокаева А. Н., Нурсеитова Х. Х.** К определению понятия
«дискурс» 19
- Влавацкая М. В.** Синтагматика в психолингвистике
(парадигматический аспект) 24
- Ермакович С. П.** Когнитивность рекламного текста 34
- Каныгина Н. В.** Глагольные средства выражения
облигаторных компонентов процесса понимания
в русском и английском языках 39
- Приходько С. А.** Языковая личность В. И. Ленина 49
- Чуйкина Л. А., Алдыназарова Р. М.** Культура речи
как составная часть профессионального образования
будущего инженера 62

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

- Адальбиева В. С., Тлеужанова Г. К.** Из опыта развития
европейского полиязычного образования 67
- Панкратова Е. А.** Мир правовых культурных объектов
как элемент методической модели иноязычной культуры 73

ЯЗЫК СМИ

- Костова М. И.** Оказионализмы в языке болгарских
интернет-форумов 77
- Надобко Ю. В., Никифорова Э. Ш.** К вопросу о характеристиках
компьютерно-опосредственной коммуникации
на примере форумов и чатов 83

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

- Антонова Т. В.** Содержание семантических полей
с оценкой предельности, нормы, достаточности
и отсутствия количества в современном английском языке 88

Иванченко Т. А. Реорганизация английского языка от OV- к VO-типу и ее влияние на глагольную префиксацию	93
Леонтьева К. И. Сверхсемантизация формы поэтического текста как проблема перевода	100
Марк Кит. О нормировании качества и условий выполнения перевода	116
Назаренко О. С. Анализ ошибок студентов при переводе письменных текстов	134
Синцов В. Ю. Оценочный статус образных антропоцентрических номинаций в английском тексте	138
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА	
Кременецкая И. В. Использование аутентичных материалов в обучении деловому иностранному языку	142
Макарова Е. Е. Формирование лингвокультурологической компетентности студентов на занятиях по практической фонетике	146
Подшибякина Н. А., Скрипкина Н. Ф. Синонимия как средство семантизации слов и словосочетаний в практическом курсе русского языка как иностранного	151
Розова Е. О. Использование проектной методики при обучении иностранному языку	162
Сидоренко И. А. Социокультурная компетенция в контексте коммуникативного подхода к преподаванию иностранных языков	168
Фетисова А. А. Things could be ... Verse or klerihju VERSE или клерихью на занятиях по английскому языку	174
АННОТАЦИИ	180
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	187

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Khramcova O. M.** Destiny of the book presently
(to a problem of the relation of teenagers to reading) 7
- Jakimov P. A.** Features of a lexical embodiment of religious
representations in A.A.Ahmatovoj's poetry 13

LANGUAGE STUDIES

- Bokaeva A. N., Nursentova Ch. Ch.** To definition of concept
"discourse" 19
- Vlavackaja M. V.** Syntagmatics in Psycholinguistics
(paradigmatic aspect) 24
- Ermakovich S. P.** Cognitive of the advertising text 34
- Kanygina N. V.** Verbal means of expression of obligatory components
of process of understanding in Russian and English languages 39
- Prihod'ko S. A.** Language person V. I. Lenin 49
- Chujkina L. A., Aldynazarova R. M.** The standard of speech
as a component of vocational training of the future engineer 62

LANGUAGE OF POLYTICS

- Adilbaeva V. S., Tleuzhanova G. K.** From the experience
of European polilanguage education 67
- Pankratova E. A.** The world of legal cultural objects as an element
of methodical model of culture speaking another language 73

LANGUAGE OF MASS MEDIA

- Kostova M. I.** Nonce words in language of the Bulgarian
Internet-forums 77
- Nadobko Ju. V., Nikiforova E. Sh.** To a question on characteristics
kompjuterно-oposredstvennoj communications on an example
of forums and chats 83

LINGUISTICS AND TRANSLATION

- Antonova T. V.** The Contents of the Semantic Fields
with the Evaluation of Quantity as Maximum, Normal,
Sufficient and Absent in Modern English 88

<i>Ivanchenko T. A.</i> Reorganization of English language from OV - to VO-type and its influence on verbal prefication	93
<i>Leontieva K. I.</i> Hypersemantizing of poetic form as a problem in poetry translation	100
<i>Mark Kit.</i> On translation quality and procedure standards and regulations	116
<i>Nazarenko O. S.</i> The analysis of errors of students while translating written texts	134
<i>Syncov V. Ju.</i> The estimated status of figurative anthropocentric nominations in the English text	138
METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING	
<i>Kremeneckaja I. V.</i> Use of authentic materials in training to a business foreign language	142
<i>Makarova E. E.</i> Linguacultural competence of students on employment on practical phonetics	146
<i>Podshibyakina N. A., Skripkina N. F.</i> Synonymy as means of process semantization words and word combinations in Russian practical course as foreign	151
<i>Rozova E. O.</i> Use of a design technique at training to a foreign language	162
<i>Sydorenko I. A.</i> The sotsiokulturnaja competence of a context of the communicative approach to teaching of foreign languages ...	168
<i>Fetisova A. A.</i> Things could be ... Verse or klerihju on employment on English language	174
ABSTRACTS	180
INFORMATION ABOUT AUTHORS	187

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СУДЬБА КНИГИ В НАШЕ ВРЕМЯ (К ПРОБЛЕМЕ ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ К ЧТЕНИЮ)

О. М. Храмцова

В данной статье анализируется злободневная проблема: негативное отношение подростков к книге. Почему в нашей стране, когда-то самой читающей, идеологически выверенной, в настоящее время перестают читать? Рассматриваются причины, приведшие ситуацию в плачевное состояние. Кроме аргументов о получении информации из Интернета, определяется фактор, заставляющий задуматься о дальнейшей судьбе молодых людей: нечитающее поколение родителей не уделяет должного внимания детям в раннем возрасте. Приведены высказывания ребят, их точка зрения на проблему. Педагог делится опытом, приводя примеры форм и методов работы по развитию интереса обучающихся к тексту художественного произведения, убеждает в том, что вернуть доброе отношение к книге – задача нашего времени.

Ключевые слова: роль книги, бездуховность, основы нравственности, роль семьи, языковая культура, слово, убожество мысли, компьютер, память, социум, креативные способности, высококультурные традиции.

О роли книги в наше время стали говорить с беспокойством и сожалением. Не секрет, что подростки практически перестают читать художественную литературу, заменяя этот процесс общением с компьютером или телевизором.

Были в истории нашей страны события, повлекшие за собой глобальную бездуховность, нравственную деградацию: разрушение церквей, расправа с духовными наставниками, уничтожение памятников старины в угоду архитектурным веяниям и воинствующему атеизму.

Подобные процессы распада духовной основы нации наблюдаются и в наше время. Вот почему в наши дни роль книги и чтения как средство выхода из духовного кризиса страны должна неизмеримо

возрасти. Ведь книга дает возможность молодому человеку впитать духовный опыт человечества, опыт народов и поколений, дает возможность усвоить его как собственный. Она обогащает знаниями, вводит в социальную жизнь, определяет поведение подростка, способствует его мировосприятию.

Книга дает возможность познать и выразить себя в слове. Слово, сказанное от сердца, окрашенное задушевной интонацией, оказывает порой ни с чем не сравнимое благотворное влияние на человека в любом возрасте. Потому чтение вслух имеет огромное воздействие на слушателя.

Как не вспомнить раннее знакомство каждого из нас с В. Маяковским, его книжку для детей «Что такое хорошо и что такое плохо», где в доступной форме, выразительных иллюстрациях ребенок познает основы нравственности, этические нормы общества. А сказки Пушкина! Солнечным назвал знаменитого русского поэта Александр Блок, вспоминая его изумительные, мудрые и неповторимые, пронизанные светом души творения для детей, в которых добро побеждает зло.

Кандидат филологических наук, преподаватель Санкт-Петербургского Государственного Университета Культуры и искусств, известный пропагандист книги И. И. Тихомирова, вспоминает о своей встрече со знакомым библиотекарем, побывавшим в одной из школ у первоклассников по случаю столетия со дня рождения Агнии Барто. Предварить свой рассказ о поэтессе она решила игрой: «Я начинаю, а вы продолжаете!» С полной уверенностью, что школьники хорошо знают стихи Барто и будут отвечать хором, она начала: «Наша Таня громко плачет...», но, вопреки ожиданиям, хора не последовало. Недоумевая, библиотекарь произнесла строчку другого стихотворения: «Уронили мишку на пол...» Класс продолжал молчать.

«Не может быть, – думала она, – чтоб стихи, включенные в репертуар чтения детей до трехлетнего возраста, на которых выросло не одно поколение, ни разу не слышали нынешние семилетние...» Но повторение этой игры в другом первом классе ситуацию подтвердило.

Этот факт заставляет задуматься о многом. Дети, которые не знакомы в раннем возрасте с этими стихами, обедняют себя, и не их в том вина, а в этом сказывается роль семьи, роль самого близкого для ребенка человека – роль матери. Все самое светлое, чистое, вы-

сокое и человеческое в человеке зарождается первоначально с голоса читающей матери, а позже и в самостоятельном чтении, потому что в основе чтения лежит Слово, сверкающее всеми оттенками чувств человеческой души.

Неумение сегодняшних молодых выразить себя в слове стало приметой времени. Речь подростков становится неграмотной, лаконичной, примитивной. В письменных работах они демонстрирует такое убожество мысли, такой ничтожный запас прочитанного материала, что порой изумляешься их скудоумию и примитивизму. Вот что встречается в их работах: «Я реально переживала за Мцыри в стычке с барсом...». «Тарас и Бульба отважно сражались в бою». «...Это сказал Экзюпер и его маленький принц». Нечитающие подростки отказываются на уроках от чтения вслух по ролям (при изучении драматического произведения), ссылаясь на недомогание, боль в горле, опасаясь стать объектом для насмешек сверстников.

На вопрос обучающимся о роли литературы в жизни человека читающие ребята рассуждают так: «С помощью литературы люди открывают для себя много нового и интересного. Изучая литературу, мы узнаем историю наших предков. Читая стихи и рассказы писателей, люди учатся на ошибках героев». А на вопрос определения причины снижения интереса к чтению откровенно признаются: «Молодежь теряет интерес к чтению, т. к. считает, что есть что-то важнее, чем чтение литературы. Расставшись с чтением, молодые люди делают в жизни много ошибок». Есть и такое мнение: «Практически каждый человек имеет сегодня компьютер или мобильный телефон с доступом в интернет, а это делает большую часть книг бесполезной макулатурой. У молодежи с каждым днем появляются новые приоритеты, и чтение просто вытесняется».

На сегодняшний день и преподаватели литературы и русского языка, и писатели, и прогрессивная общественность бьют тревогу по поводу потери интереса к книге, к чтению. В наше время, когда произошло резкое снижение языковой культуры, функция чтения приобретает особую значимость, т. к. родной язык определяет нравственное здоровье нации и её интеллектуальное развитие.

Языковая культура русского человека, содержащая такие ключевые понятия, как честь, достоинство, совесть, подвиг, передается в виде наследственной памяти, зафиксированной в книгах. Она закладывается в память через чтение и переходит таким способом к другим поколениям.

Вот почему перед преподавателем литературы стоит сегодня не легкая задача: увлечь, заинтересовать подростков чтением, заставить вникнуть в текст произведения, помочь им сформулировать свое мнение по определенной проблеме, попытаться выразить себя. Наиболее эффективными формами работы в моей практике считаются следующие:

- анализ эпизода прозаического произведения (по плану);
- составление речевой характеристики персонажей драматического произведения;
- анализ поэтического текста (по плану);
- работа с критическими статьями, обоснование своей трактовки важной проблемы, оценка поведения персонажа;
- пересказ художественного текста с цитированием;
- инсценировка избранных фрагментов драматического произведения («Гроза» А. Н. Островского)
- сочинения творческого характера.
- поэтические вечера, посвященные творчеству любимых поэтов (Пушкин, Есенин)
- конкурсы художественного чтения

Интересны рассуждения некоторых учащихся по поводу роли книг, знакомство с которыми принесло реальную пользу в каких-то жизненных ситуациях.

М. Попов: «Поэму «Василий Теркин» А. Твардовский создавал таким образом, что читающие догадывались о содержании предыдущих глав произведения и с нетерпением ждали появления новых. Судьба героя увлекала бойцов, вносила разрядку в их нелегкий труд, заряжала оптимизмом».

С. Жарков: «Читая роман Гончарова «Обломов», наверняка каждый невольно сравнивал себя с героем, анализировал свои поступки, свой образ жизни и изумлялся тому, как образованный, добрый, славный человек мог прожить свою жизнь, лежа на диване, пропустив все самые ценные моменты жизни. Каждого заставляет задуматься эта история, которая печально завершилась из-за его пассивности и неумения организовать себя заставить действовать».

В. Набоков рассуждал: «Сто лет назад Флобер в письме к своей возлюбленной сделал следующее замечание: «Каким знатоком можно стать, если хорошо изучить всего каких-то полдюжины книг».

Когда-то финский сказочник Топпелиус сказал: «Дайте детям, помимо обязательной литературы, здоровую, и вы заполните пробел

воспитания». Что же читает наша молодежь сегодня? Эта литература развлекательного характера, низкопробные, некачественные книги рыночной литературы. Из средства гармоничного развития сердца и разума книга превратилась в средство, которое подчас стимулирует у подростка эгоистические инстинкты, заполняет досуг пустым времяпрепровождением.

Известный писатель, книговед Н. И. Рубакин, разрабатывавший в советский период проблемы пропаганды книги, самообразования, утверждал: «Чтение книг – это лишь начало дела. Творчество жизни – вот цель». Это высказывание содержит в себе глубинные размышления автора о роли книги в формировании креативных способностей личности. Творческая личность уверенно чувствует себя в любой сфере, ей гарантирован успех в социуме. Молодые люди, прошедшие интенсивную форму образования, могут уверенно проявлять себя в любой профессиональной области.

Учитывая духовное падение общества и потерю высококультурных традиций взаимодействия людей в наше время, считаю работу по приобщению подростков к чтению необходимой, жизненно обоснованной, способной дать плодотворный результат.

Список литературы

1. Фрумин, И. Д. Самоопределение и выбор в интенсивном педагогическом процессе [Текст] / И. Д. Фрумин / Деятельностный подход в обучении и формировании творческой личности: тезисы докладов и выступлений на всероссийской научно-практической конференции, 2003 г.
2. Методика воспитательной работы: Учебное пособие для пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенин [Текст]. – Н. Академия, 2007.
3. Соловьева, Т. В. Развитие творческих способностей учащихся: материалы I межрегиональной научно-практической

List of literature

1. Frumin, I. D. Samoopredefinenie i vybor v intensivnom pedagogicheskom processe [Tekst] / I. D. Frumin / Dejatel'nostnyj podhod v obuchenii i formirovanii tvorcheskoj lichnosti: tezisy dokladov i vystuplenij na vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 2003 g.
2. Metodika vospitatel'noj raboty: Uchebnoe posobie dlja ped. vuzov / Pod red. V.A. Slastenin [Tekst]. – N. Akademija, 2007.
3. Solov'eva, T. V. Razvitie tvorcheskih sposobnostej uchawishsja: materialy I mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konfer-

- конференции [Текст] / Т. В. Соловьева. – Челябинск: Взгляд, 2010.
4. Симфония разума / Составитель В. В. Воронцов [Текст]. – Челябинск: Южно-уральское книжное издательство, 1998.
5. . Бэлз, С. И. Человек читающий [Текст] / С. И. Бэлз. – М.: Изд-во «Прогресс», 2005.
- encii [Tekst] / T. V. Solov'eva. – Cheljabinsk: Vzgljad, 2010.
4. Simfonija razuma / Sostavitel' V. V. Voroncov [Tekst]. – Cheljabinsk: Juzhno-ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1998.
5. Bjelz, S. I. Chelovek chitajuwij [Tekst] / S. I. Bjelz. – M.: Izd-vo «Progress», 2005.

**ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
В ПОЭЗИИ А. А. АХМАТОВОЙ**

П. А. Якимов

В данной статье рассматриваются особенности лексического воплощения представлений о Боге, воле Божией, о человеке в поэтических текстах А. А. Ахматовой. Автор рассматривает фрагмент языковой объективации поэтической картины мира поэтессы в сравнении с аналогичным фрагментом русской языковой картины мира.

Ключевые слова: идиостиль, религиозные представления, лексическое воплощение, лексемы.

Мы исходим из того, что религиозные представления – это знания и мнения о человеке, об обществе, а также о Высших силах сквозь призму конкретного религиозного учения, имеющие личную значимость для личности и выступающие для нее в качестве жизненных ориентиров. Воплощение религиозных представлений в поэтическом тексте – результат актуализации двух разных пропозициональных моделей (Е. С. Кубрякова), хранящихся в памяти человека. Первая модель основана на воображении и фантазии человека, т.е. на осмыслении «возможных миров», вторая модель основана на предметно-практическом опыте человека, т.е. повторном осмыслении мира в виде аналогий. Первая модель в поэзии А. Ахматовой включает представления о Боге, представления о воле Бога, о его Завете или требованиях по отношению к людям; вторая модель – зависящие от представлений о Боге представления о человеке, представления о должном порядке культа, церковной организации. Рассмотрим особенности лексического воплощения религиозных представлений в поэзии А.Ахматовой.

1) Представление о Боге.

В поэзии Ахматовой чаще всего используются лексемы *Бог* и *Господь*: «Отчего же Бог меня наказал...» [1. С. 72]; «Я научилась просто, мудро жить, / Смотреть на небо и молиться Богу...» [1. С. 67]; «Я пью за разоренный дом, / За злую жизнь мою <...> За то, что мир жесток и пуст, / За то, что Бог не спас...» [1. С. 198]; «В каж-

*дом дереве распятый Господь, / В каждом колосе тело Христово,
/ И молитвы пречистое слово / Исцеляет болящую плоть...»* [1. С. 226]. При этом лексема *Господь* преимущественно употребляется в обращении: «*Господи! Я нерадивая, / Твоя скупая раба. / Ни ризою, ни былинкою / Не буду в садах Отца...»* [1. С. 72]; «*Для того ль я, Господи, пела, / Для того ль причастилась любви!*» [1. С. 87].

В качестве обращения в одних текстах поэтесса использует традиционную церковную форму *Господи*, восходящую к старославянской звательной форме, в других – современную форму именительного падежа: «*Так я, Господь, простерта ниц...»* [1. С. 90]; «*...а он / Еще старается быть остроумным / Или язвит – прости его, Господь!*» [1. С. 206]. Единичны формы *Боже* и *Христос*: «*Я только сею. Собирать / Придут другие. Что же! / И жниц ликующую рать / Благослови, о Боже!*» [1. С. 85]; «*...И я стану – Христос помоги! – / На покров этот, светлый и ломкий...»* [1. С. 62]; «*Я научила женщин говорить... / Но, Боже, как их замолчать заставить!...»* [1. С. 205].

Для номинации Бога в поэзии А. Ахматовой мы встречаем не только отдельные лексемы, но и словосочетания, например, *высшая сила*: «*...Вьется путь золотой и крылатый, / Где он вышнюю волей храним...»* [1. С. 347]. Таким образом, А. А. Ахматова, с одной стороны, использует в своих текстах традиционные для воплощения представлений о Боге в русской языковой картине мира лексемы, а с другой – отбирает именно те лексемы, которые наиболее адекватно отражают ее представление.

Однако особенность лексического воплощения религиозных представлений А. Ахматовой не заключается в следовании религиозным и общеязыковым традициям. Индивидуальность проявляется в умении использовать эти лексемы в новых, непривычных для русской языковой картины мира контекстах. Проанализируем некоторые из них.

«*В каждом дереве распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть»* [1. С. 226].

В данном контексте наблюдаем смешение лексем *Господь* и *Христос*, воплощающих представления о Боге-Отце и о Боге-Сыне. Обе лексемы Ахматова использует для номинации Бога-Сына, который присутствует везде и во всем. Чтобы это показать, поэтесса использует прием метонимии: *в каждом дереве* (смежность с крестом, на

котором был распят Христос), в каждом колосе (смежность с хлебом, символизирующим Тело Христово).

В другом контексте поэтасса интерпретирует библейский сюжет о предательстве Иисуса Христа одним из его учеников: «Я всем прощение дарую / И в Воскресение Христа / Меня предавших в лоб целую, / А не предавшего – в уста...» [2. С. 114].

Согласно Евангелию, Иуда предаёт Иисуса Христа поцелуем: «...и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть. Иисус же сказал ему: Иуда! Целованьем ли предаешь Сына Человеческого?» (Лк. 22:47-48). Поцелуй лирической героини Ахматовой в день Воскресения Христа не предательство, а, наоборот, дарование прощения за предательство. Приняв на себя роль Судии, она, в отличие от пушкинского Сатаны из стихотворения «Подражание Итальянскому» (И Сатана, привстав, с веселием на лике / Лобзанием своим насквозь прожжет уста, / В предательскую ночь лобзавшие Христа [4. С. 334]), предатель целует в лоб, а того, кто не предал – в уста.

2) Представление о воле Бога, Его Завете и требованиях к человеку.

Во-первых, А. Ахматова использует незначительное количество традиционные для религиозного дискурса лексемы или их дериваты (так называемые протективы в повелительной форме), воплощающие духовные совершенства Бога (независимо от ипостаси): «Прости меня теперь. *Учил прощать* Господь...» [1. С. 88]; «И жниц ликую рать / *Благослови*, о Боже!..» [1. С. 85]; «...а он / Еще старается быть остроумным / Или язвит – *прости* его Господь» [1. С. 206]; «...Вьется пусть золотой и крылатый, / Где он вышнюю волей *храним*...» [1. С. 347]; «...Начинаем песни слагать / О великой *щедрости* Божьей...» [1. С. 84].

Во-вторых, в поэтических текстах используются лексемы, называющие представления о воле Бога, Его Завете, далекие от традиционных христианских, близкие, вероятнее всего, к языческим, в которых боги не только являют «человеку милосердие и всепрощение» [5. С. 61], но и, наоборот, наказание.

В сочетании с номинациями Бога Ахматова использует слова: *наказал, немилость, не дано, не спас* и др., которые показывают проявление немилости Божией к лирической героине, к природе, к миру: «...сердцу прожить без обмана / Было Господом не дано» [1. С. 127]; «...Стало солнце *немилостью Божьей*, / Дождик с Пасхи полей не

кропил...» [1. С. 106]; «За то, что мир жесток и пуст, / За то, что Бог не спас...» [1. С. 198].

Лирическая героиня не признает себя греховной («В этой жизни я немного видела, / Только пела и ждала. / Знаю: Брата я не ненавидела / И сестры не предала...» [1. С. 72]), поэтому она не всегда правильно распознает деяния Божии: «Отчего же Бог меня *наказывал* / Каждый день и каждый час?... / Или это ангел мне указывал / Свет, невидимый для нас?» [1. С. 72].

К деяниям языческих богов Ахматова обращается в стихотворении «Как белый камень в глубине колодца...», посвященном художнику Борису Васильевичу Анрепу, где воспоминание сравнивается с превращением богами людей в предметы: «Я ведаю, что боги превращали / Людей в предметы, не убив сознанья, / Чтоб вечно жили дивные печали. / Ты превращен в мое воспоминание» [1. С. 124].

3) Представления о человеке, зависящие от представлений о Боге.

В своей поэзии А. Ахматова эксплицирует отношение человека к Богу, Завету Божьему; действия человека, совершаемые согласно Завету Божьему; а также действия человека, совершаемые во имя другого человека. При этом в каждой из подгрупп мы видим как традиционные христианские представления, так и индивидуально-авторские, подчиненные художественному замыслу.

Для номинации отношения лирической героини к Богу и его воле в поэтических текстах используются лексемы *покорная* и *чистая*.

Покорность – есть проявление послушания и подчинения во всем. Лирическая героиня Ахматовой подчинена только воле Господа и более ничьей: «Тебе покорной? Ты сошел с ума! / *Покорна я одной Господней воле...*» [1. С. 155]. Покорность Господней воле означает следование прежде всего заповедям, т.е. угодность Богу, что номинируется в том числе прилагательным *чистый*. Прилагательное *чистая* показывает угодность лирической героини Богу, ее безгрешность: «...что *чистой я осталась*, / Словно перед Господом свеча...» [2. С. 118].

Человек, представленный в поэзии А. Ахматовой, способен принимать на себя роль судьи над другим человеком за его грехи: прощать, определять наказание, что характеризует отношение к Богу: «Кто ей рассказал *мои грехи* / И зачем она меня *прощает*?...» [1. С. 87]; «И нет греха в его вине, / Ушел, глядит в глаза другие...» [1. С. 46]; «А та, что сейчас танцует, / *Непрерменно будет в аду*» [1. С. 57].

Действия человека, совершаемые согласно Завету Божьему, в поэзии А. Ахматовой представлены более многообразно. Во-первых, человек сам молится Богу или просит помолиться о нем другого человека: «Я научилась просто, мудро жить, / Смотреть на небо и молиться Богу» [1. С. 67]; «Я так молилась: “Утоли / Глухую жажду песнопения!”» [1. С. 90]; «Помолись о нищей, о потерянной / О моей живой душе...» [1. С. 72]. Человек молится не только о собственной душе, об утолении духовной жажды, но и о судьбе страны. Так, в стихотворении «Молитва» лирическая героиня за спасение России готова заплатить многим: и ребенком, и другом, и талантом: «Дай мне горькие годы недуга, / Задыханья, бессонницу, жар, / Отыми и ребенка, и друга, / И таинственный песенный дар – / Так молюсь за Твоей литургией/ После стольких томительных дней, / Чтобы туча над темной Россией / Стала облаком в славе лучей» [1. С. 109].

Во-вторых, человек совершает привычные для православного верующего человека действия: «Читаю посланья Апостолов я, / Слова Псалмопевца читаю...» [1. С. 94]; «С душистою веткой березовой / Под Троицу в церкви стоять» [1. С. 285]; «Не напрасно молебны служились, / О дожде тосковала земля: / Красной влагой тепло окропились / Затоптанные поля...» [1. С. 106]; «Мне дали имя при крещенье – Анна...» [1. С. 323].

С другой стороны, в поэзии А. Ахматовой мы видим действия или мысли о действиях, идущие вразрез в традиционными религиозными представлениями: молит Господа о смерти: «Ты знаешь, я томлюсь в неволе, / О смерти Господа моля» [1. С. 69]; поднимает тост и пьет за то, что Бог не спас: «Я пью за разоренный дом... За то, что мир жесток и пуст, / За то, что Бог не спас» [1. С. 198]; хочет быть в аду: «Я спросила: “Чего ты хочешь?” / Он сказал: “Быть с тобой в аду”» [1. С. 80]; гневается на причастность к христианству: «И зачем я крещена, / Горько гневалась она...» [1. С. 164] и т.п.

Интересно, что в поэзии А. Ахматовой человек молится не только Богу, но и другому человеку, а также встрече с человеком: «Для чего же так тянуться / Мне к чужому человеку, / Для чего же каждый вечер / Мне молиться на тебя?...» [1. С. 138]; «Обо мне и молиться не стоит / И, уйдя, оглянуться назад...» [1. С. 169]; «Ты был испуган нашей первой встречей, / А я уже молилась о второй...» [1. С. 95].

4) Представления о должном порядке культа, церковной организации объективируются в поэзии А. Ахматовой посредством

номинаций религиозных артефактов, подробный анализ которых проведен нами в одной из предыдущих работ [6. С. 37].

Анализ лексических воплощений религиозных представлений в поэтических текстах А. Ахматовой позволил определить одну из главных особенностей ее идиостиля. Слова, используемые чаще всего в номинативном значении, в сочетании с широким контекстом (в основном, с контекстом всего стихотворения) реализуют новые приращения и тем самым способствуют созданию индивидуальных поэтических образов.

Список литературы

1. Ахматова, А. А. Стихотворения и поэмы [Текст] / А. А. Ахматова. – Л.: Советский писатель, 1976. – 560 с.
2. Ахматова, А. А. Стихотворения. Поэмы [Текст] / А. А. Ахматова. – М.: Олимп; Изд-во АСТ, 1998. – 752 с.
3. Леденева, В. В. Лексикография современного русского языка [Текст] / В. В. Леденева. – М. Высшая школа, 2008. – 648 с.
4. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. [Текст] / А. С. Пушкин. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1977–1979. – Т. 3. Стихотворения, 1827–1836. – 495 с.
5. Склjаревская, Г. Н. Словарь православной церковной культуры [Текст] / Г. Н. Склjаревская. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 447 с.
6. Якимов, П. А. Лексическое представление христианских артефактов в поэзии А. А. Ахматовой [Текст] / П. А. Якимов // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 34–37.

List of literature

1. Ahmatova, A. A. Stihotvorenija i pojemy [Tekst] / A.A. Ahmatova. – L.: Sovetskij pisatel', 1976. – 560 s.
2. Ahmatova, A. A. Stihotvorenija. Pojemy [Tekst] / A.A. Ahmatova. – M.: Olimp; Izd-vo AST, 1998. – 752 s.
3. Ledeneva, V. V. Leksikografija sovremenного russkogo jazyka [Tekst] / V. V. Ledeneva. – M. Vysshaja shkola, 2008. – 648 s.
4. Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: V 10 t. [Tekst] / A.S. Pushkin. – L.: Nauka. Leningr. otd., 1977–1979. – T. 3. Stihotvorenija, 1827–1836. – 495 s.
5. Skljarevskaja, G. N. Slovar' pravoslavnoj cerkovnoj kul'tury [Tekst] / G.N. Skljarevskaja. – M.: Astrel': AST, 2008. – 447 s.
6. Jakimov, P. A. Leksicheskoe predstavlenie hristianskih artefaktov v poezii A. A. Ahmatovoj [Tekst] / P. A. Jakimov // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 1. – S. 34–37.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС»

А. Н. Бокаева, Х. Х. Нурсейтова

В статье рассматривается понятие дискурса, которое часто применяется в современной гуманитарной науке. Раскрывается, что дискурс имеет пересечение с такими понятиями как текст, диалог, монолог, устная речь, коммуникативная ситуация, риторика.

Ключевые слова: дискурс, речь, текст, диалог, дискурсивный анализ, коммуникативный акт.

В конце XX века в лингвистике появляется ряд новых терминов, которые помогают по-новому осмыслить происходящие языковые процессы. Одним из таких понятий является термин «дискурс», который активно используется в современной науке, даже закрепился как отдельное научное направление (дискурсология) и метод исследования (дискурс-анализ).

В данной статье проводится анализ теоретических работ, посвященных понятию «дискурс», рассматривается история происхождения данного термина и его вхождение в лингвистику.

Анализ словарных дефиниций показал неоднозначность толкований и многоаспектность понятия «дискурс». К примеру, в Новейшем философском словаре «дискурс (франц. discours – речь) – в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста...» [1].

В Словаре литературоведческих терминов «дискурс – это такое измерение текста, взятого как цепь/комплекс высказываний (т.е. как процесс и результат речевого (коммуникативного) акта), которое предполагает внутри себя синтагматические и парадигматические отношения между образующими систему формальными элементами и выявляет прагматические идеологические установки субъекта высказывания, ограничивающие потенциальную неисчерпаемость значений текста» [2].

В Энциклопедии эпистемологии и философии науки говорится о том, что «дискурс как термин происходит от латинского «discutere» – «обсуждение», «переговоры», даже «перебранка» [3].

В Толковом словаре иностранных слов Л.П. Крысина под «дискурсом» понимается «речь, беседа как объект лингвистического изучения» [4].

В Словаре иностранных слов дискурс «[фр. discours - речь, выступление] – 1) речь, реальный (не учебный) текст...» [5].

Как видим, в современных этимологических и толковых словарях имеется множество дефиниций понятия «дискурс». Все это связано с тем, что данный термин активно используется как междисциплинарное понятие.

В языкознании же «дискурс» не имеет конкретной дефиниции. В Словаре синонимов представлен синонимический ряд данного термина в виде таких понятий как «высказывание, рассуждение, речь» [6].

В настоящее время в лингвистике дискурс чаще всего рассматривается как родовое понятие по отношению к понятиям «речь», «речевой акт», «риторика», «текст», «диалог», «разговор», «интеракция», «контекст».

Рассмотрим мнения ученых по данному вопросу.

О. Ф. Русакова и В. М. Русаков придерживаются мнения о том, что «в современной лингвистике дискурс стал трактоваться как речевое взаимодействие, в процессе которого смыкаются социально-ролевые, социокультурные, психологические, когнитивные и коммуникативные моменты ...» [7. С. 6].

Согласно В. И. Карасику, *дискурс* понимается как речевая практика, т. е. «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [8. С. 5].

По мнению В. Г. Борботько, «Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование. Дискурсами можно считать, например, текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения» [9. С. 8].

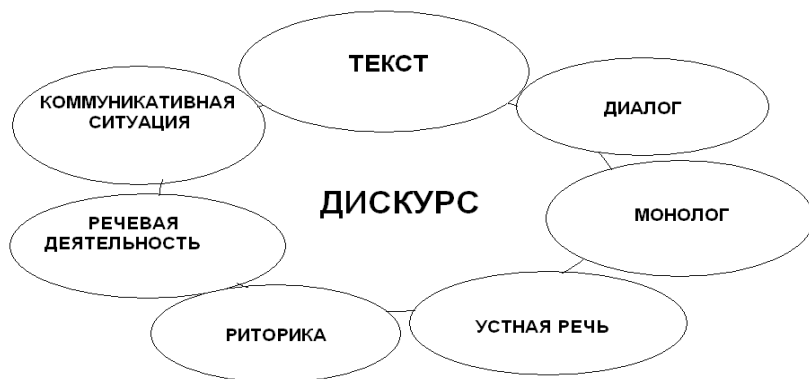
Согласно дефиниции, предложенной В. В. Петровым и Ю. Н. Карауловым, аккумулирующей воззрения на дискурс Т. А. ван Дейка,

«дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста. Дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [10. С. 3].

В. В. Красных обращает внимание на разнообразие трактовок дискурса в лингвистике, выделяя его узкое и широкое понимание: «Дискурс в узком понимании является проявлением речевой деятельности (наряду с текстоидами) в разговорно-бытовой речи и представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла... Дискурс в широком понимании трактуется как проявление речедейательностных возможностей отдельной языковой личности..., как система коммуникации...» [11. С. 199].

В кандидатской диссертации Х. Х. Нурсеитовой «Специфика коммуникативного поведения женщин-политиков Казахстана в политическом дискурсе (на материале интервью средств массовой информации)» дискурс – «это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, т.е. дискурс рассматривается в тесном взаимодействии с социальными факторами...» [12. С. 5].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно привести следующую схему понимания дискурса.

В этой схеме показано, что *дискурс* имеет пересечение с такими понятиями как *текст*, *диалог*, *монолог*, *устная речь*, *коммуникативная ситуация*, *речевая деятельность*, *риторика*. И вместе с тем дискурс выступает как родовое понятие для вышеприведенных терминов.

Мы же вслед за Т. Ван Дейком придерживаемся мнения, что дискурс – «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [13].

Список литературы

1. Новейший философский словарь / [Электронный ресурс]. URL : <http://dic.academic.ru>
2. Словарь литературоведческих терминов/ [Электронный ресурс] URL : <http://dic.academic.ru>
3. Энциклопедии эпистемологии и философии науки/ [Электронный ресурс]. URL : <http://dic.academic.ru>
4. Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина [Текст]. – М. : Русский язык, 1998.
5. Словарь иностранных слов / [Электронный ресурс]. URL : <http://dic.academic.ru>
6. Словарь синонимов / [Электронный ресурс]. URL : <http://dic.academic.ru>
7. Русакова, О. Ф. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ [Текст] / О. Ф. Русакова. – Екатеринбург, 2008. – С. 6.
8. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институци-

List of literature

1. Novejšij filosofskij slovar' / [Jelektronnyj resurs]. URL : <http://dic.academic.ru>
2. Slovar' literaturovedcheskih terminov/ [Jelektronnyj resurs] URL : <http://dic.academic.ru>
3. Jenciklopedii jepistemologii i filosofii nauki/ [Jelektronnyj resurs]. URL : <http://dic.academic.ru>
4. Tolkovyyj slovar' inostrannyh slov L. P. Kryšina [Tekst]. – M. : Russkij jazyk, 1998.
5. Slovar' inostrannyh slov / [Jelektronnyj resurs]. URL : <http://dic.academic.ru>
6. Slovar' sinonimov / [Jelektronnyj resurs]. URL : <http://dic.academic.ru>
7. Rusakova, O. F. PR-Diskurs: Teoretiko-metodologičeskij analiz [Tekst] / O. F. Rusakova. – Ekaterinburg, 2008. – S. 6.
8. Karasik, V. I. O tipah diskursa [Tekst] / V. I. Karasik // Jazykovaja ličnost': institucional'nyj i

- ональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000. – С. 5.
9. Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса: Учебное пособие [Текст] / В. Г. Борботько. – Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1981. – С. 8.
10. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 3.
11. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций [Текст] / В. В. Красных. М., 2001. – С. 199.
12. Нурсеитова, Х. Х. Специфика коммуникативного поведения женщин-политиков Казахстана в политическом дискурсе [Текст] / Х. Х. Нурсеитова. – Астана, 2007. – С. 5.
13. Дейк, Т. А. ван. К определению дискурса [Текст] / Т. А. ван Дейк. – Лондон, 1998. – С. 4.
- personal'nyj diskurs. – Volgograd, 2000. – S. 5.
9. Borbot'ko, V. G. Jelementy teorii diskursa: Uchebnoe posobie [Tekst] / V. G. Bobot'ko. – Groznyj: Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj universitet im. L.N. Tolstogo, 1981. – S. 8.
10. Dejk, T. A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Tekst] / T. A. van Dejk / Sost. V. V. Petrova; pod red. V. I. Gerasimova. – M. : Progress, 1989. – S. 3.
11. Krasnyh, V. V. Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii: Kurs lekcij [Tekst] / V. V. Krasnyh. M., 2001. – S. 199.
12. Nurseitova, H. H. Specifika kommunikativnogo povedenija zhenwin-politikov Kazahstana v politicheskom diskurse [Tekst] / H. H. Nurseitova. – Astana, 2007. – S. 5.
13. Dejk, T. A. van. K opredeleniju diskursa [Tekst] / T. A. van Dejk. – London, 1998. – S. 4.

**СИНТАГМАТИКА В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ
(ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

М. В. Влавацкая

Изучение синтагматики в психолингвистике заключается в исследовании того, как языковая система и правила построения речи позволяют человеку выражать свои мысли. В процессе речи говорящий по определённым правилам переводит свой замысел в речевые единицы конкретного языка. Парадигматический аспект синтагматики исследует синтагматические конструкции, в которые включены парадигматические принципы организации высказывания.

Ключевые слова: синтагматика, парадигматика, психолингвистика, языковая система, парадигматика.

Роль синтагматики в психолингвистике представляет собой особую значимость, так как одна из главных проблем этой дисциплины – изучение речепорождения, т. е. как языковая система и правила построения речи позволяют человеку выражать свои мысли, как образы сознания фиксируются с помощью языковых знаков. Правила синтагматики организуют процесс производства речи, начиная от замысла и заканчивая семантически и синтаксически оформленной мыслью. Иначе говоря, в основе процесса производства речи лежит синтагматика, без учёта которой невозможно изучение ни процесса порождения речи, ни процесса её восприятия.

В психолингвистике синтагматическая система понимается как отображение закономерности сочетаемости знаков языка при построении речевых высказываний. В ней проявляется процесс создания слова из сочетаний звуков или морфем, предложения из слов и текста из сочетаний и предложений. Российский психолингвист В. П. Глухов определяет синтагматическую систему как «систему правил, норм сочетаемости элементов языка (как однородных, так и разнородных), на основе которых осуществляется формирование и формулирование речевых высказываний (в соответствии с нормами данного языка)» [3. С. 102].

В качестве единицы, отображающей синтагматические связи слов, в лингвистике определена синтагма – языковая цепочка, или

словосочетание, представляющее собой цельную синтаксическую интонационно-смысловую единицу. Применительно к речевому высказыванию в качестве синтагматической единицы определяется сложное синтаксическое целое, которое представляет собой сочетание предложений, взаимосвязанных в смысловом и грамматическом отношении. Если предметом лингвистики является система языковых средств, используемых в коммуникации, система языковых знаков и принципы устройства знаковой системы, то предметом психолингвистики является процесс функционирования этой системы, а точнее, процесс создания и восприятия знаков языка людьми.

В рамках психолингвистики наблюдаются разные подходы к пониманию её предмета – речевой деятельности, которая вплотную связана с синтагматикой. В своей трансформационно-генеративной грамматике Н. Хомский утверждает, что человек строит свою речь по правилам комбинаторики. Бихевиористское направление ориентируется на анализ речи по модели «стимул» → «реакция» [8]. Отечественная теория речевой деятельности исходит из активности говорящего, где акцент делается на соотношении личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» облика мира человека, с другой [4].

Психолингвистика изучает процессы речеобразования, восприятия и формирования речи в их соотносённости с системой языка. Её основными предметными областями являются: 1) производство речи (в индивидуальном речевом акте); 2) восприятие речи (в индивидуальном речевом акте); 3) формирование речи в процессе становления личности ребёнка, т.е. в онтогенезе. В каждом из случаев предполагается, что психолингвистика обращается к тем сторонам данных видов речевой деятельности, которые обусловлены системой языка [1. С. 11].

Ещё в лингвистике XIX в. был высказан тезис о том, что язык – это условие мысли (А. Шлейхер, Г. Пауль, А. А. Потебня и др.). А. Шлейхер подчёркивал, что язык есть мышление, выраженное звуками, он имеет своей задачей создать звуковой образ представлений, понятий и существующих между ними отношений, он воплощает в звуках процесс мышления. Теория порождения речи, теория понимания речи, а также другие проблемы, связанные с речевой деятельностью, изложены в многочисленных трудах современных российских и зарубежных исследователей (Т. В. Ахутиной, И. Н. Горелова, В. П. Глухова, А. А. Залевской, И. А. Зимней, В. А. Ковшикова,

А. А. Леонтьева, А. Р. Лурии, Л. В. Сахарного, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой, Р. М. Фрумкиной, Ж. Пиаже, Д. Слобина, Дж. Грин и др.).

В порождении и восприятии высказывания, помимо синтагматики, большую роль играет культурная или концептуальная картина мира человека. Впервые на то, что язык – часть культуры указал В. Гумбольдт. По его словам, язык – главная деятельность не только человеческого, но и национального духа – духа народа. Под «национальным духом народа» понимался психический склад народа, его образ мыслей, философия, наука, искусство и литература. В. Гумбольдт был первым, кто ввёл понятие «языковое сознание», утверждая, что язык в своих взаимозависимых связях есть создание народного языкового сознания.

Важным моментом в психолингвистике является рассмотрение языковой способности человека, состоящей из «внутренней» речи и речи «внешней». Суть этой концепции восходит к Л. С. Выготскому – основателю культурно-исторической теории в психологии [2]. Внутренняя речь – концептуальна, лишена фонации, свёрнута (характеризуется наличием своеобразного синтаксиса, отличного от внешнего), она предикативна (состоит из одних «психологических» сказуемых), семантически свёрнута (смысл (индивидуальное) преобладает над значением (общим)) и сокращённа (т. е. речь без слов). По мнению учёного, переход от внутренней речи к внешней есть сложная динамическая трансформация – превращение предикативной и идиоматической речи в синтаксически расчленённую и понятную для других. Следовательно, одно из главных условий языковой способности человека – умение перевести мысль из внутренней речи в речь внешнюю. Данный процесс невозможен без соблюдения правил синтагматики.

Отдельные слова-мысли обозначают предмет, действие или качество и обобщают их (т. е. вводят в определённую категорию), фраза уже является выражением целой мысли определённого суждения. Классическая психология объясняла это тем, что фраза (предложение) является результатом ассоциаций отдельных слов, что каждое слово вызывает ряд ассоциаций, или других слов, связь которых и представляет собой фраза (предложение). Однако ассоциации не приводят к появлению связного высказывания, основной формой которого является фраза.

Чтобы понять процесс порождения фразы, потребовалось длительное время. Факт существования глаголов, требующих допол-

няющих их слов, был тщательно изучен и в классической, и в современной лингвистике: он получил название «валентность» слова, которая измеряется количеством слов, уточняющих данное слово. Такие синтаксические связи слов (синтагмы) или цепи синтагм являются порождением практической деятельности, перенесённой на речевой план. Эти единицы речевого высказывания имеют совершенно иное психологическое происхождение и строение, чем процессы ассоциативного введения обозначаемого предмета в определённую категорию или в определённые «семантические поля» [6. С. 159].

Так, слова, входящие в предложение, создают целые высказывания, раскрывают мысль или событие и относятся к единицам суждения. Подобные группы слов состоят из отдельных элементов синтаксиса и могут ограничиваться только объектом и предикатом, например, солнце светит, снег идёт, костёр горит или образовывать более сложные единства, включающие субъект, предикат и объект, например, дети играют в футбол, мама готовит обед, учитель объясняет правило и т. п. На этой основе образуются высказывания, которые могут выражать любую мысль.

Словесные конструкции могут принимать и весьма сложные формы, когда каждый из основных компонентов фразы составляет целую сложную группу, например, Дети, играющие в футбол, громко кричали / *Children playing football screamed loudly* или Когда я увидел этого человека, я очень испугался / *When I saw this man, I got frightened*. Эти сложные синтаксические конструкции имеют чёткую грамматическую структуру, характерную для каждого конкретного языка. Во фразах мысль, выражаемая словами, подчиняется принципу синтагматической организации высказывания.

По мнению учёных, грамматические структуры существуют в языке независимо от значения входящих в их состав слов. Предложенная Л.В. Щербой бессмысленная грамматическая конструкция Глокая куздра штеко бодланула бокра и кудрячит бокрénка доказывает самостоятельность существования грамматических форм русского языка и формальных закономерностей, которые составляют предмет синтаксиса [9], или синтаксической синтагматики.

Именно идея о законах синтаксических структур легла в основу трансформационно-генеративной грамматики Н. Хомского [10], в которой язык рассматривается не как набор единиц языка и их классов, а как механизм, создающий правильные фразы. Автор теории указывает на то, что каждое предложение, произносимое че-

ловеком, как правило, представляет собой новую комбинацию слов, не встречавшуюся прежде в речевой практике общающихся людей. Исходя из этого, речь не может быть набором выработанных реакций на поступающие раздражения по причине того, что мозг говорящего человека должен содержать определённую программу, так называемую «универсальную грамматику» (общую грамматику для всех языков), с помощью которой можно производить неограниченное число предложений из ограниченного количества слов. Система правил существует как способность порождать и понимать предложения, среди которых могут быть грамматически правильные, но бессмысленные, например, **Colourless green ideas sleep furiously*, а бывают неправильные и в смысловом, и грамматическом отношении, например, **Furiously sleep ideas colourless green*.

В рамках трансформационного анализа имеют место поверхностные и глубинные структуры предложения. Поверхностная структура является звуковым или графическим воплощением смысла, глубинная – формирует смысл предложения [8]. Например, в предложениях Полиция арестовала демонстрантов и Демонстранты арестованы полицией – одинаковая глубинная, но разные поверхностные (синтаксические) структуры. Вместе с тем есть фразы, которые, обладая одной поверхностной структурой, например, Его подарок, имеют две глубинные семантические структуры: Он подарил и Ему подарили.

Генеративная грамматика Н. Хомского содержит набор правил (подстановки, перестановки, произвольного включения одних элементов и исключения других элементов), позволяющих описать глубинную (семантическую) структуру предложения и создать на её основе множество синтаксически правильных поверхностных структур. Автор предлагает 26 правил трансформации, которые в совокупности представляют врождённую способность человека к производству языка. Н. Хомский сделал существенный шаг к анализу значения предложений и предпринял новую попытку подойти к изучению «грамматических структур» предложения более глубоко, создавая основу для всестороннего изучения трудностей в порождении (кодировании) и понимании (декодировании) различно построенных предложений. Здесь следует особо подчеркнуть, что в основе трансформационно-генеративной грамматики Н. Хомского лежит исключительно синтагматический принцип организации предложений.

Эта теория оказала решающее влияние на формирование американской психолингвистики, но подвергалась значительной критике

в отечественной науке. В основе одного из опровержений была идея о том, что речь формируется посредством реальных активных манипуляций ребёнка с предметами, которые создают фундамент для будущего отношения «субъект – предикат – объект», лежащего в основе простейших «ядерных» структур языка (Дж. Брунер, А. Р. Лурия и др.). Другое опровержение дало рождение новому направлению в лингвистике – генеративной семантике, – которое заключается в том, что «глубинных синтаксических структур» не существует и следует изучать только «семантические структуры» и их роль в порождении фразы. Семантическая организация фразы опирается на лексические, просодические средства, а также на факторы, которые обозначаются термином пресуппозиция, т.е. скрытая избирательная установка.

По концепции Р.А. Лурии, синтагматическое построение высказывания соотносится с категориями коммуникации события, или сообщении о внешнем факте, доступном наглядно-образному представлению, например, Светит солнце, Отец читает газету, и коммуникации отношений – сообщении о логических отношениях между предметами, например, Лошадь – животное. Это касается как «актуальной предикативности», непосредственно образующей коммуникативное высказывание, так и структуры исходной единицы построения высказывания или предложения, а именно синтагмы (сочетания слов) [5].

В трудах А. Р. Лурии было выдвинуто положение о том, что «внутренняя речь человека является... механизмом, превращающим внутренние субъективные смыслы в систему внешних развёрнутых речевых значений» [5. С. 10]. Для теоретического обоснования своей концепции исследователь использовал лингвистическую модель речепорождения «СмыслóТекст» И. А. Мельчука [7]. А. Р. Лурия подчеркивает, что «каждая речь, являющаяся средством общения, является не столько комплексом лексических единиц (слов), сколько системой синтагм (целых высказываний)» [5, С. 37]. Противопоставив парадигматические и синтагматические соотношения лексических значений, учёный соотнёс «коммуникацию отношений» с первыми из них, а «коммуникацию событий» – со вторыми.

Из концепции речепорождения А. Р. Лурии вытекает, что в целом путь от замысла к речи сопряжён с синтагматическим развёртыванием мысли: «... 1) начинается с мотива и общего замысла (который известен субъекту в самых общих чертах); 2) проходит через стадию внутренней речи, которая, по-видимому, опирается на схемы семантической записи с её потенциальными связями; 3) приводит к фор-

мированию глубинно-синтаксической структуры (высказывания); 4) развёртывается во внешнее речевое высказывание, опирающееся на поверхностно-синтаксическую структуру» [5. С. 38].

Вместе с тем следует учитывать то, что в относительно простых поверхностно-синтаксических структурах могут фигурировать синтагмы, требующие сложной переработки, т. е. превращения определённой последовательности слов в одновременно воспринимаемую симультанную схему. Из этого следует, что в синтагматические конструкции могут включаться парадигматические принципы организации высказывания, когда последовательно организованные конструкции необходимо превращать в сложные иерархически организованные симультанные конструкции, что влечёт за собой дополнительные операции, иногда выступающие в форме сложных трансформаций [6. С. 189]. Примером может служить предложение, в котором содержится так называемая смысловая инверсия: Я не признаю тех доводов, которые не отвечают моим убеждениям. Чтобы понять это утверждение необходимо превратить двойное отрицание в одно утверждение, т. е. Я признаю только те доводы, которые отвечают моим убеждениям. Другой пример: при ответе на вопрос Какая дорога из деревни в город наименее длинная? возникают определенные затруднения. Отвечая на него, необходимо произвести следующую трансформацию: вместе компоненты структуры «наименее» + «длинная» означают «самая короткая». Этим можно объяснить трудность понимания подобных конструкций.

Параллельно с синтагматическими структурами языка, порождение которых связано с плавно протекающей речью и которые обычно выражают «коммуникацию событий», имеются парадигматические структуры языка, обычно выражающие «коммуникацию отношений» и являющиеся результатом овладения сложными, иерархически построенными кодами языка. Декодирование парадигматических структур требует их трансформации в более доступные.

Данное правило действует и в рамках целых текстов. Весьма наглядно его можно продемонстрировать, обращаясь к теме «грязных выборов», которая является одной из актуальных проблем в современном обществе, когда кандидаты во «всевозможные» депутаты пытаются любыми способами очернить своих конкурентов.

Примерами служат различные листовки с порочащими фактами подобного содержания: Кандидат в депутаты X в кругах районной и городской администрации имеет достаточно высокий авторитет и

безупречную репутацию. Однако мало кто знает его реальное окружение. Из компетентных источников сообщают, что родной брат X в 1995 году был осуждён за мошенничество в особо крупных размерах (ст. 159 ч.4 УК РФ) на 8 лет.... Жена X – бывшая модель и проститутка, ныне домохозяйка и наркоманка.... Брат жены X в 90-е годы руководил ОПГ, занимаясь рэкетом и разбоями. .... Сын X имеет поддельный диплом об окончании СГУ, однако в действительности закончил только общеобразовательную школу.... Водитель X летом этого года в нетрезвом состоянии совершил наезд на пешехода со смертельным исходом и скрылся с места происшествия. Впоследствии он был задержан ... и т.д.

В данном тексте в относительно простых поверхностно-синтаксических структурах фигурируют синтагмы, требующие особой переработки, т.е. превращения представленной последовательности слов в одновременно воспринимаемую симультанную схему. Для понимания содержания требуются трансформации из парадигматических структур в наиболее простые. Главные цель представленного текста – показать избирателям, что кандидат X недостоин быть депутатом, однако в самом тексте про него самого никакой порочащей информации не представлено. Понимание данного текста является результатом овладения непростыми, иерархически построенными кодами языка, где представлена «коммуникация отношений», так как в синтагматические конструкции включены парадигматические принципы организации высказывания. В представленном тексте синтагматически организованные конструкции необходимо перевести в сложные иерархически организованные симультанные конструкции, которые требуют дополнительных операций. В данном случае следует говорить о парадигматическом аспекте синтагматики, который выявляется в предложении или тексте, содержащем конструкции с парадигматическими компонентами его построения.

Таким образом, в синтагматике можно выделить следующие аспекты. Во-первых, собственно синтагматический аспект, который изучает синтагматические структуры языка, порождение которых связано с плавно протекающей речью и которые обычно выражают «коммуникацию событий» (значение и смысл данных структур языка эксплицитны), и во-вторых, парадигматический аспект – аспект, изучающий синтагматические конструкции, в которые включены парадигматические принципы организации высказывания, когда последовательно организованные конструкции необходимо превращать

в сложные иерархически организованные симультанные конструкции, влекущие за собой дополнительные операции, иногда выступающие в форме сложных трансформаций (значение и смысл данных структур языка в большей или меньшей степени имплицитны).

Как известно, предметом психолингвистики является речевая деятельность, которая полностью базируется на синтагматике – главном механизме организации и восприятия речи. Однако необходимо иметь в виду, что синтагматические конструкции могут содержать в себе парадигматические элементы или даже структуры построения высказывания, которые представляют собой наиболее сложный аспект и для их полного понимания необходимо применение дополнительных мыслительных операций.

Список литературы

1. Белянин, В. П. Психолингвистика: учебник [Текст] / В. П. Белянин. – М. : Флинта, 2007. – 232 с.
2. Выготский, Л. С. Мысль и слово [Текст] / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1996. – 362 с.
3. Глухов, В. П. Основы психолингвистики: учебное пособие для студентов педвузов [Текст] / В. П. Глухов. – М. : Астрель, 2005. – 351 с.
4. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст] / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
5. Лурия, А. Р. Основные проблемы нейролингвистики [Текст] / А. Р. Лурия. – М., 1975. – 253 с.
6. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. – М., 1998. – 336 с.
7. Мельчук, И. А. Опыт лингвистических моделей «СмыслоТекст» [Текст] / И. А. Мельчук. – М.: изд-во «Наука», 1974. – 260 с.

List of literature

1. Beljanin, V. P. Psiholingvistika: ucebniik [Tekst] / V. P. Beljanin. – M. : Flinta, 2007. – 232 s.
2. Vygotskij, L. S. Mysl' i slovo [Tekst] / L. S. Vygotskij. – M. : Labirint, 1996. – 362 s.
3. Gluhov, V. P. Osnovy psiholingvistiki: ucebnoe posobie dlja studentov pedvuzov [Tekst] / V. P. Gluhov. – M. : Astrel', 2005. – 351 s.
4. Leont'ev, A. A. Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost' [Tekst] / A. A. Leont'ev. – M. : Prosvewenie, 1969. – 214 s.
5. Lurija, A. R. Osnovnye probleme nejrolingvistiki [Tekst] / A. R. Lurija. – M., 1975. – 253 s.
6. Lurija, A. R. Jazyk i soznanie [Tekst] / A. R. Lurija. – M., 1998. – 336 s.
7. Mel'chuk, I. A. Opyt lingvisticheskikh modelej «SmysloTekst» [Tekst] / I. A. Mel'chuk. – M.: izd-vo «Nauka», 1974. – 260 s.

8. Хомский, Н. Язык и мышление [Текст] / Н. Хомский. – М. : МГУ, 1972. – 122 с.
9. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
10. Chomsky, N. Syntactic Structures [Текст] / N. Chomsky. – The Hague: Mouton, 1957. – 531 p.
8. Homskij, N. Jazyk i myshlenie [Tekst] / N. Homskij. – M. : MGU, 1972. – 122 s.
9. Werba, L. V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' / L.V. Werba. – L. : Nauka, 1974. – 428 s.
10. Chomsky, N. Syntactic Structures [Tekst] / N. Chomsky. – The Hague: Mouton, 1957. – 531 p.

КОГНИТИВНОСТЬ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

С. П. Ермакович

В статье рассматривается ряд процессов переработки рекламной информации, составляющий ее когнитивный компонент. На примере конкретного рекламного обращения анализируется языковая опосредованность таких когнитивных процессов, как ощущение, восприятие, память, мышление, воображение.

Ключевые слова: рекламный текст, информация, когнитология, ментальная модель, концептуальная система, фрейм.

Современные средства массовой информации изобилуют рекламой различного рода; ею во многом определяется наш образ жизни.

Рекламу можно рассматривать как один из видов передачи информации. Когнитивный компонент связан с тем, как рекламная информация воспринимается человеком и предполагает анализ ряда процессов переработки информации, поскольку информация и все виды деятельности с нею являются непосредственными объектами когнитивной науки [1. С. 58]. Исследования в области когнитологии исходят из предположения, что перед индивидуумом есть две реальности: ментальная и объективная [2. С. 36]. Цель когнитивного процесса состоит в построении такой ментальной реальности, которая давала бы индивидууму возможность ориентироваться в объективной реальности. Ментальные модели делают возможными инференцию и прогнозирование, позволяют субъекту понимать различные явления, решать какое действие следует предпринять и контролировать его выполнение [9. С. 397].

Известно, что основной целью рекламы, наряду с информированием потенциального потребителя о товарах и услугах, является формирование потребности в данных товарах и услугах, т.е. убеждение. Для этого необходимо привлечь внимание потребителя к рекламируемому товару посредством остенсивных стимулов различного рода. В этой связи особое значение приобретают психолингвистические аспекты рекламного текста. Рекламный текст должен рождать мысленные образы, или, иными словами, ментальные модели. Так, получая информацию об объективной реальности благодаря органам чувств в ходе деятельности, опосредованной языком, человек,

пропуская данную информацию через свой когнитивный аппарат в виде ментальных моделей, получает возможность ориентироваться в реальном мире, планируя и контролируя свои действия. Однако для того, чтобы новая информация была обработана оптимальным образом, она должна быть релевантной для адресата и не должна требовать слишком высоких когнитивных усилий на свою обработку [6]. Проблема релевантности рекламной информации решается посредством надления рекламируемого товара или услуги способностью удовлетворять повседневные потребности потенциального покупателя [8. С. 13]. Такова, например, реклама антиаллергенных спальных принадлежностей австралийской фирмы *Supporta*:

**Sleep soundly & enjoy a good morning with the
WAKE-FRESH ANTI-ALLERGY BED**

Now you can wake fresh to a good morning, with the help of Australia's first anti-allergy bed.

Supporta has joined forces with the highly respected **Allersearch** organisation, to produce the **Wake-Fresh-Anti-Allergy Bed**, an absolutely unique sleep system that offers deep comfort and support, encased in an exclusive mite and allergen proof sheath of silky-soft **Coolgard**.

Mattress and foundation are fully sanitised, and manufactured from all new allergy resistant materials.

The **Supporta Allersearch 'Wake-Fresh' Anti-Allergy Bed**
...it's where *'Good Nights'* end and *'Good Mornings'* begin!

Как видно из приведенного примера, в рекламном тексте используются различные средства-стимулы для привлечения внимания читателя-потребителя. В первую очередь, это различные шрифты, эксплуатирующие зрительное ощущение – важный элемент когнитивной деятельности человека.

Другим важным элементом является восприятие. В отличие от ощущений, восприятие представляет собой целостное отражение в коре головного мозга предметов и явлений. Это отражение сопровождается или опосредуется концептуальной системой, благодаря чему оказывается возможной номинативная деятельность индивида. Восприятие осуществляется чаще всего осмысленно, здесь важная роль принадлежит формированию перцептивного образа, который может оказать существенное воздействие на поведение покупателя. Найссер У. предложил модель перцептивного цикла, которую он рассматривает как универсальный принцип взаимодействия ментальности с информацией, полученной из внешней среды. Согласно его теории,

основой для «схватывания» смысла служат операции сравнения сенсорной информации и информации, хранящейся в памяти. При помощи подобных операций когнитивного сравнения и осуществляется ориентирование в реальном мире и системе концептов [3].

Говоря об одном из наиболее существенных элементов когнитивной деятельности человека – памяти, необходимо заметить, что она является важным психическим процессом, имеющим прямое отношение к рекламной деятельности вообще и эффективности рекламы в частности. Понимание некоторой новой ситуации, прежде всего, сводится к попытке найти в памяти знакомую ситуацию, наиболее сходную с новой. Этот поиск основывается на том, что структуры, применяемые для обработки новых данных, аналогичны используемым для организации памяти. Одной из первых и самых простых структур для представления семантических данных высокого уровня явились фреймы, представляющие собой пакеты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Эти структуры играют существенную роль в функционировании естественного языка: с их помощью устанавливается связность текста на микро- и макроуровне, обеспечивается вывод необходимых умозаключений, возникновение контекстных ожиданий, позволяющих прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся сходных по структуре событий. Фреймы интерпретации могут быть введены в процесс понимания текста вследствие их активации интерпретатором или самим текстом. Фрейм активируется, когда интерпретатор, пытаясь выявить смысл фрагмента текста, оказывается в состоянии приписать ему интерпретацию, поместив содержание этого фрагмента в модель, известную независимо от текста. Фрейм активируется текстом, если некоторая языковая форма или модель обычно ассоциируется с рассматриваемым фреймом [5. С. 65]. Так, в приведенном нами в качестве примера рекламном тексте содержится достаточное для активации определенных фреймов (назовем их условно «сон» и «пробуждение») лексических единиц. Автор(ы) текста используют ассоциативные поля для создания нужной (в смысле воздействия на потребителя) атмосферы. Ассоциации, как вид мыслительных операций, весьма активно используются в рекламе. Учитывая общую установку англоязычного общества на активный образ жизни, при котором для достижения жизненного успеха

требуется много и напряженно трудиться, проблема полноценного отдыха и восстановления сил приобретает чрезвычайно важное значение. И решить эту сложную проблему потребителю предлагается самым элементарным образом – достаточно приобрести продукцию фирмы *Supporta*. Для придания рекламной информации большей убедительности в тексте неоднократно подчеркивается сотрудничество производителя с научной организацией *Allersearch*.

Повторения в рекламных текстах вообще – явление типичное; при этом повторения и параллелизм могут касаться практически всех уровней языка. В нашем примере наиболее заметен лексический и синтаксический параллелизм, нарушающий одну из максим коммуникации: «Не говори людям того, что ты им уже сказал!». Данная максима впервые была введена Саксом и рассматривается как частный случай максим количества или отношения П. Грайса [7. С. 437]. Несомненно, что в рекламном тексте нарушение данной максимы является преднамеренным. Прагматической функцией такого нарушения служит направленное воздействие на читателя-потребителя, способ привлечения его внимания к определенным характеристикам и (или) названию товара.

Однако современная реклама не направлена исключительно на прямую покупку товара. Считается, что реклама выполняет функцию создания структур значений, поэтому недостаточно принимать во внимание только характеристики рекламируемых объектов. Реклама скорее задает структуру, которая может трансформировать язык объектов в язык людей, и наоборот. Декодирование лингвистических и визуальных знаков рекламы состоит в идентификации этих знаков, в определении социальных мифов, связанных с помощью коннотаций с этими знаками, и переходе от мифических значений к рекламируемому продукту. Данные процессы происходят с опорой на глобальные структуры. Техника рекламы вообще и составление рекламных текстов в частности заключается в создании корреляций между чувствами, ощущениями и материальными объектами. При этом часто происходит перекодирование, например, физических параметров в социальные. Рекламный текст воссоздает свой вариант мира, утрирующий характеристики мира реального [4. С. 38–73].

Подводя итог, необходимо еще раз отметить, что деятельность, связанная с обработкой рекламной информации по своему характеру является когнитивной, включает ее важнейшие элементы: ощущения, восприятие, память, мышление, воображение и опосредована языком.

Список литературы

1. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст]. – М., 1996
2. Магазов, С. С. Формально-логический анализ функций противоречия в когнитивном процессе [Текст] / С. С. Магазов. – СПб., 2001.
3. Найссер, У. Познание и реальность [Текст] / У. Найссер. – М., 1981.
4. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М., 2001.
5. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике [Текст] / Ч. Филлмор. – Вып. 23. – М., 1988. – С. 52–90.
6. Шпербер, Д. Релевантность [Текст] / Д. Шпербер, Д. Уилсон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М., 1988. – С. 212–233.
7. Bublitz, W. Parallelism in advertising copy [Текст] / W. Bublitz // Cooperating with Written Texts: The Pragmatics and Comprehension of Written Texts. (Stein D. (Ed.)). Berlin/New York, 1992. – P. 437–458.
8. Hermeren, L. English for Sale: A Study of the Language of Advertising [Текст] / L. Hermeren. – Lund University Press, 1999.
9. Johnson-Laird, P. N. Mental Models. Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness [Текст] / P. N. Johnson-Laird P. N. – Cambridge University Press – Cambridge, 1983.

List of literature

1. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [Tekst]. – М., 1996
2. Magazov, S. S. Formal'no-logicheskij analiz funkcij protivorechija v kognitivnom processe [Tekst] / S. S. Magazov. – S.-Peterburg, 2001.
3. Najsser, U. Poznanie i real'nost' [Tekst] / U. Najsser. – М., 1981.
4. Počepcov, G. G. Teorija komunikacii [Tekst] / G. G. Počepcov. – М., 2001.
5. Fillmor, Ch. Frejmy i semantika ponimanija // Novoe v zarubezhnoj lingvistike [Tekst] / Ch. Fillmor. – Vyp. 23. – М., 1988. – S. 52–90.
6. Shperber, D. Relevantnost' [Tekst] / D. Shperber, D. Uilson // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. 23. – М., 1988. – S.212–233.
7. Bublitz, W. Parallelism in advertising copy [Tekst] / W. Bublitz // Cooperating with Written Texts: The Pragmatics and Comprehension of Written Texts. (Stein D. (Ed.)). Berlin/New York, 1992. – P. 437–458.
8. Hermeren, L. English for Sale: A Study of the Language of Advertising [Tekst] / L. Hermeren. – Lund University Press, 1999.
9. Johnson-Laird, P. N. Mental Models. Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness [Tekst] / P. N. Johnson-Laird P. N. – Cambridge University Press – Cambridge, 1983.

**ГЛАГОЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ОБЛИГАТОРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРОЦЕССА ПОНИМАНИЯ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Н. В. Каныгина

Выявлены и рассмотрены обязательные структурные компоненты процесса понимания: субъект, объект и способ осуществления понимания между ними. Предложен ряд признаков, по которым глаголы понимания различаются между собой и отличаются от других глаголов интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: структурно-семантические особенности, глаголы понимания, интеллектуальная деятельность, семантическая структура, иррациональное понимание.

Понимание – это очень сложный феномен, изучением которого занимаются различные науки. Среди ученых до сих пор нет единого мнения о сущности, природе, формах понимания, обнаруживается многозначность и в его определении – термином «понимание» обозначают процесс решения задач и осознания проблемной ситуации, момент «внутреннего озарения» и интерпретацию, следование заданному или избранному направлению и т.д. Применительно к человеку, активно познающему окружающий мир, понимание в самом общем виде можно определить как особый способ духовного постижения этого мира. В отличие от знания, «в понимании отражаются и выражаются не всеобщие, но особенные характеристики природы и общественной жизни. Поэтому имеет смысл рассматривать понимание как сторону познания, направленную на освоение всего богатства чувственно данного существования мира во всем его материальном многообразии» [1. С. 233–234].

В процессе понимания можно выделить следующие составляющие его обязательные структурные компоненты: это прежде всего субъект, объект и способ осуществления понимания между ними. В большинстве языков данные компоненты находят яркое выражение в семантике глаголов понимания, непосредственно репрезентирующих этот процесс.

Остановимся на русских и английских глаголах понимания, для которых значение понимания является первым и основным и кото-

рые составляют центр, ядро ЛСГ глаголов понимания: это глаголы *понимать/понять, осознать/ осознать, постигать/постичь, сообразать/сообразить, вникать/вникнуть, разуметь/уразуметь; understand, realize и comprehend.*

Мы считаем, что общим признаком, объединяющим все глаголы понимания, является категориальная сема ‘осуществление интеллектуальной деятельности’, которая реализуется в ряде интегральных и дифференциальных признаков. Исходя из самого процесса понимания, мы выделяем прежде всего такие интегральные признаки, как ‘характер субъекта’, ‘характер объекта’, ‘способ осуществления процесса понимания’, ‘характер процесса понимания’.

Рассмотрим ИС ‘характер субъекта’. В функции субъекта понимания выступают лица, животные и редко (в метафорическом употреблении) неживые предметы. ИС ‘характер субъекта’ реализуется в трёх дифференциальных семмах (ДС): ‘одушевленный’, ‘активный’, ‘конкретный’. Следует отметить, что для глаголов интеллектуальной группы почти всегда будет характерен одушевленный, а следовательно, активный и конкретный субъект: *Арина Петровна понимала, что имела право сказать «Негодяй».* [СЩГГ]; *Головлев догадывается, что его «проникли».* [СЩГГ]; *He never really liked Fred, he didn't understand soldiers.* [MMS] – *Он никогда не любил Фреда, военные ему чужды.* [МЛиГ].

В редких случаях в роли субъекта выступают наименования животных (которые в определенной степени тоже совершают интеллектуальную деятельность): *И лошаденка, точно поняв его мысль, начинает бежать рысцой.* [ЧКС]; *Тётка [Каштанка] не понимала, что говорит хозяин, но по его лицу видела, что и он ждет чего-то ужасного.* [ЧКС].

Отдельную группу составляют случаи употребления глагольных единиц в переносном значении, в частности, это могут быть метонимические переносы: *История знает немало фактов...* (то есть люди, ученые-историки знают); или прием олицетворения: *Волны точно понимали, что эта лодка потеряла цель.* [ГИС]; *<...>, милый, наивный, старый дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал все.* [ЧКС]. В таких случаях происходит переосмысление семантического признака субъекта действия – неодушевленный предмет становится активным и конкретным субъектом интеллектуальной деятельности.

При характеристике употреблений глаголов понимания в контексте мы исходим из положения о том, что данные глаголы должны

рассматриваться не только с точки зрения субъекта, но и с точки зрения объекта, поскольку они выражают направленность интеллектуального акта на объект и проявляют при этом тесную взаимосвязь с ним. О тесной связи ряда глаголов с объектом говорил в своих работах В.Г. Гак, отмечая, что в индоевропейских языках переходный глагол (а почти все глаголы понимания являются переходными) грамматически согласуется с субъектом и вместе с тем находится в семантическом соответствии с объектом, что выражается в присутствии в значении глагола и его объекта общей семы, служащей организации содержательной стороны высказывания [2. С. 375–389].

С точки зрения семантической структуры ИС ‘характер объекта’ представлена (как и ИС ‘характер субъекта’) тремя ДС: ДС ‘одушевленный/неодушевленный’, ДС ‘активный/пассивный’, ДС ‘конкретный/абстрактный’. Из всего списка вышеупомянутых единиц только глаголы *понимать* и *understand*, будучи доминантами, базовыми глаголами своих ЛСГ, могут иметь при себе как неодушевленный, так и одушевленный объект деятельности. Ср.: одушевленный объект действия: *Надя почувствовала, что мать не понимает её и не может понять*. [ЧКС] и неодушевленный: *Вы этого не понимаете, но, клянусь Богом, я уже не могла владеть собой...* [ЧКС]. Аналогичные примеры в английском языке – одушевленный объект при глаголе *understand*: *Nobody understands me*. [OALD7] – *Никто меня не понимает* (объект действия, прямое дополнение, выражено личным местоимением «меня»); и неодушевленный объект, ситуация: *I understood that I might now take my leave*. [MMS] – *Я понял, что теперь мне можно уйти*. [МЛиГ]. Фактический материал показал, что только при глаголах *понимать* и *understand* объект может быть и активным, и пассивным, и конкретным, и абстрактным.

Тот факт, что исключительно глаголы *понимать* и *understand* употребляются с одушевленными объектами (ситуация «понимать/понять кого-то»), противопоставляет их всем остальным глаголам данной группы, которые могут иметь при себе только неодушевленный (следовательно, пассивный и абстрактный) объект: *уразуметь*, *осознать*, *постичь* что-то. Причем и в том, и в другом языке это может быть дополнение (прямое или косвенное) или изъяснительное придаточное предложение, которое обозначает какую-либо ситуацию: *Забыли поставить самовар, уже не соображали ни о чем*. [ЧКС] – косвенное дополнение; *Но богатенькие, допуская его в свою среду, все-таки разумели, что он им не пара, что он только*

шут. [СЩГГ] – придаточное изъяснительное; *He seemed suddenly to realize his unhappiness...* [MMS] – прямое дополнение *unhappiness* (несчастье). Именно невозможность иметь одушевленный объект отличает английские глаголы **realize** и **understand**, так схожие в остальном.

Следующая интегральная сема, которую можно выделить практически у всех глаголов семантического поля «действие» и, в частности, у глаголов интеллектуальной деятельности, – это ИС ‘способ осуществления деятельности (процесса)’. Она реализуется в ДС ‘при помощи разума’, что вполне закономерно, если учитывать, что понимание обычно является результатом мыслительного процесса, непосредственно работы мозга. В семантической структуре других глаголов интеллектуальной деятельности данная ИС может реализовываться в ДС ‘при помощи зрения, глаз’: *А ты бы меня отпустил, игемон, <...> я вижу* (= ‘понимаю или знаю’), *что меня хотят убить*. [БММ]; ‘при помощи слуха, ушей’ – **Услышь** меня! в значении **Пойми** меня!; *I was surprised to hear that he was married*. [OALD7] – *Я был удивлен, узнав, что он женат*. В переносных значениях глаголы восприятия (*видеть, слышать, hear*) переосмысливаются как глаголы интеллектуальной деятельности со значением «знать, понимать».

Следует отметить, что при глаголе *понимать* может находиться обстоятельство образа действия, которое указывает на способ деятельности, а, вернее сказать, на источник понимания. Например: *Иудушка инстинктом понял, что ежели маменька начинает уповать на бога, то это значит, что в ее существовании кроется некоторый изъян*. [СЩГГ]; *Но «ведьма» словно чутьем угадывала их занятия*. [СЩГГ]. Однако и в данных случаях будет актуализирована ДС ‘при помощи разума’, так как имеется в виду ментальный процесс, а значит, задействован мозг и разум человека.

Следующий интегральный семантический признак, качественно характеризующий понимание, – ИС ‘характер деятельности (процесса)’, который у всех названных выше глаголов русского и английского языков реализуется в их семантической структуре в трех семах: ‘контролируемость’, ‘результативность’ и ‘необратимость’. Именно эти признаки отличают глаголы понимания от глаголов других ЛСГ поля интеллектуальной деятельности, выделяют феномен понимания среди других ментальных процессов. Рассмотрим все три семантических признака по порядку.

По определению известного психолога и философа С.Л. Рубинштейна, процесс познания – это «активный, целеустремленный, волевой акт» [3. С. 318]. Об активности/ неактивности и целенаправленности/ нецеленаправленности мыслительной деятельности говорили и ученые-лингвисты, занимающиеся ментальными предикатами [4. С. 350; 5. С. 22]. Мы в ходе исследования используем термин ‘контролируемость/ неконтролируемость’. Приведенные глаголы (*понять, постичь, сообразить, вникнуть, осознать, уразуметь, understand, realize, comprehend*) в подавляющем большинстве случаев имеют в своей семантической структуре ДС ‘контролируемость’, ведь понимание – это до определенной степени контролируемый процесс. Об этом свидетельствует возможность сочетания глаголов понимания (причем всех) с глаголами *хотеть, стремиться, стараться, силиться, пытаться. Умоляю тебя, **вдумайся и пойми!*** [ЧКС]; *Надя почувствовала, что мать не понимает её и **не может понять.*** [ЧКС]; *Она смотрела на него, точно **хотела** поближе разглядеть и **понять** человека, который когда-то любил ее.* [ЧКС]. Ср. также возможность употребления глаголов понимания в такого рода конструкциях, как *отказываться понимать*. Однако многие исследователи отмечают, что степень контролируемости понимания, как и знания, далека от максимальной [6. С. 12].

Рассматривая процесс познания как осознанную деятельность человека, мы считаем, что все глаголы данной ЛСГ являются результативными, т.к. сам процесс понимания предполагает не просто мышление, не просто обладание знанием или информацией, но её осознание, усвоение, переработку. ДС ‘результативность’ очень важна при сопоставлении с глаголами ЛСГ мышления, которые не всегда будут выражать результативный процесс: например, *раздумывать, обдумывать*.

В пользу «результативности» глаголов понимания говорят и особенности их некоторых синонимов: *брать в толк, улавливать, схватывать на лету, прийти в голову, вбить в голову, дойти, допереть, догнать, въехать, усвоить, переварить, разжевать и т.д.* Внимательно изучив эти глаголы, можно сказать, что в их значениях присутствует сема законченности, завершенности. Глаголы *брать, хватать, схватывать, улавливать* обозначают начало обладания чем-то, наличие предмета у человека в противовес его отсутствию прежде. Глаголы *доходить, дойти, допереть, догнать* обозначают завершенное, законченное движение, подразумевают конечную точ-

ку пути. Сравним выражения: *идти к истине* (то есть думать, совершать мыслительные операции) и *дойти* или *допереть* (то есть понять). Глаголы *усвоить*, *переварить*, в свою очередь, обозначают окончание пищеварительного процесса.

Процесс понимания также является необратимым. То, что мы однажды поняли, уже невозможно будет не понимать. Так, например, глагол *знать* можно считать обратимым: *Я знал что-то* (т.е. обладал информацией), *но потом забыл* (потерял информацию, т.е. вернулся в точку, когда у меня этой информации не было). Но потом я могу вспомнить это (т.е. вновь обрести информацию). С глаголом *понимать* мы уже не сможем вернуться в эту изначальную точку, например: *Я перестала понимать математику. Начались слишком сложные темы* (т.е. я остановилась в какой-то точке и не могу двигаться дальше, но и вернуться в точку, где я совсем ничего не понимала в математике, тоже невозможно, ведь все легкие темы я прекрасно понимаю и этого знания у меня уже никто не отнимет). Характерно, что в подобных контекстах с инфинитивом *понимать* используется только глагол *перестать*, который указывает именно на остановку процесса понимания, но никак не на возврат в исходную точку: *Оба они перестали понимать друг друга, а наконец каждый и себя*. [ГОбл].

Мы считаем, что помимо вышеназванных интегральных признаков, в семантической структуре глаголов понимания можно выделить ИС 'протяженность во времени', которая эксплицирует количественные характеристики процесса понимания. Сложность и дискуссионность выделения данной семы объясняется тем, что исследуемый процесс понимания, как и все мыслительные операции, протекает в голове человека, и его длительность крайне сложно измерить точно и объективно. Кроме того, возникает вопрос, можно ли вообще говорить о протяженности во времени, если речь идет, по сути, о заключительной, финальной части мыслительного процесса, его результате. И, тем не менее, нам представляется необходимым выделить данную сему, так как значение протяженности во времени может быть представлено имплицитно (то есть заключаться в значении глагола) и эксплицитно, когда имеются соответствующие уточнители или указания автора (говорящего) – *понимать быстро, медленно, вдруг*. С некоторой долей условности в рамках названной ИС мы можем выделить две ДС: 'длительность' и 'кратковременность'.

Нельзя не заметить, что, например, глагол *сообразить* и глагол *догадаться* отличаются от остальных именно признаком кратковременности, мгновенности. *Догадаться* – в сущности, то же самое, что *понять* (действию предшествует процесс мышления), но конечная фаза процесса понимания у глагола *догадаться* протекает быстрее. Поэтому в семантической структуре глаголов *догадаться* и *сообразить* ИС ‘протяженность во времени’ реализуется в ДС ‘кратковременность’. Это также подтверждается такими типичными примерами, как *Он быстро сообразил, в чем дело. И тут я вдруг догадался...*

Напротив, лексемы *уразуметь*, *вникнуть* и *осознать* не могут сочетаться с подобными уточнителями: нельзя *вдруг вникнуть* во что-либо, *быстро осознать* что-либо или *сразу постичь*. В доказательство того, что у данных глаголов будет актуализирована ДС ‘длительность’, приведем следующий пример: *Мало-помалу, ободраемый снисходительными восклицаниями игроков, он освоился, уразумел, в чем заключалась игра.* [МАС].

Глаголы *постигать/постигнуть* могут иметь при себе обстоятельства, указывающие как на продолжительность процесса: *Я не мог постигнуть, зачем папа бранит Карла Ивановича.* [ГДОЮ]; так и на его относительную кратковременность: *Чичиков вдруг постигнул дух начальника и в чем должно состоять поведение.* [ГМД].

Характерно, что глагол *понимать* может актуализировать в своей структуре и ту, и другую дифференциальные семы. Иногда понимание – относительно длительный процесс, который может занять немало времени: *Буркин долго не спал и все никак не мог понять, откуда этот тяжелый запах.* [ЧКС]; *Понадобилось полстолетия, чтобы полковник понял, что не знал ни минуты покоя с тех пор, как была сдана Неерландия.* Или же наоборот, понимание может прийти внезапно, если оно каузуировано каким-либо конкретным внешним источником: *Ольга Ивановна вспомнила всю свою жизнь с ним, от начала до конца, со всеми подробностями, и вдруг поняла, что это был в самом деле необыкновенный, редкий и великий человек.* [ЧКС].

В английском языке глаголы понимания, аналогично русским, могут иметь в своей семантической структуре как ДС ‘кратковременность’, так и ДС ‘длительность’. Приведем пример, где благодаря контекстуальному уточнителю названная ИС реализуется в ДС ‘кратковременность’: *He seemed suddenly to realize his unhappiness.* [MMS] – *Внезапно он почувствовал всю глубину своего несчастья.*

[МЛиГ] Но в то же время в некоторых контекстах четко прослеживается указание на постепенность и длительность процесса понимания: *Gradually, the children began to understand*. [OALD7] – *Постепенно дети начинали понимать*.

Иными словами, мы можем сказать, что глаголы понимания английского языка изначально не различаются по признаку ‘протяженности во времени’, реализация этой семы во многом зависит от контекстуальных уточнителей.

Таким образом, реконструкция семантической структуры глаголов понимания позволила выявить некоторые особенности репрезентации в русском и английском языках таких обязательных компонентов процесса понимания, как субъект, объект и способ осуществления этого процесса.

Список литературы

1. Быстрицкий, Е. К. Понимание – окно в новый мир? [Текст] / Е. К. Быстрицкий // Загадка человеческого понимания. – М. : Политиздат, 1991. – С. 221–234.
2. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики [Текст] / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. 1971. – М. : Наука, 1972. – С. 367–395.
3. Иомдин, Б. Л. Семантика глаголов иррационального понимания [Текст] / Б. Л. Иомдин // Вопросы языкознания. – 1999. – №4. – С.71–90.
4. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – СПб : Издательство «Питер», 2000. – 712 с.
5. Васильев, Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика [Текст] / Л. М. Васильев. – Уфа: Гилем, 2005. – 466 с.

List of literature

1. Bystrickij, E. K. Ponimanie – okno v novyj mir? [Tekst] / E. K. Bystrickij // Zagadka chelovecheskogo ponimaniya. – M. : Politizdat, 1991. – S. 221–234.
2. Gak, V. G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki [Tekst] / V.G. Gak // Problemy strukturnoj lingvistiki. 1971. – M. : Nauka, 1972. – S. 367–395.
3. Iomdin, B. L. Semantika glagolov irracional'nogo ponimaniya [Tekst] / B. L. Iomdin // Voprosy jazykoznanija. – 1999. – №4. – S.71–90.
4. Rubinshtejn, S. L. Osnovy obvej psihologii [Tekst] / S. L. Rubinshtejn. – SPb : Izdatel'stvo «Piter», 2000. – 712 s.
5. Vasil'ev, L. M. Sistemnyj semanticheskij slovar' russkogo jazyka. Predikatnaja leksika [Tekst] / L. M. Vasil'ev. – Ufa: Gilem, 2005. – 466 s.

6. Митрофанова, О. А. Структурный анализ сигнификативного значения (на материале глаголов процесса мышления английского и русского языков). [Текст] / О.А. Митрофанова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. – 40 с.

7. Иомдин, Б. Л. Лексика иррационального понимания : автореф. дис. ... канд. филол. наук: [Текст] / Б. Л. Иомдин. – М., 2002. – 24 с.

Источники и словари

1. БММ – Булгаков, М. А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита; Повести; Рассказы [Текст] / М.А. Булгаков. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 656 с.

2. ГИС - Горький, М. Избранные сочинения [Текст] / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1986. – 1086 с.

3. ГМД - Гоголь, Н. В. Мертвые души [Текст] / Н. В. Гоголь. – М. : Правда, 1984. – 368 с.

4. ГОБл – Гончаров, И. А. Обломов. Роман в четырех частях [Текст] / И. А. Гончаров // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Том 4. – СПб. : Наука, 1998. – 423 с.

5. МАС – Словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1999.

6. МЛиГ – Моэм, С. Луна и грош. Театр. Рассказы [Текст] / С. Моэм. – М. : Правда, 1983. – 576 с.

6. Mitrofanova, O. A. Strukturnyj analiz signifikativnogo znachenija (na materiale glagolov processa myshlenija anglijskogo i russkogo jazykov). [Tekst] / O.A. Mitrofanova. – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1997. – 40 s.

7. Iomdin, B. L. Leksika irracional'nogo ponimaniija : avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk: [Tekst] / B. L. Iomdin. – M., 2002. – 24 s.

Istochniki i slovari

1. BMM – Bulgakov, M. A. Belaja gvardija; Master i Margarita; Povesti; Rasskazy [Tekst] / M.A. Bulgakov. – M. : OLMA-PRESS, 2005. – 656 s.

2. GIS - Gor'kij, M. Izbrannye sochinenija [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : Hudozh. lit., 1986. – 1086 s.

3. GMD - Gogol', N. V. Mertvyje dushi [Tekst] / N. V. Gogol'. – M. : Pravda, 1984. – 368 s.

4. GOBl – Goncharov, I. A. Ob-lomov. Roman v chetyreh chastjah [Tekst] / I. A. Goncharov // Goncharov I. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v dvadcati tomah. Tom 4. – SPb. : Nauka, 1998. – 423 s.

5. MAS – Slovar' russkogo jazyka: V 4 t. [Tekst] / Pod red. A.P. Evgen'evoj. – M. : Russkij jazyk, 1999.

6. MLiG – Mojem, S. Luna i grosh. Teatr. Rasskazy [Tekst] / S. Mojem. – M. : Pravda, 1983. – 576 s.

7. СИГГ – Салтыков-Щедрин, М.Е. Господа Головлевы [Текст] / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Правда, 1978. – 334 с.
8. ТДОЮ – Толстой, Л. Н. Детство. Отрочество. Юность [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : Наука, 1978. – 527 с.
9. ЧКС – Чехов, А.П. Дом с мезонином: Повести и рассказы [Текст] / А. П. Чехов. – М. : Художественная литература, 1983. – 303 с.
10. MMS – Maugham, S. The Moon and sixpence [Текст] / S. Maugham. – Moscow : Progress publisher, 1972. – 239 p.
11. OALD7 - Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 7th ed. [Текст] / Chief ed. S. Wehmeier. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 1856 p.
7. SWGG – Saltykov-Wedrin, M.E. Gospoda Golovlevy [Tekst] / M. E. Saltykov-Wedrin. – M. : Pravda, 1978. – 334 s.
8. TDOJu – Tolstoj, L. N. Detstvo. Otrochestvo. Junost' [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M. : Nauka, 1978. – 527 s.
9. ChKS – Chehov, A.P. Dom s mezoninom: Povesti i rasskazy [Tekst] / A. P. Chehov. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1983. – 303 s.
10. MMS – Maugham, S. The Moon and sixpence [Tekst] / S. Maugham. – Moscow : Progress publisher, 1972. – 239 p.
11. OALD7 - Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 7th ed. [Tekst] / Chief ed. S. Wehmeier. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 1856 p.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В. И. ЛЕНИНА

С. А. Приходько

Данная статья посвящена языковой личности В. И. Ленина. В ней можно найти обзор его творческой биографии. Автор анализирует основные свойства языковой личности В. И. Ленина. Для аспирантов, журналистов, лингвистов, ораторов и писателей.

Ключевые слова: Языковая личность, Лениниана, дискурс, публицистика, интегрирующий характер, авторитарная языковая личность, саботаж, метафора.

В. И. Ленин оставил нам огромное по объёму, неисчерпаемое по содержанию и непревзойдённое по мастерству литературное наследие. Количество документов и произведений, принадлежащих перу В. И. Ленина и опубликованных на русском языке, превышает 10 тысяч. При их подготовке автором использовано 16 тысяч книг и других источников на 22 языках народов мира. Более 30 тысяч документов и рукописей В. И. Ленина, свыше 800 книг, над которыми он работал и оставил на них свои пометки, 12 грампластинок с записями его выступлений были направлены в Центральный партийный архив при ЦК КПСС [1. С. 3]. В настоящее время голос В. И. Ленина можно услышать в Интернете [41].

У истоков советской научной Ленинианы стоял академик Л. В. Щерба. Именно он возглавил комиссию по изучению творчества В. И. Ленина, образованную 29 марта 1924 г. в Институте сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ). Колоссальный вклад в изучение необозримого наследия В. И. Ленина внесли советские исследователи. В 1924–1991 гг. вышло в свет множество глубоких идеологических, лингвистических, литературоведческих и философских трудов, затрагивающих самые различные стороны сочинений В. И. Ленина. Советские учёные провели крупные исследования, нашедшие своё отражение в целом ряде докторских и кандидатских диссертаций. Кроме того, в СССР издавались и переиздавались ленинские работы. Заслуживает внимания уже факт многократной публикации Полного собрания сочинений, принадлежащих перу данной языковой личности. Небезынтерес-

ным является подробный анализ богатого и разнообразного наследия В. И. Ленина, ставший ещё более обстоятельным в 1972–1998 гг., пусть и менее интенсивным в 1994–1998 гг. Труды В. И. Ленина переведены на десятки языков мира, что сделало его языковой личностью планетарного масштаба.

Примечательно то, что на рубеже веков был отмечен рост упоминаний ленинской проблематики. Новые исследования в рамках Ленинианы стали более активно издаваться уже в третьем тысячелетии. Можно констатировать: в конце первого десятилетия XXI столетия возобновился выход кандидатских диссертаций, прямо связанных с В. И. Лениным. Процесс активизации исследовательской деятельности затронул как переводные публикации, так и изыскания отечественных учёных [16; 22 и пр.]. Солидарность с российскими специалистами проявляют их коллеги из сопредельных стран [43].

Очевидно, интерес к данной теме будет нарастать и в наступившем десятилетии.

Наиболее перспективным направлением изучения произведений В. И. Ленина можно считать подход к нему как к языковой личности. К термину «языковая личность» исследователи обращались ещё в Советском Союзе. Непреходящая актуальность антропоцентрического подхода объясняется тем, что через призму языковой личности можно по-новому взглянуть на самые сложные лингвистические вопросы [4; 8; 11; 14; 20; 24; 29; 30].

Известность В. И. Ленина как политика также требует вовлечения в работу с его текстами зарубежных публикаций, выполненных в русле политической лингвистики [33; 34; 35; 36], различных сторон дискурс-анализа [39], риторики [38] и теории речевых актов [40].

Хотя В. И. Ленин был выдающимся политическим деятелем, его языковую деятельность ни в коем случае нельзя ограничивать политическими рамками. Во-первых, он работал практически во всех стилях русского языка. Многие труды В. И. Ленина балансируют на грани различных, взаимодополняющих видов дискурса. Эта интеграция [23. С. 236] и создаёт неповторимый стиль В. И. Ленина. Во-вторых, он призывал беречь русский язык от избыточных заимствований. На современном этапе развития русистики это мнение разделяют многие специалисты: безудержное использование чужеродных эквивалентов ведёт к вытеснению исконно русских понятий. В-третьих, В. И. Ленин разрабатывал в своих изданиях вопрос введения международного языка – эсперанто [13]. Таким образом, в сфе-

ру его интересов входили лингвистические проблемы. В-четвёртых, многие учёные убеждены в том, что В. И. Ленин выходит за рамки политической истории и литературы. Например, выдающийся филолог Ю. Н. Караулов относит В. И. Ленина, наряду с К. Марксом и Ф. Энгельсом, к великим мыслителям современности [14. С. 168].

В. И. Ленин проявил себя как многоплановая языковая личность: и как лектор, и как оратор, и как переводчик, и как писатель, и как публицист.

Началом его творческой биографии следует считать 1894 год: именно в этот период времени издаются 2 первые крупные работы. Здесь впервые проявился основной принцип политической полемики В. И. Ленина. На протяжении всей жизни он никогда не удовлетворялся высказываниями по спорному предмету, а в ходе критики быстро приступал к оскорблениям личного характера, добиваясь полного морального уничтожения оппонента. Интегрирующий, смешанный характер дискурса усиливал его жёсткость.

Быстро последовавшие за этим тюремное заключение и трёхлетняя ссылка стали очень плодотворным периодом: В. И. Ленин успел написать более 30 сочинений; перевёл на русский язык ряд зарубежных изданий; сформулировал отзывы на некоторые сочинения, к которым относятся и иностранные труды.

В это же время В. И. Ленин вступил на поприще журналиста. «Изучение стиля Ленина должно быть предметом особых штудий – в связи с историей русского ораторского и журнального стиля» [32. С. 70], поэтому требуется более подробно представить этапы его журналистской карьеры. Эмигрировав за границу после ссылки, диссидент начал выпускать газету «Искра». В ней в 1900–1903 гг. В. И. Ленин сумел опубликовать около 50 своих работ. Кроме того, увидели свет его отдельные монографии, подтверждающие ту же истину: в политической борьбе автор не сдерживал эмоций [23. С. 238] и не стеснялся в выражениях по отношению к противнику. Можно согласиться с мнением М. А. Алексеенко: «Ленин был беспощаден в определениях-характеристиках врагов» [1. С. 86].

Ещё одним печатным оружием стала газета «Вперёд», изданная В. И. Лениным в 1905 г. В тот период, помимо статей, он представляет общественности свои книги.

Вернувшись в вышеназванном году в Россию, В. И. Ленин возглавил редакцию газеты «Новая жизнь», на страницах которой можно было увидеть 13 его статей.

Следующей газетой В. И. Ленина стал «Пролетарий», издаваемый за границей в 1906–1909 гг. Практически одновременно, в 1907–1917 гг., функционировал ещё один печатный орган – газета «Социал-демократ». Фактически став её главным редактором, В. И. Ленин беспрепятственно публиковал в каждом номере 1–2 статьи. В результате в 58 номерах увидели свет около 90 его статей.

На этом писательская деятельность В. И. Ленина не закончилась. В 1908–1912 гг. его публиковали «Рабочая газета», журналы «Мысль» и «Просвещение», а также издания «Звезда» и «Невская звезда».

Огромную роль сыграла классическая монография В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», опубликованная издательством «Звено» в мае 1909 года в Москве.

В 1912 г. родилась газета «Правда», выходящая до сих пор и отмечающая в этом году свой вековой юбилей. Её руководитель В. И. Ленин выпустил в ней свыше 280 своих статей и заметок.

В годы Первой мировой войны он, отсидев в австрийской тюрьме, публикует статьи за пределами Российской империи. В 1917 г. В. И. Ленин действовал как в своей родной стране, так и в других государствах. В подполье он создал несколько объёмных работ. Возвратившись домой в том же году, он занимается политикой, в том числе на бумаге, вплоть до 1924 г.

Одержав победу в октябре 1917 года в политической войне, В. И. Ленин сразу же пресёк другим желающим всякую возможность проводить свою линию через печать. Прежде он сотрудничал с другими партиями в их изданиях. Программа советской прессы изложена в ряде трудов В. И. Ленина, написанных вскоре после Октябрьской революции. Они не оставляют сомнений в том, что публицистика должна была превратиться в рупор большевистской власти. Существовавшую в стране более 10 лет многопартийную печать автор реформ просто проигнорировал и стал саботировать политические дебаты.

Эти факты подтверждают: В. И. Ленин всегда использовал печатное слово как идеологический инструмент и не желал делиться им со своими конкурентами по той причине, что допуск к СМИ, часто называемым в настоящее время четвёртой властью, угрожал его господствующему положению в политической сфере новой страны. Таким образом, налицо черты авторитарной языковой личности. Естественно, на её формирование повлияло то обстоятельство, что

В. И. Ленин очень часто находился в состоянии острого речевого конфликта, которому современные лингвисты придают большое значение [6; 29; 42].

Е. И. Шейгал утверждает, что «одно из коммуникативных измерений, значимых для типологии политического дискурса, – это варьирование его признаков по оси «монологичность – диалогичность», к полюсам которой тяготеют, соответственно, тоталитарный и демократический типы дискурса» [31. С. 83]. В авторитарном дискурсе вождь является «абсолютным Властелином языка, хозяином слов – ведь он определяет их значение. Поскольку Слово, как вся система коммуникации, находится в руках вождя, высшего авторитета, слова и знаки не могут иметь иных значений помимо тех, которые официально приписываются им» [26. С. 84]. Снятие неопределённости политических понятий через узурпацию их значений придаёт тоталитарному дискурсу завершённость, косность, неподвижность и выполняет функцию защитного механизма по отношению ко всей системе власти.

Речевое поведение авторитарной личности укладывается в русло отношений господства и подчинения, для него характерны конформизм и подражание, слепое следование авторитету и установка на имитацию. Поэтому «в условиях репрессивного общества диалог превращается в ритуал, а диалогическую этику вытесняет ритуал лояльности» [9. С. 24].

Авторитарная коммуникация является монологичной по своей сути. Для неё не существует релевантных критериев истинности, информативности, уместности, ясности - все они перекрываются единственным критерием «освящено / не освящено коммуникативным авторитетом субъекта монологического воздействия» (или «одобрено / не одобрено им») [25. С. 50].

Авторитарность дискурса имеет в качестве своей когнитивной опоры фидеистическое отношение к авторитетному слову, то, что в терминах М. М. Бахтина можно охарактеризовать как «благоговейное приятие авторитетного слова» [5. С. 317], в противовес активно ответному пониманию в истинно диалогическом общении.

Фактически В. И. Ленин, являясь авторитарной языковой личностью, прибегал к коммуникативному саботажу, определяемому как «диалогический прием оказания речевого воздействия, выражающий скрытое сопротивление человека и направленный на игнорирование содержательной части высказывания собеседника с целью

уклонения от общения, искажения или сокрытия информации» [3. С. 11]. В монологическом диалоге центральный субъект ведёт диалог с отсутствующим партнёром. Диалогичность достигается с помощью естественных контактных средств: вопроса, императива, обращения [37]. Все эти языковые ресурсы в изобилии представлены в произведениях В. И. Ленина.

Во многих своих трудах [19 и др.] В. И. Ленин прибегал к метафоре, поскольку она представляет собой крайне эффективный полемический приём. П. М. Фесуненко в этой связи заявляет: «Но исключительного воздействия на восприятие читателя В. И. Ленин достигает путем трансформации литературного изречения и создания на его словесной и образной основе совершенно нового образа» [28. С. 132].

«Метафорогенная деятельность человека не ограничивается его креативными способностями, а “пронизывает” всю его жизнедеятельность. Человек вырастает среди метафор и воспринимает мир через определенную “метафорическую вуаль”, что во многом предопределяет его общую коммуникативную компетентность» [2. С. 47]. Процесс метафоризации является характерной чертой естественного языка, одним из существенных проявлений закономерности строения человеческого языка как средства коммуникации [17. С. 140]. Образование метафорического значения единицы основано на специфическом свойстве знака, рассматриваемом в лингвистике как «принцип асимметрического дуализма» [15. С. 85]. «Метафоризация лексической единицы свидетельствует о двухуровневости строения номинативной системы языка, о наличии в ней уровня прямых наименований и уровня переносных наименований. Семантическая природа метафорических наименований обладает рядом отличительных свойств» [18. С. 14]. По мнению М. В. Никитина, они обладают потенциальной семантикой, поскольку «не фиксируют определенное содержание, а лишь нечетко очерчивают некую семантическую область с вероятностной структурой. В речи совершается отбор из этой области, и переносные значения семантизируются по определенным правилам» [21. С. 99].

В процессе вторичной номинации, как и в процессе прямой номинации, участвуют три элемента: «познанный субъект (человек), познаваемый объект (реальная действительность) и языковой знак (знак), способствующий процессу познания» [10; 27].

«В результате процесса метафоризации происходит отбор признаков вторичного объекта номинации, связываемых с ним ассоциа-

ций, приложимых к характеристике первичного объекта номинации. Метафора создает сходство; эффект метафоры возникает вследствие взаимодействия и интерференции двух понятий, за счет манифестации в языковом высказывании признаков и ассоциаций, общих для двух сравниваемых понятий и одновременно погашения нерелевантных признаков и ассоциаций» [18. С. 15]. Два элемента метафоры получают различные наименования: подавляемое представление – замещающий (более чувственный) образ, первичный объект (**теплог**) и вторичный объект (**vehicle**) [37], область-источник и область-цель [12].

Иногда метафора анализируется не как результат языкотворческого процесса, а как непосредственно языкотворческий процесс. В частности, М.Блэк разграничивает «фокус» метафоры, подразумевая под ним лексическую единицу, которая обнаруживает отклонения от своего обычного значения, и «рамку» метафоры – остальную часть метафоры [7]. В соответствии с его концепцией, в процессе метафоризации участвуют четыре компонента: 1) первичный объект; 2) вторичный объект; 3) система признаков (ассоциаций) первичного объекта; 4) система признаков (ассоциаций) вторичного объекта.

Процесс метафоризации в данной трактовке характеризуется двунаправленностью в связи с тем, что семантическим изменениям подвергаются два объекта номинации.

Справедливым представляется вывод, сделанный Б. М. Эйхенбаумом: «В общем стиль Ленина представляет собой своеобразное сочетание трех стилевых слоев: русской интеллигентско-книжной речи, восходящей к Чернышевскому, русской разговорно-обиходной и спорщицкой речи (“словечки”) и латинского ораторского стиля (Цицерон). Последний элемент является, очевидно, следом классического образования (см. частые латинские пословицы), полученного Лениным и, быть может бессознательно, использованного им для конструкций некоторых речей и статей. Внедрением второго элемента он нарушает традиции интеллигентской речи и снижает ее. Пафос “будничных” слов и выражений (“очень уж недопустимых”) является отличительной чертой его стиля. Здесь он исторически соприкасается с тем разрушением традиционной “поэтичности”, которое отличало Толстого и которое в резкой форме явилось заново у футуристов – в частности у Маяковского. Традиции “высокого” ораторского стиля смещены, несмотря на сохранение целого ряда традиционных классических приемов, получающих в таком сочетании новое функциональное значение» [32. С. 70].

К свойствам языковой личности В. И. Ленина относятся: авторитарность; активная жестикуляция; исключительная эмоциональность; манипулятивность; метафоричность; ориентация на массового адресата; смешанный стиль изложения; тщательная подготовка к выступлениям. Многие стороны данной личности ещё не изучены в полной мере.

Список литературы

1. Алексеенко, М. А. Фразеология ленинской речи и способы ее перевода (на материале Полного собрания сочинений В.И.Ленина, изд. на рус. и укр. яз.) [Текст] / М. А. Алексеенко. – Львов: Издательство при Львовском университете, 1989. – 208 с.
2. Алешина, О. Н. Семантическое моделирование в лингво-метафорологических исследованиях (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / О. Н. алешина. – Новосибирск: НГУ, 2003. – 367 с.
3. Андреева, В. Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / В. Ю. Андреева. – Курск : КГУ, 2009. – 24 с.
4. Баишева, З. В. Языковая личность судебного оратора А. Ф. Кони: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / З. В. Баишева. – Уфа: БГПУ, 2007. – 46 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
6. Белоус, Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном

List of literature

1. Alekseenko, M. A. Frazeologija leninskoj rechi i sposoby ee perevoda (na materiale Polnogo sobranija sochinenij V.I.Lenina, izd. na rus. i ukr. jaz.) [Tekst] / M. A. Alekseenko. – L'vov: Izdatel'stvo pri L'vovskom universitete, 1989. – 208 s.
2. Aleshina, O. N. Semanticheskoe modelirovanie v lingvometaforologicheskikh issledovanijah (na materiale russkogo jazyka): dis. ... d-ra filol. nauk [Tekst] / O. N. aleshina. – Novosibirsk: NGU, 2003. – 367 s.
3. Andreeva, V. Ju. Strategii i taktiki kommunikativnogo sabotazha: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Tekst] / V. Ju. Andreeva. – Kursk : KGU, 2009. – 24 s.
4. Baisheva, Z. V. Jazykovaja lichnost' sudebnogo oratora A. F. Koni: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Tekst] / Z. V. Baisheva. – Ufa: BGPU, 2007. – 46 s.
5. Bahtin, M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva [Tekst] / M. M. Bahtin. – M.: Iskusstvo, 1986. – 445 s.
6. Belous, N. A. Konfliktnyj diskurs v kommunikativnom pros-

- пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Н. А. Белоус. – Краснодар: КГУ, 2008. – 48 с.
7. Блэк, М. Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 163–172.
8. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Г. И. Богин. – Л.: ЛГУ, 1984. – 31 с.
9. Вовк, В. Монологизм сознания и язык политики [Текст] / В. Вовк // Политическая мысль. – 1995. – №2/3. – С. 21–26.
10. Гак, В. Г. Семантическая структура как компонент семантической структуры высказывания [Текст] / В. Г. Гак // Семантическая структура слова. (Психолингвистические исследования). – М.: Наука, 1971. – С. 78–95.
11. Дедюкова, М. В. Языковая личность в публицистическом дискурсе (на материале немецких журнальных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2009. – 28 с.
12. Джонсон, М., Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / М. Джонсон, Д. Лакофф. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
13. Дрезден, Э. Учение Ленина в практике движения за международный язык [Текст] / Э. Дрезден // Международный язык. – 1933. – №1. – С. 20–25.
- transtve: semanticheskie i pragmaticheskie aspekty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Tekst] / N. A. Belous. – Krasnodar: KGU, 2008. – 48 s.
7. Bljek, M. Metafora [Tekst] / M. Bljek // Teorija metafory. – M. : Progress, 1990. – S. 163–172.
8. Bogin, G. I. Model' jazykovoj lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostjam tekstov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Tekst] / G. I. Bogin. – L.: LGU, 1984. – 31 s.
9. Vovk, V. Monologizm soznaniya i jazyk politiki [Tekst] / V. Vovk // Politicheskaja mysl'. – 1995. – №2/3. – S. 21–26.
10. Gak, V. G. Semanticheskaja struktura kak komponent semanticheskoy struktury vyskazyvanija [Tekst] / V. G. Gak // Semanticheskaja struktura slova. (Psiholingvističeskie issledovanija). – M.: Nauka, 1971. – S. 78–95.
11. Dedjukova, M. V. Jazykovaja lichnost' v publicističeskom diskurse (na materiale nemeckih zhurnal'nyh tekstov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M.: MGU, 2009. – 28 s.
12. Dzhonson, M., Lakoff D. Metafor, kotorymi my zhivem [Tekst] / M. Dzhonson, D. Lakoff. – M.: Izd-vo LKI, 2008. – 256 s.
13. Drezden, Je. Učenie Lenina v praktike dvizhenija za mezhdunarodnyj jazyk [Tekst] / Je. Drezden // Mezhdunarodnyj jazyk. – 1933. – №1. – S. 20–25.

14. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
15. Карцевский, С. О. Об асимметрическом дуализме языкового знака // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях [Текст] / С. О. Карцевский. – М.: Учпедгиз, 1965. – Ч. 2. – 458 с.
16. Кегеян, С. Э. Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма): автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / С. Э. Кегеян. – М.: МГПУ, 2009. – 29 с.
17. Колшанский, Г. В. Лингвоносеологические основы языковой номинации [Текст] / Г. В. Колшанский // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 99–146.
18. Кучер, И. Н. Структурно-семантические признаки именных образных моделей в английском языке (на материале образной системы А. Теннисона): дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск: СГУ, 2006. – 157 с.
19. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии [Текст] / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1989. – 508 с.
20. Мальцева, О. Н. Описание языковой личности (конструктивный подход): дис. ... канд. филол. наук
14. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Tekst] / Ju. N. Karaulov. – M.: Nauka, 1987. – 261 s.
15. Karcevskij, S. O. Ob assimetricheskom dualizme jazykovogo znaka // Istorija jazykoznanija XIX–XX vekov v ocherkah i izvlechenijah [Tekst] / S. O. Karcevskij. – M.: Uchpedgiz, 1965. – Ch. 2. – 458 s.
16. Kegejan, S. Je. Lingvori-toricheskie parametry politicheskogo diskursa (na materiale tekstov ideologov bol'shevizma): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Tekst] / S. Je. Kegejan. – M.: MGPU, 2009. – 29 s.
17. Kolshanskij, G. V. Lingvognoseologicheskie osnovy jazykovoj nominacii [Tekst] / G. V. Kolshanskij // Jazykovaja nominacija (Obwie voprosy). – M.: Nauka, 1977. – S. 99–146.
18. Kucher, I. N. Strukturno-semanticheskie priznaki imennyh obraznyh modelej v anglijskom jazyke (na materiale obraznoj sistemy A. Tennisona): dis. ... kand. filol. nauk. – Smolensk: SGU, 2006. – 157 s.
19. Lenin, V. I. Materializm i jem-piriokriticizm. Kriticheskie zametki ob odnoj reakcionnoj filosofii [Tekst] / V. I. Lenin. – M.: Politizdat, 1989. – 508 s.
20. Mal'ceva, O. N. Opisanie jazykovoj lichnosti (konstruktivnyj podhod): dis. ... kand. filol. nauk

- наук [Текст] / О. Н. Мальцева. – Краснодар: КГУ, 2000. – 171 с.
21. Никитин, М. В. Лексическое значение слова: Структура и комбинаторика [Текст] / М. В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1983. – 128 с.
22. Полуян, Н. Н. Идеи теории познания «русского эмпириокритицизма» (В. А. Базаров, А. А. Богданов): автореф. дис. ... канд. философ. наук [Текст] / Н. Н. Полуян. – Киров: ВГГУ, 2010. – 24 с.
23. Приходько, С. А. Эмотивность дореволюционного публицистического дискурса В. И. Ленина (на базе монографии «Материализм и эмпириокритицизм») [Текст] / С. А. Приходько // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – С. 231–239.
24. Пушкин, А. А. Прагматингвистические характеристики авторитарной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А. А. Пушкин. – Чебоксары: ЧГУ, 1992. – 16 с.
25. Семененко, Л. П. Аспекты лингвистической теории монолога [Текст] / Л. П. Семененко. – М.: МГЛУ, 1996. – 323 с.
26. Серιο, П. О языке власти: критический анализ [Текст] / П. Серιο // Философия языка: в границах и вне границ. – Т. 1. – Харьков: Око, 1993. – С. 83–100.
27. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) [Текст] / А. А. Уфимцева // [Текст] / О. N. Mal'ceva. – Krasnodar: KGU, 2000. – 171 s.
21. Nikitin, M. V. Leksicheskoe znachenie slova: Struktura i kombinatorika [Tekst] / M. V. Nikitin. – M.: Vyssh. shk., 1983. – 128 s.
22. Polujan, N. N. Idei teorii poznanija «russkogo jempiriokriticizma» (V. A. Bazarov, A. A. Bogdanov): avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk [Tekst] / N. N. Polujan. – Kirov: VGGU, 2010. – 24 s.
23. Prihod'ko, S. A. Jemotivnost' dorevoljucionnogo publicisticheskogo diskursa V. I. Lenina (na baze monografii «Materializm i jempiriokriticizm») [Tekst] / S. A. Prihod'ko // Slavjanskije jazyki i kul'tury: proshloe, nastojawee, buduwee. – Irkutsk: IGLU, 2011. – S. 231–239.
24. Pushkin, A. A. Pragmalingvisticheskie harakteristiki avtoritarnoj jazykovej lichnosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Tekst] / A. A. Pushkin. – Cheboksary: ChGU, 1992. – 16 s.
25. Semenenko, L. P. Aspekty lingvisticheskoj teorii monologa [Tekst] / L. P. Semenenko. – M.: MGLU, 1996. – 323 s.
26. Serio, P. O jazyke vlasti: kriticheskij analiz [Tekst] / P. Serio // Filosofija jazyka: v granicah i vne granic. – T. 1. – Har'kov: Oко, 1993. – S. 83–100.
27. Ufimceva, A. A. Leksicheskaja nominacija (pervichnaja nejtral'naja) [Tekst] / A. A. Ufim-

- Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 5–85.
28. Фесуненко, П. М. Стиль произведений В. И. Ленина [Текст] / П. М. Фесуненко. – Киев: РИО КГПИ им. А.М. Горького, 1972. – 192 с.
29. Шаповалова, Н. Г. Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса (на материале радио, телевидения и Интернета): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов: СГУ, 2008. – 19 с.
30. Шахнарович, А. М. Языковая личность и языковая способность [Текст] / А. М. Шахнарович // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 213–223.
31. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград: ВГПУ, 2000. – 431 с.
32. Эйхенбаум, Б. М. Основные стилевые тенденции в речи Ленина [Текст] / Б. М. Эйхенбаум // ЛЕФ. – 1924. – №1. – С. 57–70.
33. Bergsdorf, W. Politik und Sprache [Текст] / W. Bergsdorf. – München, Wien: Olzog, 1978. – 186 S.
34. Chilton, P. Metaphor in Political Discourse: the Case of the “Common European House” [Текст] / P. Chilton, M. Ilyin // Discourse and Society. Vol. 4. – London: Sage Publications, 1993. – P. 7–31.
- ceva // Jazykovaja nominacija (Vidy naimenovanij). – M.: Nauka, 1977. – S. 5–85.
28. Fesunenکو, P. M. Stil' proizvedenij V. I. Lenina [Tekst] / P. M. Fesunenکو. – Kiev: RIO KGPI im. A.M. Gor'kogo, 1972. – 192 s.
29. Shapovalova, N. G. Model' konfliktnoj jazykovoj lichnosti uchastnika massmedijnogo diskursa (na materiale radio, televidenija i Interneta): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Saratov: SGU, 2008. – 19 s.
30. Shahnarovich, A. M. Jazykovaja lichnost' i jazykovaja sposobnost' [Tekst] / A. M. Shahnarovich // Jazyk – sistema. Jazyk – tekst. Jazyk – sposobnost'. M.: Institut russkogo jazyka RAN, 1995. – S. 213–223.
31. Shejgal, E. I. Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk. – Volgograd: VGPU, 2000. – 431 s.
32. Jejhenbaum, B. M. Osnovnye stilevyje tendencii v rechi Lenina [Tekst] / B. M. Jejhenbaum // LEF. – 1924. – №1. – S. 57–70.
33. Bergsdorf, W. Politik und Sprache [Tekst] / W. Bergsdorf. – München, Wien: Olzog, 1978. – 186 S.
34. Chilton, P. Metaphor in Political Discourse: the Case of the “Common European House” [Tekst] / P. Chilton, M. Ilyin // Discourse and Society. Vol. 4. – London: Sage Publications, 1993. – P. 7–31.

35. Corcoran, P. E. Political Language and Rhetoric [Текст] / P. E. Corcoran. – Austin: University of Texas Press, 1979. – 216 p.
36. Davis, A. Politicized Language [Текст] / A. Davis // The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R.E.Asher. – Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. – P. 3211–3214.
37. Hoffmanova, J. Zwischen Dialog und Monolog [Текст] / J. Hoffmanova // Dialoganalyse: Referate der Arbeitstagung. – Tübingen: Niemeyer, 1993. – Bd. 5. – S. 35–40.
38. Richards, I. A. The Philosophy of Rhetoric [Текст] / I. A. Richards. – London: Oxford University Press, 1936. – 136 p.
39. Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language [Текст] / M. Stubbs. – Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.
40. Wierzbicka, A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary [Текст] / A. Weirzbicka. – Sydney: Academic Press, 1987. – 397 p.
41. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.biografia.ru/golosa/lenin.html>.
42. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7379&y=2002&vol=6077.
43. [Электронный ресурс]. – URL: <http://library.mephi.ru/data/scientific-sessions/2002/6/438.html>.
35. Corcoran, P. E. Political Language and Rhetoric [Tekst] / P. E. Corcoran. – Austin: University of Texas Press, 1979. – 216 p.
36. Davis, A. Politicized Language [Tekst] / A. Davis // The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R.E.Asher. – Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. – P. 3211–3214.
37. Hoffmanova, J. Zwischen Dialog und Monolog [Tekst] / J. Hoffmanova // Dialoganalyse: Referate der Arbeitstagung. – Tübingen: Niemeyer, 1993. – Bd. 5. – S. 35–40.
38. Richards, I. A. The Philosophy of Rhetoric [Tekst] / I. A. Richards. – London: Oxford University Press, 1936. – 136 p.
39. Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language [Tekst] / M. Stubbs. – Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.
40. Wierzbicka, A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary [Tekst] / A. Weirzbicka. – Sydney: Academic Press, 1987. – 397 p.
41. [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.biografia.ru/golosa/lenin.html>.
42. [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7379&y=2002&vol=6077.
43. [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://library.mephi.ru/data/scientific-sessions/2002/6/438.html>.

**КУЛЬТУРА РЕЧИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БУДУЩЕГО ИНЖЕНЕРА**

Л. А. Чуйкина, Р. М. Алдыназарова

Статья посвящена одному из интересных вопросов профессиональной подготовки студентов технических вузов. В статье рассматривается роль культуры речи и ее составляющие, которые определяют общий уровень культуры специалиста. Статья будет полезна молодым специалистам русского языка.

Ключевое слова: культура речи, технический вуз, инженер, профессиональное образование, словарный запас.

Конец XX века и начало третьего тысячелетия характеризуется качественными изменениями во всех сферах жизни. Мир переживает увеличение объема общеобразовательной и профессиональной информации, сейчас мало быть профессионалом в своей сфере, важнейшим условием успешной жизнедеятельности на рынке труда становится коммуникабельность, способность понимать делового партнера, умение четко и грамотно выражать свои мысли. И хотя про наше время говорят, что это время деловых людей, когда созданы все условия для развития общения, справедливости ради заметим, что функциональная неграмотность, слабое знание языка, неспособность к самообразованию характеризует многих выпускников технического вуза. Правильно подметили некоторые ученые, что наряду с дефицитом учебного времени, отводимого на изучение специальных дисциплин в технических вузах при кредитной и дистанционной формах обучения, существует низкий уровень общей компетенции обучающихся, что не позволяет реализовать везде заказ на подготовку современного высокопрофессионального специалиста. Практика подтверждает справедливость их наблюдений: часто подготовленный в своей профессии студент не умеет убедительно говорить, затрудняется свободно, не по записке произнести даже самую простую речь, не может четко выстроить высказывание. Именно хорошая речь и умение владеть словом дают возможность устанавливать и поддерживать отношения везде: на производстве, в вузе, в семье.

Чтобы современный «технар» (выпускник технического вуза) чувствовал себя уверенно на практических занятиях и семинарах, ему нужно научиться пользоваться словом таким образом, чтобы оно было четко и логически правильно, безупречно с точки зрения норм литературного языка, выразительно... и содержательно. Специалист должен уметь убедительно изложить свои взгляды, формировать сознательный подход к анализу и отбору адекватных языковых средств. Задача преподавателя состоит в том, чтобы воспитать личность, которая не только способна общаться и обмениваться информацией в разных сферах общественной жизни, но и формировать новые знания. Специальные знания, общечеловеческие ценности, языковая культура являются «стратегическим багажом» современного специалиста в любой сфере деятельности. Наряду с общими требованиями, профессия инженера имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при формировании профессиональной коммуникативной компетентности: инженер должен уметь перерабатывать большую информацию, он должен научиться реализовывать коммуникативные качества в публичных выступлениях, в ведении переговоров, на производственных совещаниях, в дискуссиях и т.д. Поэтому для него важно овладеть нормами культуры речи.

В настоящее время в программу подготовки инженерных специалистов необходимо включать такие образовательные дисциплины в техническом вузе как «Русский язык и культура речи», «Деловой русский язык» и т.д., и это, конечно, будет способствовать повышению профессиональной компетентности специалистов, развитию их речевой культуры.

Особого внимания требуют нормы языковой культуры, в которые входят лексические, грамматические и выразительные средства. Рассмотрим лексическую культуру. Богатый словарный запас человека говорит о его высокой языковой культуре. Запас слов индивидуума делится на активный и пассивный. Необходимо увеличивать активный запас слов, переводить слова из пассивного словаря в активный, точно использовать все значения многозначных слов. Следует избегать тавтологии, слов-паразитов. Речь должна быть простой, правильной и краткой.

Безусловно, работа над повышением языковой культуры сложная и требует много времени и сил. Это система практических мероприятий, цель которых дать знания о языке, достаточные для того, чтобы наиболее точно подобрать нужные слова и грамматически

правильно построить предложение, чтобы язык был не только точным и правильным, но и выразительным.

Слово должно использоваться в том значении (в прямом или переносном), которое зафиксировано в словарях русского языка. Нарушение лексических норм приводит к искажению смысла высказывания. Можно привести немало примеров неточного употребления отдельных слов. Нарушение лексических норм порой связано с тем, что говорящие путают слова, близкие по звучанию, но различные по значению. Вот некоторые из них: «стильные» черты вместо «стилевые», «эффектный» способ вместо «эффективный»; в ударениях: догово́р, хода́тайствовать, сре́дства, прину́дить, отку́порить, облегчи́ть, наме́рение и др. Мы считаем, что человеку, стремящемуся к профессиональной карьере, это недопустимо, а значит он должен владеть языковыми нормами, речевым этикетом, культурой речи, так как, общеизвестно, что культура речи является одним из важнейших компонентов общей культуры человека.

Языковая норма – это не догма, претендующая на неукоснительное выполнение. В зависимости от целей и задач общения, от особенностей функционирования языковых средств в том или ином стиле, в связи с определенным стилистическим заданием возможно сознательное и мотивированное отступление от нормы. Здесь уместно вспомнить слова академика Л. В. Щербы: «Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее».

С понятием «языковая норма» тесно связан так называемый речевой этикет. Владение речевым этикетом способствует приобретению авторитета, порождает доверие и уважение. Знание правил речевого этикета, их соблюдение позволяет человеку чувствовать себя уверенно и непринужденно, не испытывать неловкости из-за промахов и неправильных действий. И наиболее важным мы считаем то, что неукоснительное следование правилам речевого этикета членами коллектива того или иного учебного заведения, предприятия, производства, офиса оставляют у клиентов, соучредителей, партнеров благоприятное впечатление, поддерживает положительную репутацию всей организации.

Нельзя недооценивать и такое качество речи, как *интонация*: паузы, повышение и понижение тона, темп речи, тембр голоса, которые никогда не отмечаются и не могут отмечаться в письменном виде. По интонации мы понимаем, в каком состоянии находится

наш собеседник и какие чувства его охватывают. Интонация делает речь богаче, выразительнее, придает ей неповторимый, индивидуальный характер. Однако этим не исчерпывается назначение интонации. Она выполняет и синтаксическую функцию: указывает конец фразы, её законченность или не законченность, то, к какому типу относится предложение, содержит ли оно вопрос, восклицание или повествование.

Мы хотели бы подчеркнуть особую роль для специалиста умение пользоваться и работать со словарями. В отечественной лексикографии имеются словари трудностей, толковые, орфографические, орфоэпические словари. Знакомство с ними позволяет не только уяснить в чем сложность русского языка, что вызывает затруднение при словесном оформлении мысли, но и понять, как не допустить ошибку, не нарушить ту или иную норму литературного языка. Такие словари должны быть настольными книгами для каждого, кто ответственен и стремится в этой жизни к высоким целям, ведь без стремления и упорства не видать профессиональной карьеры.

Убеждены, что изучение гуманитарных дисциплин «Русский язык и культура речи», «Этика делового общения» в техническом вузе чрезвычайно важны и способствуют развитию коммуникативных навыков будущих специалистов-инженеров, управленцев, отвечают требованиям, предъявляемым к квалификации специалистов высокого уровня и современными условиями жизни.

Список литературы

1. Барыкина, А. Н. Пособие по развитию навыков письменной речи [Текст] / А. Н. Барыкина. – М.: Русский язык, 1951.
2. Глинка, Н. Л. Общая химия: Учебное пособие для вузов. 23-е изд., стереотипное / Под ред. В.А. Рабиновича [Текст] / Н. Л. Глинка. – Л.: Химия, 1983.
3. Демидова, А. К. Пособие по русскому языку: Научный стиль речи. Оформление научной работы [Текст] / А. К. Демидова. – М.: Русский язык, 1991.

List of literature

1. Barykina, A. N. Posobie po razvitiju navykov pis'mennoj rechi [Tekst] / A. N. Barykina. – M.: Russkij jazyk, 1951.
2. Glinka, N. L. Obwaja himija: Uchebnoe posobie dlja vuzov. 23-e izd., stereotipnoe / Pod red. V.A. Rabinovicha [Tekst] / N. L. Glinka. – L.: Himija, 1983.
3. Demidova, A. K. Posobie po russkomu jazyku: Nauchnyj stil' rechi. Oformlenie nauchnoj raboty [Tekst] / A. K. Demidova. – M.: Russkij jazyk, 1991.

4. Практическое пособие по развитию навыков письменной речи. Изд. 2-е, и доп. [Текст]. – М.: Русский язык, 1983.
4. Prakticheskoe posobie po razvitiyu navykov pis'mennoj rechi. Izd. 2-e, i dop. [Tekst]. – M.: Russkij jazyk, 1983.
5. Соколов, Э. В. Культурология: очерки теории культуры [Текст] / Э. В. Соколов. – М., 1994.
5. Sokolov, Je. V. Kul'turologija: ocherki teorii kul'tury [Tekst] / Je. V. Sokolov. – M., 1994.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

ИЗ ОПЫТА РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОЛИЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. С. Адильбаева, Г. К. Тлеужанова

Статья посвящена рассмотрению опыта европейского полиязычного образования. В нашем обществе появилась потребность – сформировать и воспитать полиязычную личность, способную полноценно контактировать с представителями разных культур. В настоящее время в разных странах накоплен определенный опыт полиязычного образования. Европейский союз является одним из убедительных примеров стремления современного мира сохранить полиязычие. В статье рассмотрены программы, проекты, планы мероприятий, реализующиеся в странах Европы для успешного проведения языковой политики в сфере полиязычного образования.

Ключевые слова: полиязычие, иностранные языки, стимулирование, обучение, образование, многообразие, языковая политика, мобильность, инновационный проект, программа.

В современном мире в связи с процессами самоопределения наций, образования многонациональных государств, активной миграцией населения важной государственной задачей стало правовое решение вопросов языка в обществе. По последним данным более половины населения Земли живет в полилингвальных регионах. В обществе появилась потребность - сформировать и воспитать полиязычную личность, способную полноценно осуществлять коммуникацию, свободно выходя за рамки родного языка и культуры. В первую очередь проблемы касаются законодательного обеспечения применения языков в официальном и неофициальном общении, в обучении языкам в школе и вузе, во взаимоотношениях между народами. В настоящее время в разных странах накоплен определенный опыт в области полиязычного образования. Это имеет место в регионах с естественной двуязычной средой (Канада, Бельгия, Швейцария и др.), а также в государствах, где происходит приток иммигрантов, вынужденных вживаться, вращаться в чужую культуру (США, Германия и др.).

Таким образом, становится необходимым изучение опыта зарубежных стран для создания прочной платформы, на которой будет базироваться эффективная модель полиязычного образования.

Целью образования на современном этапе становятся не просто знания, но и формирование ключевых компетенций, которые должны вооружить молодежь для дальнейшей жизни в обществе. Советом Европы выделено пять базовых компетенций, необходимых сегодня любому специалисту: социально-политические, межкультурные, языковые, информационные, компетенции, включающие в себя способность учиться и повышать свой уровень на протяжении всей жизни, как в профессиональном плане, так и в социальной жизни. Среди языковых компетенций ключевым является - умение устно и письменно общаться на разных языках, что, естественно, предполагает владение несколькими иностранными языками [1].

В качестве основной цели в области обучения иностранным языкам Европейским Советом выдвигается многоязычие: владение каждым жителем Европы как минимум двумя иностранными языками, причем одним из них активно. Исследование, проведенное в Германии, показало, что для работы в 80 процентах европейских стран необходимо знание как минимум двух иностранных языков, а в 45 процентах – минимум трех языков [1].

Европейский союз является одним из убедительных примеров стремления современного мира сохранить полиязычие. Достижение этой цели мыслится при этом на базе сохранения и поддержки всех языков национальных меньшинств в Европе. Эта программа финансируется и поддерживается на уровне правительства и парламента, так как полиязычие – это не только политическая цель, но и политическая необходимость Европы. При этом полиязычие не означает, владение английским языком наряду с родным языком. Без сомнений знание английского языка – это необходимая потребность в современном обществе и относится к ключевым квалификациям каждого европейца. Под полиязычием понимается владение двумя и более языками, исключая родной и английский языки. Стимулирование индивидуального полиязычия, мобильность, преподавание иностранных языков являются важными аспектами современной языковой политики Европы [1].

Европейская языковая политика ставит перед собой цель сохранить и усилить многообразие языков в своем регионе [1].

Многообразие Европы проявляется четко, прежде всего, в ее языках. И если ее жители хотят получить выгоду от этого много-

образия, им необходимо быть в состоянии общаться друг с другом. Знания языков является сегодня основным требованием, которое Европа выдвигает перед образованным обществом. Полиязычие должно стать нормой и сильной стороной Европы. Для реализации главных направлений языковой политики, перед лингводидактикой встают новые цели и задачи обучения иностранного языка. Лингвисты должны научно доказать, что полиязычие возможно для каждого европейца и проиллюстрировать, как этого добиться наилучшим способом. После того, как были объявлены решения о политике полиязычия в Европейском Союзе, встал вопрос, как конкретно поддержать единство овладения иностранными языками и сохранение языкового многообразия. Данная поддержка началась с программы Лингва, целью которой было улучшение качества и количества занятий по иностранному языку. Данная программа начала свою реализацию с 1 января 1990 года. В этот момент впервые были определены конкретные цели для стимулирования языковых знаний, были сформулированы мероприятия, подготовлены средства для реализации языковой политики [2].

На европейском и национальном уровне возникли структуры и схемы, которые независимо от границ государств затрагивали язык и мероприятия по стимулированию изучения языков [2].

Программа Лингва охватила следующие радиусы действий:

- кооперирование образовательных учреждений;
- индивидуальная доплата преподавателям иностранного языка;
- поддержка обучения учителей иностранного языка;
- стимулирование знаний иностранного языка в трудовой деятельности;
- обмен учащих и студентов с целью изучения иностранных языков;
- развитие учебных материалов для преподавания иностранного языка.

Кроме этого с 14 марта 1995 года действует программа Сократ, а с 6 декабря 1995 вступила в силу программа Леонардо да Винчи [2].

Программа Леонардо да Винчи способствует развитию профессионально-ориентированных знаний языка с помощью экспериментальных проектов и программ по обмену учащихся и студентов. При этом полиязычие рассматривается как возможность, которая открывает новые перспективы для профессиональной мобильности, невзирая на границы государств, и предлагает молодым людям шанс, лучше использовать перспективы европейского образования [2].

Программа Сократ поддерживает европейское сотрудничество на всех ступенях образования:

- с программой COMENIUS в сфере школьного образования,
- с программой ERASMUS в сфере высшего образования,
- программой GRUNDTVIG в сфере образования для взрослых [2].

Для достижения поставленных целей в области полиязычного образования в рамках программ Сократ и Леонардо да Винчи ежегодно инвестируется более 30 миллионов евро на следующие цели:

- образовательные стипендии;
- работа языковых ассистентов;
- финансирование обмена учащимися;
- проекты.

Данные мероприятия служат повышению мотивации к изучению иностранных языков [2].

Наиболее важным мероприятием, связанным с укреплением европейского языкового многообразия, стал «Год европейских языков (2001)», который был проведен благодаря совместной инициативе Европейского Совета и Европейского Союза под девизом «Языки открывают двери» [3].

Главные лозунги данного мероприятия были следующие:

- «Европа – полиязычна, и останется такой всегда»;
- «Изучение иностранных языков открывает новые перспективы»;
- «Знание иностранных языков доступно каждому».

Проведение «Года европейских языков» нашло положительный отклик среди населения Европы. В Германии данная инициатива приняла впечатляющие масштабы. По данным Федерального Министерства Образования на всей территории страны было проведено около 2900 мероприятий в поддержку существования и развития европейских языков. В центре внимания стояла реклама языкового разнообразия и изучение иностранных языков, что для Европы, прежде всего, означает изучение наряду с английским языком других иностранных языков [3].

Успешное проведение «Года европейских языков» послужило толчком для более активной реализации языковой политики в Германии. Положительные результаты и опыт «Года европейских языков» показывает, что европейская языковая политика может достичь поставленных целей, находя всеобщее одобрение членов Европейского Союза [3].

В 2003 году Комиссия Европейского Содружества взяла на себя обязательство провести 45 мероприятий и вдохновить националь-

ные, региональные и местные органы вести совместную работу над принципиальным изменением и стимулированием изучения языков. Для этих целей был разработан план мероприятий на 2004-2006 год «Стимулирование языкового многообразия и изучения иностранных языков» [3].

План мероприятий подразделяется на три ключевые части, которые должны затронуть следующие аспекты: обучение в течение всей жизни, улучшение преподавания иностранного языка, и создание дружественной языковой среды. Комиссия представила на рассмотрение конкретные предложения для улучшения за короткий срок и предложила ряд мероприятий, которые должны были быть проведены в срок с 2004 по 2006 год [3].

В 2007 году были приняты новые программы «Культура 2007», «Молодежь в действии», «Учеба в течение жизни», целью которых являлось поддержка мобильности, межнационального партнерства и изучения иностранных языков [3].

Уже в 2007 году Европейский Союз ввел в действие Европейский штамп для инновационных языковых проектов. Данным штампом отмечают проекты, которые стимулируют изучение языков с помощью новых идей и новаторских методов. Присвоение штампа координируется Брюссельской Европейской Комиссии. В Германии конкурс присуждение данного штампа координируется министерством образования. Ежегодно в Германии присуждается 15 языковых штампов. Проведенные проекты показали разнообразные возможности применения полиязычного обучения и их вклад в осуществление целей европейской языковой политики [4].

Согласно европейской языковой политике стимулирование изучения языков стало одной из главных задач системы образования. В системе образования были выделены следующие пункты:

- стимулирование мобильности учителей и обучающихся;
- стимулирование инновационных методов обучения;
- раннее преподавание иностранных языков;
- определение перечня знаний иностранного языка;
- изучение двух иностранных языков как минимально два года.

Для достижения поставленных задач совместными усилиями 80 ученых и преподавателей был разработан концепт «Языки». Основные положения данного концепта:

- преподавание иностранного языка в начальной школе должно начинаться не позднее третьего класса;

- по окончании начальной школы вводиться изучение второго иностранного языка;
- все ученики должны изучать английский язык минимум 4 года;
- необходимо использовать все возможности перехода с одного языка на другой [4].

Данные положения доказывают, что традиционное преподавание иностранных языков требует безотлагательных изменений. Сегодня перед многими странами в центре внимания стоит стимулирование индивидуального полиязычия, которое базируется на современной языковой потребности общества.

Одним словом, многоязычие или способность пользоваться для целей общения более чем одним иностранным языком должна входить в «образовательный портфель», в научный багаж каждого человека и каждого общества в XXI веке. При этом значительный успех Европейского Союза может послужить прочным фундаментом для построения модели полиязычного образования для многих стран, стремящихся быть конкурентноспособными в условиях глобализации и интеграции.

Список литературы

1. Рабочая программа комитета образования – Комиссия Европейского Союза [Текст] // Издание официальное. – Брюссель, 2003.
2. The Training of Teachers of a foreign Language: Developments in Europe. Main Report, June 2002.
3. Дойе, П. Европейские проекты для билингвального обучения в школе [Текст] / П. Дойе // Билингвизм и полиязычие. Модели, проекты, результаты. – Франкфурт, 2002. – С. 52–58.
4. Федеративное правительство образования и науки: Стимулирование изучения языков: Тезисы для концепта. Европейское полиязычие [Текст] // Анализы – концепты – документы. – Аахен, 2001. С. 125–134.

List of literature

1. Rabochaja programma komiteta obrazovanja – Komissija Evropejskogo Sojuza [Tekst] // Izdanie oficial'noe. – Brjussel', 2003.
2. The Training of Teachers of a foreign Language: Developments in Europe. Main Report, June 2002.
3. Doje, P. Evropejskie proekty dlja bilingval'nogo obuchenija v shkole [Tekst] / P. Doje // Bilingvizm i polijazychie. Modeli, proekty, rezul'taty. – Frankfurt, 2002. – S. 52–58.
4. Federativnoe pravitel'stvo obrazovanja i nauki: Stimulirovanie izuchenija jazykov: Tezisy dlja koncepta. Evropejskoe polijazychie [Tekst] // Analizy – koncepty – dokumenty. – Aahen, 2001. S. 125–134.

МИР ПРАВОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕТОДИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. А. Панкратова

В статье рассматривается проблема создания методической модели изучаемой культуры в процессе обучения иностранному языку. Используется системный подход. Описывается мир правовых культурных объектов как один из ключевых элементов предлагаемой модели.

Ключевые слова: методическая модель иноязычной культуры, системный подход, мир правовых культурных объектов.

Источником, из которого черпается содержание иноязычного образования будущих юристов, выступает правовая культура. Очевидно, что правовая культура, её состав и содержание, приводимые в специальной литературе, представляют интерес для подготовки специалистов на родном языке. С позиций методики как науки и технологии иноязычного образования требуется собственное описание правовой культуры в ином методическом ракурсе.

В качестве одного из наиболее приемлемых инструментов познания обозначенного предмета в условиях отсутствия аутентичной иноязычной культурной среды будем использовать метод моделирования. В связи с этим, необходимо создать методическую модель изучаемой культуры, на чем настаивает Е. И. Пассов [4], на основании которой можно будет представить меньшую по объёму, по сравнению с реально существующей культурой, но вполне сопоставимую с последней, отражая её системный характер организации и содержания.

При создании методической модели культуры, как представляется, следует руководствоваться системным подходом. Согласно последнему, будем исходить из понимания культуры как системы. Так, А. Я. Флиер определяет культурную систему как «совокупность культурных черт и форм, исторически сложившихся в практике и сознании некой человеческой общности», которая «является конкретно-исторической культурой какого-либо народа, сословия, конфессии и т.п.» [5. С. 150]. Автор описывает следующие черты,

присущие культурным системам: универсальность; целостность; структурная организованность; преобладание внутренних связей над внешними; внутренняя неравномерность; распределение разных элементов культуры между разными группами; динамика изменчивости; способность к саморазвитию; способность к регенерации и самопроизводству в следующих поколениях.

Культура, как пишут Ю. Н. Солонин и М. С. Каган, «представляет собой одну из самых сложных систем, своего рода сверхсистему, элементами которой являются подсистемы – отдельные культурные сферы», «которые в свою очередь могут представлять собой системы более специального типа» и рассматриваются как относительно самостоятельные системы [1. С. 63].

В нашей модели выделим следующий элемент, связанный с культурным полем правовой деятельности и назовем его *мир правовых культурных объектов*. В целях нашего исследования мы предпочитаем термин объект, поскольку выполнение рассматриваемой правовой деятельности сопряжено с созданием вещей, которые по отношению к деятельности и человеку обозначают предмет, на который направлена активность людей и то, что является её порождением.

Опираясь на результаты культурологических исследований, но следуя методической логике, отнесем к содержанию данного элемента объекты правовой культуры как продукты правовой деятельности человека, в которых опредмечены три вида смыслов: правовые знания, правовые ценности и правовые регулятивы.

Аргументацией в пользу этого утверждения может служить следующее. Человек осуществляет какую-либо деятельность, которая приводит к созданию продукта. Данный продукт сам по себе вне человека не определен, не имеет смысла. Только человек, производя продукт, воплощает в нем свои потребности, стремления, чувства, т.е. «опредмечивает» их, «превращая продукты его деятельности в предметы культуры» [1. С. 112]. Культурологи уточняют, что смысл предмета не состоит в нем самом, а в культуре её породившей и людях её освоивших. Поскольку смысл создается и придается предметам людьми, принадлежащими к определенной культуре, то и смыслы одного и того же предмета в разных культурах могут быть разными. В связи с этим «распредмечивание» объекта (определение его смысла) должно обязательно быть сопряжено с изучением культурного контекста его создания.

В рамках описываемой методической модели мы объединяем продукты правовой деятельности и воплощенный в них смысл, в

отличие от культурологов, которые рассматривают такие аспекты культуры как мир артефактов (мир человеческой деятельности и её продуктов) и мир смыслов (мир продуктов человеческой мысли) отдельно [1. С. 112–114]. Объяснением данной позиции может служить тот факт, что в образовательном процессе его участники будут, в первую очередь, сталкиваться с необходимостью толкования инофонной правовой деятельности, т.е. находить те смыслы, которые были заложены в изучаемые культурные объекты в условиях иной культуры. Иными словами, эти объекты будут представлять перед обучающимися как единое целое: продукт человеческой деятельности + заложенный в нем смысл.

Культурологи рассматривают содержание культуры, которое включает знания, ценности и регулятивы как смыслы, заложенные в созданные человеком предметы [1]. Знания представляют собой информацию об объектах, которыми оперирует человек. Ценности интерпретируются как цели, на достижение которых направлена деятельность человека. «Ценность – это фиксированная в сознании человека характеристика его отношения к объекту» [1. С. 134]. Ценности имеют духовную природу. Под регулятивами понимаются способы, приемы и правила деятельности. Знания (что), ценности (для чего) и регулятивы (как), составляющие культурный потенциал человеческой деятельности, который интегрируется в целостную систему благодаря ментальным полям, образующимся вокруг него.

Методическая интерпретация содержания рассматриваемого элемента предполагает включение объектов правовой культуры, в которых заложены:

- правовые знания, отражающие информацию об историческом развитии права и современной правовой действительности;
- правовые ценности: свобода, справедливость, верховенство закона, неотвратимость наказания и т.п.;
- регулятивы правовой деятельности: способы осуществления и средства организации профессиональной деятельности, а также правила правомерного поведения людей в обществе.

Будучи неотъемлемым элементом системы, элемент «мир культурных правовых объектов» имеет не только структурные, но и функциональные связи с элементом «профессиональное поле деятельности». А именно, профессиональная деятельность в совокупности видов правовой деятельности порождает соответствующие культурные объекты. В свою очередь правовые объекты с включен-

ными в них смыслами выступают в качестве средств, результатов и способов выполнения данной человеческой деятельности.

Создание методической модели изучаемой культуры, неотъемлемым элементом которой будет выступать мир правовых культурных объектов, требуется для дальнейшей разработки теории учебника иностранного языка и профессиональной культуры [2; 3]. В частности, необходимо определить другие элементы рассматриваемой модели и дать их системное изложение.

Список литературы

1. Культурология: учебник / под ред. Ю. Н. Солониной, М. С. Кагана [Текст]. – М. : Высшее образование, 2009. – 556 с.
2. Панкратова, Е. А. Проблема учебника для неязыковых вузов в методике преподавания иностранных языков [Текст] / Е. А. Панкратова // *Lingua Mobilis*. – 2010. – № 4 (23). – С. 120–127.
3. Панкратова, Е. А. Текст как организационная единица содержания учебника иностранного языка и правовой культуры [Текст] / Е.А. Панкратова // *Lingua Mobilis*. – 2011. – №3 (29). – С. 84–89.
4. Пассов, Е. И. Методика как теория и технология иноязычного образования. Кн.1 [Текст] / Е. И. Пассов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. – 543с.
5. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии [Текст] / А. Я. Флиер. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с.

List of literature

1. Kul'turologija: uchebnik / pod red. Ju. N. Solonina, M. S. Kagana [Tekst]. – M. : Vysshee obrazovanie, 2009. – 556 s.
2. Pankratova, E. A. Problema uchebnika dlja neязыkovyh vuzov v metodike prepodavanija inostrannyh jazykov [Tekst] / E. A. Pankratova // *Lingua Mobilis*. – 2010. – № 4 (23). – S. 120–127.
3. Pankratova, E. A. Tekst kak organizacionnaja edinica sodержanija uchebnika inostrannogo jazyka i pravovoj kul'tury [Tekst] / E.A. Pankratova // *Lingua Mobilis*. – 2011. – №3 (29). – S. 84–89.
4. Passov, E. I. Metodika kak teorija i tehnologija inozыychnogo obrazovanija. Kn.1 [Tekst] / E. I. Passov. – Elec: EGU im. I. A. Bunina, 2010. – 543s.
5. Flier, A. Ja. Kul'turologija dlja kul'turologov: Uchebnoe posobie dlja magistrantov i aspirantov, doktorantov i soiskatelej, a takzhe prepodavatelej kul'turologii [Tekst] / A. Ja. Flier. – M.: Akademicheskij proekt, 2000. – 496 s.

ЯЗЫК СМИ

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ЯЗЫКЕ БОЛГАРСКИХ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ

М. И. Костова

Интернет – поле специфического проявления языка, характеризующегося высокой динамикой на разных лингвистических уровнях, в том числе и на уровне словообразования. Статья рассматривает окказиональное словообразование в языке участников болгарских общественно-политических Интернет-форумов. Отмечаются особенности на уровне структуры новых слов и их специфическая стилистическая направленность.

Ключевые слова: окказионализмы, болгарский язык, Интернет-форум.

Язык общения в Интернете – одно из самых ярких проявлений динамики развития языка в настоящее время. От простого обмена мнений, осуществляемого на уровне общепринятых норм литературного языка до Интернет-сленга, включающего элементы разговорного языка, использование которых демонстрирует настоящую лингвистическую эквилибристику. Для участников в разных жанрах Интернет-коммуникации [2] нередко общение в сети – свободный полет, свобода неограничиваемая ничем, в том числе языковыми нормами.

Одно из проявлений этой свободы – словотворчество. Здесь мы рассмотрим окказионализмы – новые слова, обычно возникающие на основе языковой игры, на принципе подobia, заменой букв в знакомых словах и т.п.

Языковой материал для настоящей статьи – это высказывания участников болгарских общественно-политических форумов, где злободневные темы общественно-политической жизни / родной и зарубежной/ вызывают острую и сильно эмоциональную реакцию высказывающихся.

Окказионализмы /ситуативные неологизмы, индивидуальные неологизмы, индивидуализмы, индивидуально-авторские названия, сти-

лигистические неологизмы, самосотворенные слова, индивидуально-авторские слова, новизмы [4] – это слова, чье возникновение обусловлено контекстом, а также – пресуппозициями: предыдущих общих знаний участников дискуссии; как правило, имеющие эмоционально-экспрессивный характер, выражая яркую субъективную оценку.

С точки зрения лингвистики окказионализмы речи участников Интернет-форумов интересны, потому что являются творчеством неискушенных в работе со словом людей: они не писатели, поэты или даже не журналисты: это люди разных профессий, разной степени образованности и их игра со словами и словотворчества – естественный, спонтанный процесс носителей языка, сознающие его силу. С точки зрения пользователей языка – эти новые слова практически совершенно непонятны для людей, не являющихся носителями болгарского языка как родного или, даже владевших языком на этом уровне – не знакомых глубоко с историей и жизнью болгарского народа на протяжении многих поколений, а также с оттенками общественной жизни в настоящее время, так как они содержат ассоциации, намеки или словоэлементы, связаны с историческими событиями, личностями или диалектами, лежащих в корнях народной памяти, народных переживаний на протяжении многих лет, народностного характера. Иногда, даже если значение нового слова разгадано, то его настоящий смысл в конкретном контексте невозможно понять даже болгарам, не имея соответствующего пресуппозиционного уровня.

Высказывания в общественно-политическом Интернет-форуме – это короткие /иногда ограничиваемые в объеме самими администраторами сайта/ комментарии какой-то новости, опубликованной, в нейтральном стиле, в данном сайте новостей.

Реакция участников форума -всегда личностная, даже когда они стремятся к максимальной объективности. Комментатор стремится как можно ярче и воздействующе выразить свою точку зрения, принимая роль участника в развитии общественных процессов. Его оружие – язык и он пользуется им всеми возможными средствами: шрифтом, пунктуацией, смешиванием стилей /высокого-низкого, книжного-разговорного/, модификацией слов и созданием новых [3].

С точки зрения грамматики окказионализмы этого типа прежде всего имена существительные: во-первых, собственные; во-вторых- нарицательные. На втором месте по частотности - имена прилагательные и на третьем – глаголы. Для образования новых слов авторы, обычно спонтанно, используют разные способы.

А.Окказионализмы-собственные имена:

1. Имена /имя или фамилия/ реальных людей, в которых изменены одна или больше букв, чем имя отождествляется с именем нарицательным, прилагательным или глаголом, выражающими определенную оценку и отношение, обычно негативно-презрительные или иронические, напр.: Менда Стоянова → МенТа Стоянова; Волен Сидеров → Болен Лидеров; Софиански → СофиЯМски; Станишев → Станишеф; Корнелия → Курнелия; Горбачов → Гърбачоф; Патрашкова → Патлашкова; Явор Дачков → Явор Дашков; Масларова → Мазнярова; профессор Вучков → профессор Кучков; цар Иван Шишман → цар Иван Пишман; Росен Плевнелиев → Посен Плевнелиев; Плевнелиев → Плювнелиев; Меглена Кунева → Мигрена Кунева; Хилари → Килари.

2. Имена реальных людей, к которым добавлены буквы или словоэлементы, а также буквы оригинального имени разменены, в результате чего получается новое имя, отводящее по значению к существительному нарицательному, прилагательному или глаголу и выражающее экспрессивную оценку, ироническую или негативно-презрительную, напр. Плевнелиев → Плевелниев; Горбачов → ГРОБачов; Дянков → Пърдянков; Бан-Ки-Мун → еБан-Ки-Мун; Сергей → Сер-гейко; Осам Бен Ладен → Осран Беден и Гладен; Иван Звездев → Тиган Звездев; Осам Бен Ладен → Бен Салам Наден; Дянков → Вдянков; Обама → Об/ещах,/ама; Строс Кан → Стреснат-и-напиКан; Кадафи → Каdifето; Киров → Криво; Танов → орангоТанов; Вежди Рашидов → Веждичков; Барекон → Баракудев; Калфин → Калпафин; Калфин → Калфунчо; Христо Стоичков → Ристе Стоичковски; Алберт Айншайн → Албе Айншайновски; Ицо Стоичков → Цицо Стопичков; Георги Седефчов → Гошето Седешчов; Бил Клинтън → Блин Клинтон; Моника Люински → Мони Люински.

3. Имена реальных людей, к которым добавлено дополнительное имя и таким образом в результате появляются окказиональные клички, обычно выражающие негативно-презрительное или ироническое отношение. В некоторых случаях и само имя собственное изменено дополнительно или употребляется его уменьшительная форма, напр.: Фидосова → Грациела Фидосова; Марин → Марин нищоправа-ча; Яне Янев → Чифликчи Янка; Цветан Цветанов → Цецо Лъжецо; Зорка Първанова → Мадам Зорка агент Гоцева; Цветан Цветанов → Цвъко многодомски; Станишев → Дришьлото Станишко; Бойко

Борисов→Боко пикасото; Бойко Борисов→**Слънце** Боко; Цветан Цветанов→Цецо Крадецо; Росен Плевнелиев→Росен Плевел.

4. Полностью новые имена /окказиональные клички/ для реальных людей: Бойко Борисов→**Гербер I Банкянски**; Алексей Петров→доцент Тракторов, Ал Трактороне; Бойко Борисов→**Вратльо Ленторезов**; Бойко Борисов→**Рисунко**; Плевнелиев→**Плюнчо**; Фандькова→**Пьдпдькова**.

5. Полностью новые имена /псевдонимы, ник/, обозначающие самого комментатора, образованные по стандартным нормам болгарского языка, но необычным образом идущие от фраз, имен, междуметий или глаголов с содержанием, выражающим ироническую оценку комментируемого события: **Балон Пиарски** /от «пи-ар»/; **Гради Кралев** /от «града» и «крада»/; **поп Сланинко** /от „сланина“/; **Келешев** /от „келеш“/; **Обяснейчо** /от „обяснявам“/; **Ножичко** /от „ножича“/; **Келешчо** /от „келеш“/; **Бръмчо** /от „бръм“/; **Беспейко** /от „БСП“/; **Въпросчо** /от „въпрос“ и „прост“/; **Те-мидка** /от „Темида“/; **Халтурко** /от „халтура“/; **Издънко** /от „издъня се“/; **Пърхутка** /от „пърхут“/.

6. Полностью новые имена /псевдонимы, ник/, обозначающие самого комментатора, образованные от иностранных слов или имитирующие иностранные слова, выражающие иронию: **Дойчо Велев** /от «Дойче Веле»/, Баварише Гъзарверке /от «гъзар» и «въртя»/.

7. Географические названия -новые имена или видоизмененные собственные названия, выражающие негативно-презрительную или ироническую оценку, напр.: България – Чалгария, Мангалистан, Булгаристан, Абсурдистан,Чалгаристан, чудната страна Мутресия, Мутристан; Израел – Исроел; Македония – Мекередония, Варвария; Германия – Турмания; Гърция – Герция; Банско – еБанско; Америка – Химерика; бул. “Дондуков 1&2” – бул. „Дундурков 1&2“.

Б.Окказионализмы-нарицательные имена:

1. Образованные от аббревиатур, выражающие ироническую и негативно-презрительную оценку: БДЖ – ебедеже; ТХ – техеранец; БМВ – БезМозьченВодач; ГЕРБ – гербер,гербераст; мн.ч. – герберя, герберета; гробаджи; Лукойл – лукойлчовци.

2. Образованные от оригинальных слов с изменением или размещением букв, причем новое слово выражает негативно-презрительную оценку и иронию: депутатка – дупедатка;депутат -дупетат; резултати – резилтати; шофьори – шофери; демокрация – демосрация; демократ – демосрат; демократ –демократ.

3. Образованные от оригинальных слов с дополнением, выпадением или замещением букв или словоэлементов: демократия – демокрадция; марионетка – марионет; коммунист – комуноид; комунета / мн.ч./; мафиот – мафиотизация; мутра – мутризация; идолопоклонничество – газопоклонничество; баба – бабиер; мениджър – миниджърин; мутра – мутреса, мутреска; чалга – чалгеска; нацисти – нацита; американци – химерианци; долар – доларджия; рубла – рубладжия.

4. Образованные по стандартной норме болгарского языка и аналогии: тъпомер / по аналогии с «электромер», «топломер»/; пътишар /по аналогии с «въглишар», «господар» и др./; демократизатор /по аналогии с «колонизатор», «приватизатор» и др./; фелационер /по аналогия с «функционер», «пензионер» и др.п./; асфалтопоставач, заплатодавач /по аналогии с „продавач“, „купувач“ и т.п./; хилеж /по аналогии с „палеж“, „строеж“ и др./; нагласация /по аналогии с „компенсация“, „приватизация“ и др./; лайномет / по аналогии с „гранатомет“/; нищотия /по аналогии с «простотия», «страхотия» и др./; смърдилник /по аналогии с „хладилник“ и др./.

5. Новообразованные от существующих слов по нормам словообразования болгарского языка: от «реституция» – реститут, реститутка; реститутковец; от «тъп» – тъпчовци /мн.ч./; от „пъпка“ – пъпковци /мн.ч./; от „очевиден“ – очевидност.

6. Совершенно новые сложные слова, образованные согласно нормам болгарского языка от двух слов: «две гънки» – двугънковчета /мн.ч./; «дупе давам» – дупедавец; «дупе лижа» – дупелизци /мн.ч./; „гъз лижа“ – гъзолизане; «всичко зная» – всезнайковщина; «/шамар/ зад врата» – задвратник.

В.Окказионализмы-прилагательные имена:

1. Образованные с изменением букв основного слова: задкормилно устройство – задкурмилно устройство; хуманитарна помощ – хумЪНИ-тарна помощ; главният ни прокурор – гладнио ни прокурор.

2. Образованные с дополнением прилагательных суффиксов: ченге ченгесарски; ГЕРБ – гербав; с сопутствующей игрой букв и изменением основного слова: ГЕРБ – гробаджийски; Плевнелиев – плювналийски.

Г.Окказионализмы -глаголы:

1. Иммитация старинных и диалектных форм глаголов: «вярвам» – верувам.

2. Изменение основного глагола добавлением или размещением букв: интегрирам се - хинтегрирам се.

Данные примеры показывают активность процесса образования новых авторских слов в языке Интернета - в частности, в языке участников общественно-политических форумов. Будучи окказионализмами, они появляются и исчезают как искры в пространстве языка. Однако, несмотря на то, что отражают индивидуальную авторскую реакцию на события, четко ограниченные во времени, они вполне заслуживают и внимание неографов – лексикографов, занимающихся регистрацией нововозникших лексикальных и фразеологических единиц [1]. Рекомендуем создание специального словаря болгарских окказионализмов и, в частности - окказионализмов в языке Интернета. Он представит нам не только интересную социолингвистическую картину болгарского общества в данном периоде, но и богатство и пластичность языка, использованного одновременно в двух своих функциях – для названия и оценки.

Список литературы

1. Благоева, Д. Съвременни подходи в българската неография / проблеми и перспективи [Електронный ресурс] // Български език. 2008. – №1. – URL: http://www.balgarskiezik.org/1_2008.html
2. Кирова, Л. Интернационализация на разговорната реч чрез съвременните професионални и социални сленгове [Електронный ресурс] // LiterNet. –2006. – № 3. – URL: <http://litenet.bg/publish3/lkirova/internacionalizacia.htm>
3. Костова, М. Езикови средства за поостигане на комуникативната цел в Интернет-форум-изказването [Текст] // Юбилейна конференция 45 години ИЧС. София, 2008.
4. Ликоманова, И. Неологизмите в южнославянските езици: неузурално словообразуване. – Грац, 2003. – URL: http://www-gewi.uni-graz.at/gralis/gralisarium/2003/Iskra_Likomanova_2003.html

List of literature

1. Blagoeva, D. S#vremenni podhodi v b#lgarskata neografija / problemi i perspektivi [Jelektronnyj resurs] // B#lgarski ezik. 2008. – №1. – URL: http://www.balgarskiezik.org/1_2008.html
2. Kirova, L. Internacionalizacija na razgovornata rech chrez s#vremennite profesionalni i socialni slengove [Jelektronnyj resurs] // LiterNet. –2006. –№ 3. – URL: <http://litenet.bg/publish3/lkirova/internacionalizacia.htm>
3. Kostova, M. Ezikovi sredstva za poostigane na komunikativnata cel v Internet-forum-izkazvaneto [Tekst] // Jubilejna konferencija 45 godini IChS. Sofija, 2008.
4. Likomanova, I. Neologizmite v juzhnoslavjanskite ezici: neuzualno slovoobrazuvane. – Grac, 2003. – URL: http://www-gewi.uni-graz.at/gralis/gralisarium/2003/Iskra_Likomanova_2003.html

**К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКАХ
КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ФОРУМОВ И ЧАТОВ**

Ю. В. Надобко, Э. Ш. Никифорова

В данной статье рассматриваются характеристики Интернет общения на примере чатов и форумов. Выделяются сходства и различия данных форм интернет-коммуникации.

Ключевые слова: Интернет-общение, форум, чат, роль, пользователь.

Общение в зоне Интернет на сегодняшний день представляет огромный интерес на стыке ряда гуманитарных наук, включая лингвистику. Каждая форма виртуального общения характеризуется набором определенных особенностей, начиная от своеобразного этикета (или нетикета), заканчивая целями ее участников. Форумы и чаты представляют собой наиболее популярные формы интернет-коммуникации. Спецификой чатов является то, что они часто бывают привязаны к форуму, блогу, дневнику, поэтому общение на них ограничивается заданной тематикой. За неподчинение правилам модераторы могут удалять пользователей из чата. Существует и другой тип чатов, которые являются универсальными, как правило, они представляют собой несколько отсеков (chat room), которые в свою очередь делятся на разделы и подразделы согласно интересам или возрасту пользователей. Общепринято выделять пять основных видов чатов: Telnet, IRS, web chat, direct chat и world chat. [1] Чаты выполняют одну из самых насущных потребностей общества и индивида – потребность в общении, без которого невозможно нормальное формирование и функционирование личности. Общение между пользователями происходит на любом языке и для этого существуют отдельные комнаты, созданные специально для носителей языка, это может быть немецкий, французский, китайский и т.п. что еще раз доказывает безграничность киберпространства. Следует подчеркнуть, что главной характеристикой общения в сети является его опосредованность. Поэтому основным средством передачи информации коммуникантам в чате является канал - «комната разговора».

Опосредованность влияет на специфику восприятия атмосферы, в которой пользователи сами формируют свои виртуальные образы и достраивают образ собеседников согласно полученной информации во время диалога в режиме он-лайн, что подразумевает высокую интерактивность коммуникации. Чаты имеют общую макроинтенцию «общение ради общения», что обуславливает специфику выбираемых стратегий пользователями. Поэтому КОК в рамках чата имеет низкую информативность, выполняя фатическую функцию. Что касается форумов, то следует отметить, что на сегодняшний день практически не осталось универсальных форумов, общение на которых не ограничивается определенной тематикой. Обычно форумы имеют единую тематическую направленность, которую можно классифицировать согласно абстрактным понятиям, интересующим общество: политика, новости, трудоустройство, досуг, здоровье, наука, искусство, религия, отношения. Современные форумы представляют собой крупные информационные порталы, тем самым удовлетворяя не столько потребность в общении, сколько служа своеобразной базой данных, где можно не только почерпнуть новые сведения, но и узнать мнение экспертов и опытных пользователей. Именно поэтому форум имеет альтернативное название веб-конференция, где происходит обмен мнениями по предложенным темам. [2] Следующей характерной особенностью форума является наличие иерархии зарегистрированных пользователей, то есть неравноправие. Во главе форума стоят его создатели (администрация), далее следует группа модераторов (привилегированные пользователи, наделенные ограниченными полномочиями) и наконец, сами участники форума, ранг которых, прежде всего, определяется количеством постов (сообщений) и временем, проведенном на форуме. Как правило, все данные об этом участники видят в профиле пользователя. Технические возможности форума гораздо сложнее и совершеннее тех, что представлены в веб-чатах, управление интерфейсом требует некоторой сноровки, учитывая, что структура каждого форума по-своему уникальна. Процесс «оживания» форума требует времени. Тем не менее, особенности КОК являются приоритетными, поэтому тенденция анонимности и эскапизма присутствует и на форуме. Посетители вольны указать любые контактные данные и личные параметры в графе: имя, пол, возраст. Профиль является иной формой самопрезентации виртуальной личности. В отличие от чата, где единственной первичной информацией являлся никнейм, про-

филь участника форума предоставляет данные о том, какого пола пользователь, его географическое положение, время пребывания на форуме, количество оставленных сообщений, ранг имеется фотография/аватар. Основная редактируемая графа, как правило, представляет собой интересы и предпочтения пользователя, которые могут меняться со временем. Другая часто редактируемая графа это подпись, поле, отображаемое внизу каждого сообщения, оставленного пользователем. Обычно в нем можно увидеть любимые цитаты участника форума, или строки из любимых песен, которые отражают принципы и жизненные установки или душевное состояние:

Oh no, I see,

A spider web is tangled up with me,

And I lost my head,

The thought of all the stupid things I'd said

Coldplay – Trouble

«There must have been a door there in the wall, when I came in»

Roger Waters

«Anything that is too stupid to be spoken is sung».

«Il y a une espèce de honte d'être heureux à la vue de certaines misères».

La Bruyère.

«Le mépris de l'autre est l'une des formes de la peur de l'autre»
(Confucius).

В целом же, сравнивая коммуникативные характеристики чатов и форумов можно выделить некоторые сходства:

1. Анонимность
2. Ролевая направленность общения.
3. Общение в форме полилога.
4. Устно-письменная форма коммуникации.
5. Затрудненная передача категории модальности и эмоций.
6. Соблюдение нетикета. Основной свод правил виртуального общения является неотъемлемой частью КОК, так как из-за отсутствия визуального контакта вероятность обидеть собеседника значительно повышается.

Различия заключаются в следующем:

1. Чаты выполняют фатическую функцию общения, форумы – экспрессивную и информационную.
2. Чаты являются виртуальным жанром с высокой степенью интерактивности, форумы – со средней степенью интерактивности.

3. Общение в чате происходит в режиме он-лайн, на форуме пользователь может отправлять сообщения собеседникам находящимся офф-лайн.

4. Коммуникативные стратегии чатов направлены на поддержание постоянного речевого контакта, на форуме они направлены на получение и распространение информации.

5. Отсутствие на чате ограничений тематики и выбора языковых средств, именно чат является средой, в которой распространена языковая игра, как правило, пользователи не стесняются в выражениях. На форумных сайтах посетителям рекомендуют, прежде всего, ознакомиться с довольно длинным списком правил FAQ (frequently asked questions), который заранее предупреждает новичков воздержаться от споров и конфликтных ситуаций.

6. Лексические и синтаксические особенности общения в чате не всегда соответствуют языковым нормам. Временной фактор снижает информативность отправляемых сообщений. Участники форума могут править свои посты, используя для этого специальную функцию, каждое сообщение несет определенную информационную нагрузку, за предложения на форуме вроде: «Yes, I got it, thnks», может последовать наказание от модератора.

7. Равноправное общение пользователей чата контрастирует с иерархией пользователей на форуме, где приобретение авторитета среди форумчан является своеобразным увлечением, для которого есть термин: «набивать посты», именно количество оставленных сообщений соответствует приобретению форумных регалий.

8. Технические параметры чата не предполагают глубокомысленной беседы. На сайте форума пользователям предоставлены широкие возможности распространения информации в графическом, текстовом, аудио- или видео- формате. Технические характеристики форума зависят от популярности сайта, владельцы сервера, на котором находится сайт, могут потребовать плату за установку дополнительных функций.

В заключение следует отметить, что Интернет общение представляет собой некий субстрат, обладающий характеристиками как письменной, так и устной речи.

Список литературы

1. Бондаренко, Т. А. Общение в виртуальном мире Интерне-

List of literature

1. Bondarenko, T. A. Obwenie v virtual'nom mire Interneta [Jelek-

- та [Электронный ресурс] / Т. А. Бондаренко. – URL: <http://www.twirpx.com/file/718713/>
2. Баоянь, У. Коммуникативные стратегии и тактики и языковые средства их реализации в русскоязычной неформальной межличностной дискурсии : на материале Интернет-дневников автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / У. Баоянь. – М., 2008.
3. www.thoughts.com, www.discutons.org
- tronnyj resurs] / Т. А. Bondarenko. – URL: <http://www.twirpx.com/file/718713/>
2. Baojan', U. Kommunikativnye strategii i taktiki i jazykovye sredstva ih realizacii v russkojazyčnoj neformal'noj mezhlichnostnoj diskursii : na materiale Internet-dnevnikov avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Tekst] / U. Baojan'. – М., 2008.
3. www.thoughts.com, www.discutons.org

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

СОДЕРЖАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ С ОЦЕНКОЙ ПРЕДЕЛЬНОСТИ, НОРМЫ, ДОСТАТОЧНОСТИ И ОТСУТСТВИЯ КОЛИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. В. Антонова

Настоящая работа является частью обширного исследования в области важнейшей для всей жизнедеятельности человека категории количественной оценки. В статье раскрывается содержание семантических полей с оценкой предельности, нормы, достаточности и отсутствия количества в современном английском языке. Автор делает попытку установить место этих полей среди других полей оценки количества, прибегая к данным статистического анализа.

Ключевые слова: оценка, количество, семантическое поле, предельное количество, норма, отсутствие количества, достаточное количество.

Настоящая работа является частью обширного исследования в области важнейшей для всей жизнедеятельности человека категории количественной оценки. Оценка лежит в основе многочисленного использования языковых единиц, тем не менее огромная роль субъективного фактора не позволяет найти достаточно ясных критериев ее структурирования в качестве категории сознания, — все это предопределяет актуальность работ подобного рода [4, 5, 6].

Понятийные поля, также известные как word field, lexical field, domain, field of meaning, в русской лингвистической традиции имеют название семантические или лексико-семантические поля. Семантическое поле по современным представлениям представляет собой совокупность лексем различных частей речи. При этом допускается включение фразеологизмов и лексически различных форм существования языка (просторечия, диалектов, жаргонов).

Итак, понятийный характер словарного состава языка обнаруживается в распределении тематически связанных слов по тематическим группам, которые получили название семантических полей.

Оценка же количества предполагает оценку не точного, а неопределенного количества. Понятие «неопределенное количество», отражая неточное количество в качестве самого существенного, общего в предмете (свойстве, признаке, функции и т.д.), реализуется в различных семантических полях, представленных различными классами слов: существительным, прилагательным, наречием, глаголом и пр. Другими словами, элементы значений могут повторяться не только в категориально эквивалентных словах, но и у слов разных частей речи.

Семантические поля предельности и отсутствия количества характеризуются малочисленным составом. Первостепенную роль здесь играют неопределенные и отрицательные местоимения. Среди них сложные местоимения: *everybody, everyone, anybody, anyone* 'каждый; все', *everything, anything* 'всё', с одной стороны, и *nobody, no one* 'никто', *nothing* 'ничто, ничего', с другой стороны [9, 10]. Местоимения отражают предельность двояко: количество лиц, предметов в определенной группе, в данной ситуации, а также – в общем, в целом. Например, в первом случае: *James made a point of shaking everybody's hand* 'Джеймс решил пожать руку *каждому*. Во втором случае: *Everybody likes birthday cake* 'Все любят именинный пирог' [8].

Неопределенные местоимения, указывающие на количество (квантификаторы), также могут выражать предельность: *any* 'всякий, любой', *all* 'весь, всё, вся, все', *both* 'оба', *each, every* 'каждый', *either* 'оба; каждый, любой (из двух)', а отрицательные местоимения – на отсутствие количества: *neither* 'ни один (из двух); никто', *no* 'никакой; не', *none* 'никто, ничто; ни один; никакой' [7. С. 74].

Анализ показывает, что отсутствие количества, также как и предельное количество, проявляется с указанием на ограниченную группу или ситуацию: *There was nothing in the room except for a mattress* 'В комнате не было *ничего*, кроме матраца', а также вообще, в целом: *Take your orders from no one but me* 'Не бери заказы *ни от кого*, кроме меня' [8]. Исключения, пожалуй, составляют *both* 'оба,' *neither* 'ни один (из двух), *none* 'никто, ничто; ни один; никакой', *either* 'оба; каждый, любой (из двух)', обозначающие предельное количество в виде двух единиц, и *each* 'каждый', *none* 'никто, ничто; ни один; никакой', ограничивающие наличие предельного количества или отсутствие количества определенной группой, ситуацией.

Данным семантическим полям принадлежат многие устойчивые выражения, широкоупотребительные меткие слова, образные выра-

жения, идиомы, которые придают им экспрессивную окраску: *one and all, all and sundry, the devil and all* ‘**все вместе и каждый в отдельности, все без исключения**’, *all hands, all hands and the cook, every man Jack, every mother’s son, all the world* ‘каждый, все’, *any one, nobody on earth, nobody under the sun, nobody present* ‘никто’ [10]. В выражениях: *not a bit, not a whit, not a smidgen, not a speck, not a mite, not a particle, not an iota, not a jot, not a scrap*, **обозначающих «нисколько»**, все существительные обозначают незначительное количество: *bit* ‘кусочек, частица’, *whit* ‘капелька, йота’, *smidgen* ‘чутьочка, малость’, *iota, jot* ‘йота’, *scrap* ‘клочок, кусочек; чутьочка’, *speck* ‘пятнышко; частичка’.

Норма (от лат. мерило) [1. С. 648] представляет собой среднюю, промежуточную величину или число, и в языке представлена несколькими основными лексемами, например, прилагательными: *medium* ‘средний между большим и малым размером; средний по степени, силе или количеству’, *middle* ‘средний (возле центра); между началом и концом, между высшей и низшей точкой’, *moderate* ‘средний по количеству, размеру, силе или степени’, *normal* ‘обычный; средний, стандартный (оправдывает ваши ожидания)’, *moderate* ‘умеренный в количестве, размере, силе, интенсивности’, *reasonable* ‘приемлемый, сносный, умеренный’, *average* ‘средний, обычный (уровень или стандарт)’.

В отличие от логической оценки, представленной предыдущими группами, семема (минимальная единица плана содержания) «достаточность» выражает прагматическую оценку [3. С. 5–18]. Здесь *sufficient* и *enough* обозначают достаточное количество, *suitable* – ‘подходящий, соответствующий, годный’, *abstemious* – ‘умеренный в пище и питье’. В слове *tolerable* акцент делается на сносные, терпимые, удовлетворительные характеристики чего-то с явной отрицательной оценкой, в слове *satisfactory* – на удовлетворительные, достаточно хорошие, приемлемые характеристики, с явной положительной оценкой. Слова *ample, amply* и *satiate* оценивают количество как достаточное или более чем достаточное, то есть в сторону увеличения.

В итоге, принимая во внимание вышеизложенное, хотелось бы отметить скудность состава данных полей, выражающих непосредственную оценку количеству, которое является стандартным или достаточным. Здесь нельзя не согласиться с Н. Д. Артюновой – «стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций» [2. С. 234].

Так как лексический уровень языка организован сложными соотношениями лексико-семантических полей как смежных, так и пересекающихся, и соподчиненных, важно установить место этих полей в системе выделенных нами полей оценки количества. С точки зрения смежного соотношения полей, поля предельности и отсутствия количества занимают крайние положения, тогда как «норма» – срединное. Более того, данные статистического анализа указывают, что содержание данных полей составляет около 10% наряду с полями неопределенно большого количества (51,5%) и малого количества (38%).

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 766 с.
2. Артюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. [Текст] / Н. Д. Артюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Булыгина, Т. В. Механизм квантификации в русском языке и семантика количественной оценки [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Референция и проблемы текстообразования. – М.: Наука, 1988.
4. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С. Г. Воркачев. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
5. Парадигма «Язык и культура» [Текст] // Материалы 1-й Международной научной конференции. – М.: Изд. МГУ, 2001.
6. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе: (на материале английского языка): дис. ... д-ра

List of literature

1. Apresjan, Ju. D. Izbrannye trudy. T. 2. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija [Tekst] / Ju. D. Apresjan. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1995. – 766 s.
2. Artjunova, N. D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. [Tekst] / N. D. Artjunova. – M.: Nauka, 1988. – 341 s.
3. Bulygina, T. V. Mehanizm kvantifikacii v russkom jazyke i semantika kolichestvennoj ocenki [Tekst] / T. V. Bulygina, A. D. Shmelev // Referencija i problema tekstoobrazovanija. – M.: Nauka, 1988.
4. Vorkachev, S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept [Tekst] / S. G. Vorkachev. – M.: ITDGG «Gnozis», 2004. – 236 s.
5. Paradigma «Jazyk i kul'tura» [Tekst] // Materialy 1-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – M.: Izd. MGU, 2001.
6. Shahovskij, V. I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme: (na materiale anglijskogo jazyka): diss. ... d-ra filol. nauk

филол. наук [Текст] / В. И. Шаховский. – М., 1988. – 402 с.

7. Douglas Biber, Susan Conrad, Geoffrey Leech Student Grammar of Spoken and Written English, Longman, 2009.

8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2006.

9. Oxford Dictionary. URL : <http://oed.com/public/redirect/welcome-to-the-new-oed-online>.

10. Roget's Thesaurus. URL : <http://thesaurus.com/Roget-Alpha-Index.html>.

[Tekst] / V. I. Shahovskij. – М., 1988. – 402 s.

7. Douglas Biber, Susan Conrad, Geoffrey Leech Student Grammar of Spoken and Written English, Longman, 2009.

8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2006.

9. Oxford Dictionary. URL : <http://oed.com/public/redirect/welcome-to-the-new-oed-online>.

10. Roget's Thesaurus. URL : <http://thesaurus.com/Roget-Alpha-Index.html>.

**РЕОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
ОТ OV- К VO-ТИПУ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ГЛАГОЛЬНУЮ ПРЕФИКСАЦИЮ**

Т. А. Иванченко

Статья освещает процесс типологической реорганизации английского языка от OV- к VO- типу, находящий отражение уже в древних письменных памятниках. В статье рассматриваются некоторые причины и особенности данного процесса, а также его основополагающая роль в изменении ведущего способа сообщения глаголу пространственной характеристики. В следствие языковой перестройки и под влиянием прочих лингвистических и экстралингвистических факторов древняя модель «префикс + глагол» теряет свою доминирующую позицию и замещается моделью «глагол + наречие».

Ключевые слова: английский, типологическая перестройка, SVO, глагольные префиксы.

В настоящее время является общепризнанным мнение, согласно которому индоевропейский праязык характеризовался финальной позицией глагола в рамках языкового типа OV, и данная его характеристика была унаследована древнегерманскими диалектами. Поскольку в языках OV-типа объект и глагол тесно связаны между собой, то глагольные модификаторы /в частности, пространственные наречия/ не непосредственно предшествовали глаголу, а размещались где-то перед объектом, что обусловило отсутствие глагольных префиксов и принципиальную суффиксальность индоевропейского праязыка. Принцип суффиксальности, однако, вскоре стал нарушаться: наречия получили возможность непосредственно предшествовать глагольной основе /что было характерно для структуры главного предложения/, и префиксы встречаются уже в древнейших диалектах. В древнеанглийский период пространственная префиксация является ведущим способом сообщения действию локальной характеристики.

Протогерманский язык, по мнению многих исследователей-германистов, отличался гибкостью в плане построения синтаксических конструкций и относился к более подвижному языковому подтипу

/"flexible sub-type of SOV" Хоппер [6. С. 75], "непоследовательный язык" Леман [3. С. 360]/. Параллельно с употреблением структур, где глагол занимал финальную позицию, он допускал порядок следования компонентов, при котором объект или адвербиальные элементы следовали за глаголом, что, предположительно, было вызвано влиянием стилистических факторов. Постепенно употребление предложений, аранжированных по схеме VO, нарастало. Это ознаменовало общую типологическую перестройку древнегерманских диалектов.

Переход к новому структурному типу в различных языках осуществлялся с различной скоростью. Исследование, проведенное П.С. Хоппером, показало, что из всех древнегерманских диалектов именно английский язык находился в состоянии наиболее близком к праязыку, поскольку наиболее долго сохранял унаследованные от него черты [6. С. 95].

Строевые типологические изменения, произошедшие в английском языке, зафиксированы в древних письменных памятниках, которые характеризуются употреблением различных структурных вариантов оформления синтаксических отношений между субъектом, глаголом, объектом и глагольными модификаторами. Синтаксические отношения глагола и определяющего его адвербиального элемента находили отражение в нескольких структурных моделях, среди которых глагол с частицей в препозиции /контактной – дистантной/, в постпозиции /контактной – дистантной/, а также слившееся в единую лексическую единицу сочетание "преверб + глагол", где преверб становился префиксом. Позиция адвербиального элемента по отношению к глагольной основе могла меняться в зависимости от типа предложения и самой формы глагола. В частности, яркой чертой древнего глагольного употребления стала препозиция адвербиального элемента в случае его соединения с инфинитивом, причастием и позднее герундием. Положение, непосредственно предшествующее глаголу, способствовало быстрому переходу комплексов из разряда синтаксических сочетаний в разряд "цельных" слов. При этом наиболее полное слияние адвербиального компонента и основы достигалось в случае изменения лексико-грамматических характеристик глагольной формы, например при адъективизации основы, выраженной причастием.

В русле строевой реорганизации от OV к VO в конце древнеанглийского периода прослеживается тенденция к послеглагольному положению наречий, которая усиливается в среднеанглийском,

закрепляется и дает начало развитию современной модели «глагол + наречие». В настоящее время широкое использование сочетаний типа **go under, come over, lift up** представляет собой одну из наиболее ярких характеристик глагольного употребления. Параллельно существуют и префиксальные глаголы типа **undergo, overcome, uplift**. Оба типа, как видим, являются структурными вариантами соединения исходной глагольной основы и одних и тех же адвербиальных элементов. При этом как ведущее, продуктивное средство модификации глагола /изначально пространственной/ префиксация исторически предшествовала глагольно-постпозитивной модели.

Перечисление факторов, вызывающих, способствующих и сопровождающих языковую перестройку в целом и становление английской глагольно-постпозитивной модели в частности, не представляет трудности для современных исследователей-германистов. Сложности вызывает попытка реставрации точной, последовательной цепи причин-следствий в историческом типологическом изменении английского языка. Это объясняется тем фактом, что индоевропейский праязык, как и протогерманский язык, не являются фактически засвидетельствованными языками: их существование лишь постулируется на основании многочисленных соответствий между отдельными языками.

Согласно одной из наиболее распространенных теорий, находящей много последователей среди современных ученых, фактором, обусловившим строевые изменения древнеанглийского языка, послужила общегерманская тенденция ставить ударение на корневом слоге. Результатом подобного фонетического оформления слова стала редукция неударных слогов, приведшая к морфологическим, а затем к синтаксическим изменениям – преобладанию аранжировки высказываний по схеме **SVO**. Согласно другой гипотезе типологические изменения, т.е. переход к прямому порядку слов, явились не следствием, а причиной заката системы флексий как потерявших функциональную нагрузку в связи с изменением способа выражения синтаксических отношений между компонентами высказывания. Таким образом, центральной идеей данной гипотезы становится преобразование морфологической единицы под влиянием ранее произошедшего изменения в структурной схеме предложения. Существует и иная точка зрения, согласно которой изменения типа **SVO_SOV, SOV_SVO** не предполагают существенных сдвигов в языковой системе и могут быть вызваны целым рядом экстралинг-

вистических факторов /субстрат, взаимовлияние языков"/ Гамкредидзе, Иванов [1. С. 325]/.

Вне зависимости от того, каким фактором были вызваны изучаемые процессы, они ознаменовали общую тенденцию развития языка в сторону его аналитизации. В рамках новой структурной схемы предложения субъект и объект, потерявшие морфологические различия, разделялись глаголом. Глагольные модификаторы вслед за объектом заняли место за глаголом в стороне, противоположной субъекту, что обусловило развитие подсистемы сочетаний глагола и наречия в постпозиции.

Следует отметить, что не только смена строевой организации предопределила угасание префиксов и распространение глагольно-постпозитивной модели. Значительную роль здесь сыграли и внутренние особенности подсистемы пространственных префиксов, а именно, нарастающая несостоятельность в выражении пространственной направленности, связанная с нерегулярностью передаваемых префиксами значений. Наблюдались многочисленные совпадения семантики различных аффиксов, их взаимозаменяемость, употребление нескольких приставок одновременно и т.д.

Некоторые экстралингвистические факторы также способствовали развитию вышеописанного процесса структурных изменений. К ним, в частности, относится влияние на древнеанглийский язык скандинавских диалектов, вызванное непосредственным контактом их носителей в процессе набегов и завоевания скандинавами части территории Англии.

Скандинавские диалекты исконно обладали теми же приставочными образованиями, что и другие германские языки. Однако с течением времени приставки потеряли часть функциональной нагрузки, выбыли из числа продуктивных средств словообразования и были почти полностью элиминированы. Согласно выводам С. Рота, исследовавшего скандинавские тексты древнего периода, префиксальная система, которая, вероятно, обнаруживала признаки угасания еще в доисторическую эпоху развития северо-германских языков, становится непродуктивной уже к 7 веку [8. С. 188–190]. Ее место прочно занимают сочетания “глагол + наречие”. Таким образом, закат подсистемы префиксальных глаголов и становление подсистемы глагольно-наречных сочетаний в скандинавских языках опережали развитие соответствующих тенденций в древнеанглийском, а потому контакт двух языков был особенно продуктивен. По данным С. Рота в

дошедшей до наших дней литературе позднего древнеанглийского и среднеанглийского периодов содержится около 6 % глагольно-наречных сочетаний, появление которых можно объяснить заимствованием из скандинавских языков /OE ceallian in – OS kala in, ‘to pay a short visit’; OE ceallian by – OS kala by, ‘to visit when passing’ / [там же].

Наряду с внешними факторами, содействующими нарастанию употребительности новой языковой модели, нельзя не упомянуть факторы, противодействующие данному процессу. К ним в первую очередь относится влияние латинского языка и латинской префиксальной глагольной модели. При переводе древних латинских текстов /преимущественно религиозного содержания/ переводчик стремился подобрать эквиваленты префиксальным и глагольным составляющим иноязычных слов из исконного языкового материала. При этом структура вновь созданного глагола в точности повторяла расположение морфем префиксального слова в латинском оригинале. Влиянием латинской префиксальной модели, в частности, приставочных глаголов с sub- /suc- и т.д./, ex-, pro-, con- /co-/ и др., можно также объяснить, согласно данным Большого Оксфордского Словаря, появление таких английских лексических единиц древнего и более позднего периодов, как *underwrite* /after L. *subscribere*/, *undercome* /after L. *subvenire*/, *underdelve* /after L. *suffodere*/, *out-term* /after L. *ex-terminare*/, *outroot* /after L. *eradicare*/.

Влияние латинского языка, занимающего особое положение в странах Западной Европы, а также Англии на протяжении всего средневековья, способствовало более длительному функционированию старой английской префиксальной модели и, соответственно, задерживало развитие подсистемы глагольно-наречных сочетаний. Очевидно, однако, что сдерживать процессы, внутренне присущие языку, каким-либо внешним, пусть и языковым влиянием невозможно: префиксация как способ пространственной характеристики действия становится все менее продуктивной, и ее место прочно заняла развивающаяся подсистема глагольно-постпозитивных сочетаний.

Итак, на фоне общей типологической реорганизации от OV к VO в английском языке происходила замена одного способа модификации глагольной семантики другим, отвечающим новым языковым условиям способом. Модель «глагол + наречие» заменила старую префиксальную модель в выполнении ее исходной функции - сообщения действию пространственной характеристики. Дальнейшее развитие корпуса древних глагольных префиксов было подчинено

общим принципам языковой организации и языковых изменений, вытекающим из понятия системности – тенденции к устранению избыточных средств выражения, тенденции к устранению форм, потерявших свою исконную функцию или имеющих незначительную семантическую нагрузку и тенденции к выражению одинаковых или близких значений одной языковой формой. Сохранили свою употребительность те префиксы, которые совершили переход от обозначения направленности в пространстве к преимущественному /и регулярному/ выражению абстрактных значений, вершиной которых стали оценочные значения префиксов out-, over- и under-.

Список литературы

1. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы [Текст] / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Т.И. – Тбилиси: ТГУ, 1984.
2. Ивашкин, М. П. Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке [Текст] / М. П. Ивашкин. – М.: Прометей, 1988.
3. Леман, В. П. Протоиндоевропейский синтаксис [Текст] / В. П. Леман // Новое в зарубежной лингвистике. – Т. 21. – М.: Прогресс, 1988. – С. 351–409.
4. Harris, A. C. Historical syntax in cross-linguistic perspective [Текст] / A. C. Harris, L. Campbell. – Cambridge, 1995.
5. Hiltunen, R. The Decline of the Prefixes and the Beginning of the English Phrasal Verb [Текст] / R. Hiltunen. – Turku, 1983.
6. Hopper, P. S. The Syntax of the Simple Sentence in Proto-Germanic [Текст] / P. S. Hopper. – The Hague-Paris, 1975.

List of literature

1. Gamkrelidze, T. V. Indoeuropejskij jazyk i indoevropejcy [Tekst] / T. V. Gamkrelidze, V. V. Ivanov. – T.I. – Tbilisi: TGU, 1984.
2. Ivashkin, M. P. Sinhronno-diahronicheskiy analiz perehodnyh processov v anglijskom jazyke [Tekst] / M. P. Ivashkin. – M.: Prometej, 1988.
3. Leman, V. P. Protoindoeuropejskij sintaksis [Tekst] / V. P. Leman // Novee v zarubezhnoj lingvistike. – T. 21. – M.: Progress, 1988. – S. 351–409.
4. Harris, A. C. Historical syntax in cross-linguistic perspective [Tekst] / A. C. Harris, L. Campbell. – Cambridge, 1995.
5. Hiltunen, R. The Decline of the Prefixes and the Beginning of the English Phrasal Verb [Tekst] / R. Hiltunen. – Turku, 1983.
6. Hopper, P. S. The Syntax of the Simple Sentence in Proto-Germanic [Tekst] / P. S. Hopper. – The Hague-Paris, 1975.

7. Jacobson, S. Preverbal Adverbs and Auxiliaries [Текст] / S. Jacobson. – Stockholm, 1981.
8. Rot, S. On Crucial Problems of the English Verb [Текст] / S. Rot. – Frankfurt am main, Bern, N.Y., Paris, 1988.
9. Sroka, K. A. The Syntax of English Phrasal Verbs [Текст] / K. A. Stroka. – The Hague-Paris: Mouton, 1972.
10. The Cambridge History of the English Language [Текст]. – Cambridge, 1992. – Vol. 1.
7. Jacobson, S. Preverbal Adverbs and Auxiliaries [Tekst] / S. Jacobson. – Stockholm, 1981.
8. Rot, S. On Crucial Problems of the English Verb [Tekst] / S. Rot. – Frankfurt am main, Bern, N.Y., Paris, 1988.
9. Sroka, K. A. The Syntax of English Phrasal Verbs [Tekst] / K. A. Stroka. – The Hague-Paris: Mouton, 1972.
10. The Cambridge History of the English Language [Tekst]. – Cambridge, 1992. – Vol. 1.

СВЕРХСЕМАНТИЗАЦИЯ ФОРМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

К. И. Леонтьева

Рассматриваются процессы потенциальной сверхсемантизации основных элементов поэтической формы. В этом аспекте переводчик должен не слепо калькировать оригинальную форму в переводе (формализм), а определить её прагматическую функцию, максимально точно уловить и инкорпорировать в перевод всевозможные окказиональные и интертекстуальные сверхсмыслы (принцип функционализма), которые могут быть актуализированы формой в ходе субъективного акта интерпретации.

Ключевые слова: поэтический перевод; поэтическая форма; ритм; рифма; поэтическая фоника; формализм; функционализм; сверхсемантизация.

Поэтический текст (ПТ) можно определить как художественное структурированное смысловое целое, функционирующее под давлением экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и иных факторов, в результате чего он способен аккумулировать всевозможные смыслы – от чисто языковых и культурологических до уникальных субъективных. Подобная дискурсивная природа предопределяет повышенный уровень информативной плотности поэзии. При этом замысел и интенция поэта реализуются через единство и синергию всех уровней сложной информационной системы ПТ [см. 1]. Вместе с тем, ПТ – это в первую очередь эстетическая материя мысли, он относится к «примарно-экспрессивным текстам» [2. С. 49], и по причине доминирования эстетической информации он становится не только средством передачи, но и самим объектом этой информации: ПТ обращен на самого себя, авторефлексивен, и центральным в нем становится языковой знак. И в качестве эстетической системы ПТ функционирует в первую очередь в виде метасмысла, образованного за счет синергии формальных элементов. Неслучайно А. И. Гитович метафорически определил поэтическую форму как «глину, мрамор» поэзии, «плоть» для «разума» (то есть для содержания) [3. С. 384].

При этом форма представляет собой не простую сумму, а метаморфную *систему* элементов, в которой «от перестановки слагаемых сумма меняется» [4. С. 40]. Дело в том, что субстанция выражения ПТ помимо лингвистической (собственно языковой) формы включает и экстралингвистическую, и внутреннюю форму. Все это позволяет говорить о внешней полиформальности ПТ, о многоуровневой формальной структуре. Рассмотрим её подробнее.

1. **Графическая форма** фиксирует всё «преднамеренно организованное» [5. С. 77-81], это «форма языковой формы» [6. С. 190]. Сюда относятся: различная длина строк, способная актуализировать визуальные смыслы, пунктуация, которая помогает точно понять эстетическое и эмоциональное переживание поэта, оригинальная авторская орфография; цето- и шрифтовыделение и т. д.

2. На уровне **дискурсивной формы** важнейшим элементом выступает поэтический ритм – «плоть и кровь», «скелет» ПТ [7. С. 23], превращающий его в сверхорганизованный язык, в «систему двойного кодирования», одновременно обусловленную естественным языком и стихотворным метром [5. С. 20].

Горизонтальный силлабический или *изотонический ритм* (то есть *размер*) представляет собой относительно регулярное положение ударных слогов в строке определенного слогового объема, причем термин «метр» обозначает некую абстрактную статичную модель, а «размер» – её потенциально вариативное исполнение. На практике эталонный метр практически никогда не выдерживается, что позволяет говорить об амбивалентности ритма [8], об обратимости размера [9], то есть о возможности вариативного прочтения одной ритмической структуры. Благодаря различным ритмическим смещениям (в первую очередь, спондей, пиррихий, усечение и наращение стоп (каталектика), анакруза, ипостаса и полиметрия) происходит не только оформление плана выражения, но и гармонизация формы с содержанием, поэтому введение в ритм ПТ определенных ритмических сдвигов как правило мотивировано. Все эти смещения могут использоваться как бессознательно и однократно (спонтанные), так и регулярно (преднамеренные), в том числе и как авторский приём экспрессии, что позволяет говорить о поэтической идиоритмии как элементе идиостиля (в форме комбинаций постоянно используемых поэтом ритмических структур). Наиболее комплексным смещением является полиметрия/полиритмия (комбинаторика метров). Функционально она позволяет варьировать монотонный

ритм, менять интонацию и темп речи согласно семантическому развертыванию ПТ, может выступать в функции контрастомаркирующего форманта. Например, ямба и анапест – это восходящие ритмы, а хорей и дактиль – нисходящие, и их соединение в пределах одной строки порождает яркий интонационный контраст.

Ритм внутренних пауз (цезура) и конечных пауз (строфика) также выполняет функцию поэтического «метронома», выступая внутри- и межстиховой фигурой членения стиха. Маркерами цезурования могут выступать не только интонационные паузы, но и внутренние рифмы (горизонтальная и вертикальная), спондей, метрический и интонационный контраст (резкая смена метра, усеченные стопы), регулярные позиционно эквивалентные звуковые повторы, знаки препинания, стиховой перенос (*enjambement*) и т. д. Автоматизм ритма может нарушаться и за счет конфликта ритма и синтаксиса (например, синтаксический параллелизм задает особый грамматико-синтаксический ритм). Кроме того, грамматические повторы в поэзии организуют разнородные единицы в группы, распределяя их по эквивалентным и антонимическим позициям [10. С. 14-288; 11]. *Интонационный ритм* также определяется соотношением синтаксиса и метра. Константная интонация стиха неизбежно соотносится с логическими интонациями: её монотонность создает фон, на котором резко проявляются синтактико-интонационные различия, происходит сцепление и сопоставление лексических значений слов и выражается глубинный смысл [10; 12].

По замечанию Е. Г. Эткинда, вне ПТ «размер лишен какой-либо осмысленности» [13. С. 82, 92]. Однако в ПТ, где семантизируются все элементы, ритм также обладает определенным смысловым потенциалом и помимо структурообразующей выполняет смыслогенерирующую функцию. Каждая строфа ритмически повторна, ее ритм ожидается, и появление непредвиденных повторов подобно появлению контрастов, это «асимметрия на фоне ожидаемой симметрии» [14. С. 54]. Таким образом, ритм является не просто «орнаментом» содержания, а «непосредственно аккомпанирует ему» [15. С. 115], аккумуляруя определенные смыслы. Кроме того, каждый метр обладает своим семантическим ореолом, который образует определенный «метрический код» (*metrical code*), способный «функционировать как особый язык» [16. С. 12]. По справедливому замечанию М. Л. Гаспарова, «лексика формирует семантику стихотворения, а метрика – общий фон семантической традиции, на котором оно воспринимается».

На этот семантический код могут накладываться дополнительные метрические, строфические, стилистические и иные интертекстуальные аллюзии и ассоциации. Поэтому метр можно рассматривать как некий интертекстуальный маркер определенных тем, концептов, образов (на фоне существующей поэтической традиции), при этом «один метр может быть знаком нескольких тем» [17. С. 103–104].

Таким образом, текстовыми доминантами на уровне ритма можно считать выбор конкретного размера, несущего определенный семантический ореол и задающего определенный эмоциональный тон, а также частотные ритмические смещения и полиритмию. При этом ритмические особенности составляют *основу* формального уровня поэтического идиостиля.

3. **Фонетическая форма** также основана на тотальной тенденции поэзии к повторности и параллелизму. В своё время В. В. Вейдле писал: «Поэзия не прибегает к вымыслу, ей нужен образ, но ещё непосредственной, насущней, ей нужен звукомысл [18. С. 413]. Звук в поэзии представляет собой особую семиотико-иконическую систему, становится неотъемлемой частью содержания, выступает отражением смысла. Звук и поэтический смысл – это «симбиоз семиотической взаимозависимости и независимости» [19. С. 24]. Г. О. Винокур справедливо отмечал, что в ПТ *все* стремится стать мотивированным со стороны значения, и поэтическая рефлексия оживляет в языке мертвое, мотивирует немотивированное [20. С. 130–131]. Поэтому звуковую аранжировку также можно считать преднамеренно организованной, мотивированной.

Безусловно, зачастую звуковая ткань строится автором подсознательно, и невозможно с полной уверенностью утверждать, что то или иное слово синонимического ряда было выбрано именно в силу своего звучания, коррелирующего в сознании автора с какой-либо сущностной характеристикой. В первую очередь выбор происходит с опорой на категории звуковой гармонии стиха и дикции. Однако параллельно с созданием музыкальной атмосферы звуковая ткань все же способна вызывать в сознании носителя языка определенные ассоциации на основе акустико-артикуляционных или образно-символических характеристик звуков и звукосочетаний, придавая ПТ определенное эмоциональное настроение. Подобные фоносемантизированные единицы уже не воспринимаются рецептором автоматически, по инерции – они переходят в область смыслового ассоциатива, становятся потенциально мотивированными.

Вместе с тем, связь звука со смыслом не автоматична, а динамична и вариативна, и сам звуковой повтор – это не непосредственный носитель, а лишь механизм поиска смысла. Звуковые повторы и рифмы, фонетические и паронимические сближения создают «колеблющиеся» семантические признаки значения [см. 21], которые характеризуются не внешней, а глубинной семантической образностью, созданной за счет субъективных психологических ассоциаций. Одно слово словно «властно притягивает к себе другие члены звукоассоциативного ряда» [22. С. 162], тем самым образуя мощное ассоциативно-смысловое поле. В целом, любой регулярный звуковой повтор становится «звуковой метафорой» [23. С. 111].

Наиболее концентрированной и регулярной звуковой метафорой в ПТ становится рифма. Эстетическая эффективность рифмы состоит в том, что за счет неё через гармонию идентичных звуков противопоставляются и выражаются различные смыслы. В расстановке рифм поэт может случайно найти новую идею, поэтому рифмы способны порождать новые значения. Фоносемантическая сущность рифмы проявляется в сближении «сотоварищей по рифме» [24. С. 216], и чем больше различие в значении рифмующихся слов, тем более ощутима их связь. Поэтому можно говорить об «ассоциативной, связующей функции рифмы» [25. С. 119], о её «мнемонической способности к ассоциированию» [26. С. IX]. **Из строки в строку мы мысленно возвращаемся к предыдущей рифме**, и «звуковое совпадение становится исходной точкой для смыслового противопоставления» [23. С. 100]. Дополнительным параметром эстетической оценки рифм может выступать *степень* ассоциативной связанности рифмантов – от нулевой до абсолютно непредсказуемой, что дает основание для градации рифм от неожиданных, «изысканных» до банальных, «стертых». Неточная, приблизительная и неожиданная рифмовка в противовес ожидаемой рифме «приглушает однообразный перезвон стиховых концовок, ослабляя рифменную монотонию» [8. С. 83, 94-95]. В историческом плане рифму можно рассматривать с точки зрения процесса *канонизации*, то есть закрепления «наиболее полного созвучия и прочной комбинации звуковых повторов на конце стиха» (точные, верные, сочные, богатые, глубокие рифмы), и *деканонизации*, то есть разрушения этих традиционных сочетаний [27. С. 113-114]. В этом аспекте рифма связана со степенью рифменности слов.

Таким образом, наиболее важными элементами фонетической формы являются финальные и внутренние рифмы, система риф-

мовки, доминирующий тип рифм, соотношение женских и мужских рифм, аллитерация, ассонанс, фонетическая анафора и эпифора, паронимия, полифонические повторы, звуковой подхват, звукоподражание и т. д. Наиболее частотные звуки можно рассматривать как звуковые доминанты. При этом важны качественные характеристики звуков-конституэнтов повторного фонетического комплекса. В целом, звук в ПТ информативен и выступает своеобразной молекулой смыслового ядра, поэтому звуковую ткань ПТ можно по праву считать фоносемантической. Однако звуковые повторы действуют опосредованно, в основном на ассоциативном уровне, а основными трансляторами смысла все же являются морфология, синтаксис и лексическая дикция, то есть собственно языковая форма.

4. Лингвистическая (языковая) форма – это самый сложный уровень субстанции выражения, распадающийся на четыре языковых микроуровня – морфология, словообразование, лексика и синтаксис.

С одной стороны лингвистическая форма абсолютно объективна – она дана нам в текстуально зафиксированной форме экспонентов языковых знаков. Однако любой элемент ПТ несет эстетическую нагрузку и неизбежно семантизируется, следовательно, чисто формальных элементов в поэзии нет – «все элементы суть элементы смысловые» [23. С. 88]. **Обрастая сверхсмыслами, все они оказываются сопоставленными или противопоставленными, на основании чего вступают в отношения либо эквивалентности, либо контрарности.** В целом, лексическая структура ПТ организуется с учетом связи различных лексических единиц как «по горизонтали» (линейная манифестация и развертывание текста), так и «по вертикали» (ассоциативная корреляция дистантных лексических единиц, объединение лексических единиц в лексико-смысловые и тематически-ассоциативные поля) [28. С. 29]. **Таким образом, единицы, взаимно изолированные в системе естественного языка, «попадая в структурно эквивалентные позиции, оказываются функциональными синонимами или антонимами друг другу»** [10. С. 210]. По этой причине в поэзии снимаются нормативные требования языковой валентности.

Вступая в подобное взаимодействие, языковые единицы генерируют абсолютно новые смыслы, которые формально не получили воплощения на лексическом уровне, и приобретают не только традиционно-закрепленные за ними лексические значения, но и дополнительно аккумулируют индивидуальные смыслы, вызывают различные семантические ассоциации. В результате происходит эмо-

ционально-образная, эстетическая трансформация словесной семантики. С точки зрения Г. О. Винокура, прямые значения слов словно опрокинуты в тему и идею художественного замысла, сталкиваются с их субъективной смысловой направленностью, и возникает семантическая двойственность, дополнительные значения, которые просвечиваются сквозь прямые значения слов в поэтическом языке [см. 20].

Сопоставленными и противопоставленными в художественной структуре ПТ оказываются и грамматические элементы, которые также наполняются неожиданным, вне стиха невозможным содержанием [11. С. 531-532]. Среди грамматических категорий, используемых для подобных соответствий по тождеству/контрасту, в поэзии можно встретить любые части речи, число, род, падеж, время, вид, наклонение, залог, личные и неличные глагольные формы, все виды и классы местоимений и существительных, различные синтаксические конструкции и члены предложения и т. д.

Как известно, каждая морфологическая и грамматическая форма и категория имеет некоторые закрепленные узуальные значения. Но при необычной референтной отнесенности или ярко выраженном количественном преобладании ряд категорий и форм будет актуализировать свою потенциальную метафоричность, они становятся грамматическими метафорами. Возможно и противоположное радикальное ограничение в «репертуаре использованных грамматических категорий: с изъятием одних остальные выигрывают в поэтической доходчивости», что также действует подобно «грамматическим образам» [11. С. 525-526]. Таким образом, морфологические и грамматические элементы могут аккумулировать самостоятельные смыслы, которые становятся средством выражения субъективного авторского мировосприятия. Критериями аналитического декодирования смысла могут стать такие факторы, как количественное соотношение морфологических категорий, семантические эффекты частеречного соотношения рифм, взаимоотношение системы местоимений с глубинной семантикой, нарушение сочетаемости частей речи (в результате чего возникает олицетворение неодушевленного имени, часто – с абстрактным значением) и т.д. [см. 23; 11]. Подобное «чтение по частям речи» помогает выделить в образной структуре стихотворения три аспекта – предметы и понятия, действия и состояния, качества и отношения – и реконструировать основы лирической композиции, сюжетно-фабульного развертывания ПТ [29. С. 238-239].

Синтаксические средства также выступают реализаторами авторской интенции. В первую очередь сюда относится коммуникативный тип предложений, порядок слов, синтаксический параллелизм (анафора и эпифора), безличные и эллиптические конструкции (синтаксическая компрессия), однотипность и однородность синтаксических конструкций, симметрия членов предложения, стиховой перенос, инверсия, риторические конструкции, несоответствие между синтаксической структурой и её пунктуальным оформлением, динамизирующие текст асиндетон и полисиндетон, отражающие логику внутренних связей концептуальных образов ПТ типы сложных предложений и т. д. При этом, стихотворный синтаксис, по замечанию Б. М. Эйхенбаума, не существует обособленно от ритма. Во-первых, он находится в неразрывной связи со строкой и строфой как материальной реализацией ритма. Параллельно и сам ритм деформирован синтаксисом, из факта чисто грамматического ставшего фактом художественно значимым. Кроме того, стихотворный синтаксис – это и фонетическое явление: наряду с ритмом и поэтической фоникой он предопределяет интонацию, но не речевую, а мелодическую [30. С. 327–511].

В поэзии в отличие от прозы возможны расхождения синтаксического и семантического членения стиха, так как синтаксическое оформление стиха обусловлено не смыслом, а ритмически. Например, за рамки строки или строфы выходит стиховой перенос (*enjambement* или *синафия*), вызванный «конфликтом ритма и синтаксиса» [31. С. 113], языкового членения текста и его стиховой сегментации. Этот приём – это своего рода «художественно рассчитанный диссонанс» [32. С. 157], выполняющий одновременно изобразительную, акцентирующую и экспрессивную функции. Перенос характеризуется случайностью и неожиданностью, связан с принципом обманутого ожидания. Использование синафии приводит к сбоям, дроблению, варьированию силлабического ритма, его динамизации, служит приёмом стилизации под естественную разговорную речь. Его отсутствие напротив делает ритм спокойным, плавным, уравновешенным, даже тягучим. Кроме того перенос подчеркивает интонационную эмфазу и ритмическое обособление, за счет него происходит выдвигание ключевых слов вследствие их «большой ритмической значимости» [21. С. 189]. Вместе с тем, перенос может быть объективно детерминирован только рамками стиха и в таком случае не несет никакой функционально-семантической нагрузки.

Резкость мотивированного переноса варьируется в зависимости от силы (тесноты) внутрифразовых грамматических и синтаксических связей, то есть от позиционного употребления синафии (внутри фразы или внутри составляющих её синтагм), а также от вида переноса (синтаксический или морфологический).

Художественным приёмом могут стать и средства синтаксической связи. Здесь важно всё: структура предложения, их объем, степень их полноты, распространенности и автономности, использование сочинительной или подчинительной связи, количество придаточных и предложных оборотов и т. д. Например, романтической лирике с её повышенной эмоциональностью свойственно простое соположение предложений внутри строфы (паратаксис), множественные инверсии, параллелизм, анафоры, вводные элементы, особенно обращения, стилизация под разговорный синтаксис. Эллиптические и короткие или односоставные предложения словно техника импрессионистов помогают запечатлеть мимолетную смену сцен и событий, но эти предложения рисуют одну комплексную картину и они неавтономны, поэтому входят в крупное синтаксическое целое, зачастую выходящее даже за грани строфы. Различные присоединительные конструкции, длинные бессоюзные предложения отражают непрерывность и одновременную дискретность потока сознания. Асиндетон, осложненный обширными перечислениями, динамизирует ритм и создает эффект резкости, рубленности речи. Длинное сложное предложение с различными синтаксическими конвергенциями (цепочки однородных членов, растянутые обороты) – это всегда гамма эмоций, формальное выражение аналитической мысли.

Семантически значимо и композиционное оформление стиха: строфическое деление и объем строфы выступает не только как факт структурной организации стиха (вертикальный композиционный ритм), но и как актуализатор субъективной экспрессии и семантики, позволяющий глубже понять логику развития линии повествования, взаимоотношения определенных образов и концептов в авторской картине мира.

Все рассмотренные сущностные особенности формы ПТ позволяют сделать вывод о том, что любые элементы субстанции выражения в поэзии выполняют дополнительную смыслогенерирующую функцию – через смысловой ореол метра и его потенциальную культурологическую ассоциативность, горизонтальную и вертикальную полиметрию и иные ритмические смещения, фоносемантическое сближение рифмантов и маркированных звуковыми повторами слов,

доминирование определенных морфологических категорий, грамматический и синтаксический параллелизм, синтаксическую периодизацию, стиховой перенос, строфическое деление, композицию. В этом проявляется особая функциональность поэтической формы.

При этом сам процесс генерации глубинных подобных «сверх-энергетических» смыслов путем приписывания формальным стиховым структурам окказиональных смыслов и актуализации эмоционально-экспрессивных коннотаций и интертекстуальных ассоциаций (процесс сверхсемантизации) обусловлен в первую очередь внутренними субъективными (интерпретативными) детерминантами и внешними факторами культурологической, этнической и языковой концептуализации. А это исключает возможность полного сохранения при переводе всего информационного потенциала поэтической формы.

Однако, как известно, конкретная форма выбрана автором не случайно, именно она наиболее точно реализует его концептуальную программу, его собственную идиопроекцию образа, которая другими средствами выражены быть не может. Как подчеркивал Е. Г. Эткинд, «отделить внутреннюю форму (образ) от внешней (язык) чаще всего невозможно, языковое воплощение входит в структуру образа, и, лишившись формы, образ, а вместе с ним и идея, перестает существовать» [33. С. 18]. А при смене языка как кода образа появляется абсолютно новая внешняя форма, что соответственно ведет к изменению и внутренней формы, то есть концептуальной сущности образа, следовательно, жертвовать формой нельзя. Вместе с тем, определенное эстетическое (и как следствие семантическое) обеднение перевода по сравнению с оригиналом неизбежно даже в самых ярких, эталонных образцах переводной поэзии, ведь переводчику на абсолютно новом языковом материале приходится имитировать авторский идиостиль. При этом, по-настоящему непере译имой становится не столько сама форма (несмотря на фактор языковой асимметрии и асимметрии систем стихосложения и поэтических традиций исходного и переводящего языков), сколько связи и отношения, возникающие между формой и содержанием в рамках концентрированного экспрессивными средствами пространства ПТ. Так возникает одна из главных дилемм перевода поэзии: с одной стороны формальные жертвы неизбежны, а с другой стороны форма как релевантная доминанта не может быть исключена из инварианта.

В силу подобного дихотомического соотношения однозначных требований к передаче формы оригинала в переводоведении не выра-

ботано – в первую очередь потому, что в основном субстанция выражения конструируется автором интуитивно, на уровне языкового и литературного «чутья» и вкуса. Кроме того, текстуальная материализация формы всегда сопряжена с эвристическим творческим поиском, к которому предъявлять какие-либо прескриптивные требования невозможно. Максимум, что может предложить теория перевода – это ряд рекомендаций дескриптивного характера. Единственное прескриптивное требование, которое, на наш взгляд, при переводе поэзии является обязательным, – это приоритет **функционального буквализма**.

Термин «буквализм» в данном случае не стоит толковать в негативном ключе. Во-первых, полное устранение требования формального соответствия приводит к абсолютизации вольности, при которой говорить о какой-либо обратимости перевода невозможно. Кроме того, речь идет совершенно не о «маниакальной» ориентации перевода на «букву» (форму) подлинника. Подобный жесткий *формализм* (стремление к тотальной эквиритмии, эвфонии, дословная передача образов) ввиду асимметрии систем стихосложения, языков и культур без ущерба для субстанции содержания в принципе невозможен и, как правило, приводит к концептуальной асимметрии и дисгармонии двух текстов. Форма же – это лишь часть целого, которая «работает» на эффект этого целого, и в инвариантную доминанту должны быть включены только прагматически маркированные элементы формы. Следовательно, искать необходимо *функциональную связь* внутренней и внешней формы. При этом определенная форма буквализма здесь необходима, но это должен быть буквализм, основанный на глубоком стилистическом декодировании, рационально и телеологически мотивированный. Таким образом, принцип функционального буквализма (*функционализма*) в нашем понимании ориентирован прагматически: приоритет отдается не языковому воплощению, а функции каждой маркерной доминанты формы с учетом контекста двух поэтических традиций. Поэтому оптимальная стратегия перевода на уровне поэтической формы – это стратегия **функциональной субституции по аналогии**.

Так, проблема передачи в переводе, например, ритма сводится к достижению функциональной аналогии горизонтального ритма (традиционной метрики) и сохранению вертикального композиционного ритма (строфного и строчного членения текста), в результате синергетического взаимодействия которых задается общая мелодика стиха. Также необходим учет особенностей идиостиля переводимого поэта

и соотношения двух поэтических традиций. При этом расхождения на уровне мелодики способны испортить даже самый точный, самый верный перевод, так как интонация стиха во многом интегрирует семантику, и при её разрушении верность будет иллюзорной. При переносе в перевод «звуковых метафор» необходимо учитывать различный фоносемантический потенциал звуков, а также частотность и роль приёма в контексте двух поэтических традиций. Воссоздать в переводе обычно удается либо сам приём, либо составляющие его звуки, но семантической эквивалентности между единицами, маркированными звуковыми повторами, добиться не удается практически никогда. При передаче рифм обязательным требованием является сохранение схемы рифмовки и учет степени инновантности данного типа рифмы в контексте поэтических традиций двух языков.

Таким образом, именно функциональная аналогия формы предопределяет равноценный эстетический эффект и во многом гармонию поэтического перевода как его наивысший качественный критерий. Однако, как показывает практика, чем оригинальнее форма и чем выше её функциональная роль в структуре подлинника, тем существеннее расхождения между оригиналом и переводом. Безусловно, в первую очередь это связано с асимметрией систем стихосложения двух языков и различными функциями эквивалентных, на первых взгляд, элементов поэтической формы в двух поэтических, а также и переводческих традициях. Вместе с тем, как мы уже отмечали, процесс генерации глубинных смыслов при декодировании семантической «сверх-энергии» поэтической формы всегда обусловлен субъективно (как часть процесса глобальной интерпретации подлинника и концептуализации образа перевода в сознании переводчика). Следовательно, для истинного постижения (насколько эта «истинность» достижима в силу максимального антропоцентризма поэтического перевода как творческого акта) этих смыслов, потенциально заложенных в поэтическую форму (возможно, и помимо интенции самого автора оригинала, то есть согласно «намерению» текста), требуется в первую очередь определенная степень психотипической схожести автора и переводчика, которая текстуально проявляется в идиостиле, в том числе и на уровне формы.

Список литературы

1. Гончаренко, С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии:

List of literature

1. Goncharenko, S. F. Pojeticheskij perevod i perevod pojezii: kon-

- константы и вариативность [Текст] / С. Ф. Гончаренко // Тетради переводчика. – М.: МГЛУ, 1999. Вып.24. – С. 108–111.
2. Алексеева, И. С. Текст и перевод: Вопросы теории [Текст] / И. С. Алексеева. – М.: Международные отношения, 2008. – 184 с.
3. Гитович, А. И. Мысли и заметки об искусстве поэтического перевода [Текст] / А. И. Гитович // Мастерство перевода: Вып. 6. 1969. – М.: Советский писатель, 1970. – С. 364–385.
4. Гаспаров, М. Л. Избранные труды [Текст] / М. Л. Гаспаров. В 2 т. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т. 2. О стихах. – С. 39–47.
5. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха [Текст] / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. – С. 18–252.
6. Казарин, Ю. В. Филологический анализ поэтического текста [Текст] / Ю. В. Казарин. – М.: Академический проект, 2004.
7. Алякринский, О. А. Поэтический текст и поэтический смысл [Текст] / О. А. алякринский // Тетради переводчика. – М.: Высшая Школа, 1982. Вып. 19. – С. 20–32.
8. Москвин, В. П. Теоретические основы стиховедения [Текст] / В. П. Москвин. – М.: URSS, 2009. – 320 с.
9. Гаспаров, М. Л. Подстрочник и мера точности [Текст] / М. Л. Гаспаров // Гаспаров М. Л. О stanty i variativnost' [Tekst] / S. F. Goncharenko // Tetradi perevodchika. – M.: MGLU, 1999. Vyp.24. – S. 108–111.
2. Alekseeva, I. S. Tekst i perevod: Voprosy teorii [Tekst] / I. S. Alekseeva. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2008. – 184 s.
3. Gitovich, A. I. Mysli i zametki ob iskusstve pojeticheskogo perevoda [Tekst] / A. I. Gitovich // Masterstvo perevoda: Vyp. 6. 1969. – M.: Sovetskij pisatel', 1970. – S. 364–385.
4. Gasparov, M. L. Izbrannye trudy [Tekst] / M. L. Gasparov. V 2 t. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. – T. 2. O stihah. – S. 39–47.
5. Lotman, Ju. M. Analiz pojeticheskogo teksta: Struktura stiha [Tekst] / Ju. M. Lotman // Ju. M. Lotman. O pojetah i poezii. – SPb., 1996. – S. 18–252.
6. Kazarin, Ju. V. Filologicheskij analiz pojeticheskogo teksta [Tekst] / Ju. V. Kazarin. – M.: Akademicheskij proekt, 2004.
7. Aljakrinskij, O. A. Pojeticheskij tekst i pojeticheskij smysl [Tekst] / O. A. aljakrinskij // Tetradi perevodchika. – M.: Vysshaja Shkola, 1982. Vyp. 19. – S. 20–32.
8. Moskvin, V. P. Teoreticheskie osnovy stihovedenija [Tekst] / V. P. Moskvin. – M.: URSS, 2009. – 320 s.
9. Gasparov, M. L. Podstrochnik i mera tochnosti [Tekst] / M. L. Gasparov // Gasparov M. L. O

- русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. – М., 2001. – С.361–372.
10. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – С. 14–288.
11. Якобсон, Р. **Поэзия грамматики** и грамматика поэзии [Текст] / Р. Якобсон // Семиотика: антология. – М.: Академический проект, 2001. – С. 525–546.
12. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис [Текст] / И. И. Ковтунова. – М.: Наука, 1986. – 206 с.
13. Эткинд, Е. Г. Ритм поэтического произведения как фактор содержания // Стиховедение: Хрестоматия [Текст] / Е. Г. Эткинд. – М.: Флинта, 2003. – С. 81–101.
14. Лукин, В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум [Текст] / В. А. Лукин. – М.: «Ось-89», 2009. – 560 с.
15. Белый, А. К вопросу о ритме [Текст] / А. К. Белый // Структура и семиотика художественного текста. – Тарту, 1981. Вып. 515. – С. 112–146.
16. Finch, A. The Ghost of Meter: Culture and Prosody in American Free Verse [Текст] / A. Finch. – Michigan, Ann Arbor: The University Press, 1993. – 178 p.
17. Гаспаров, М. Л. Семантический ореол метра (к семантике русского трех-стопного ямба) ruskooj poezijii. Analizy. Interpretacii. Harakteristiki. – М., 2001. – S.361–372.
10. Lotman, Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta [Tekst] / Ju. M. Lotman // Lotman Ju. M. Ob iskusstve. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1998. – S. 14–288.
11. Jakobson, P. Poezija grammatiki i grammatika poezii [Tekst] / R. Jakobson // Semiotika: antologija. – M.: Akademicheskij projekt, 2001. – S. 525–546.
12. Kovtunova, I. I. Pojeticheskij sintaksis [Tekst] / I. I. Kovtunova. – M.: Nauka, 1986. – 206 s.
13. Jetkind, E. G. Ritm pojeticheskogo proizvedenija kak faktor sodержanija // Stihovedenie: Hrestomatija [Tekst] / E. G. Jetkind. – M.: Flinta, 2003. – S. 81–101.
14. Lukin, V. A. Hudozhestvennyj tekst. Osnovy lingvisticheskoi teorii. Analiticheskij minimum [Tekst] / V. A. Lukin. – M.: «Os'-89», 2009. – 560 s.
15. Belyj, A. K voprosu o ritme [Tekst] / A. K. Belyj // Struktura i semiotika hudozhestvennogo teksta. – Tartu, 1981. Vyp. 515. – S. 112–146.
16. Finch, A. The Ghost of Meter: Culture and Prosody in American Free Verse [Tekst] / A. Finch. – Michigan, Ann Arbor: The University Press, 1993. – 178 p.
17. Gasparov, M. L. Semanticheskij oreol metra (k semantike ruskogo treh-stopnogo jamba) [Tekst] / M.

- [Текст] / М. Л. Гаспаров // Стихование: Хрестоматия. – М.: Флинта, 2003. – С. 102–109.
18. Вейдле, В. В. Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства [Текст] / В. В. Вейдле. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 456 с.
19. Wimsatt, J. Rhyme/Reason, Chaucer/Pope, Icon/Symbol [Текст] / J. Wimsatt // *Modern Language Quarterly*. – 1994. – Vol. 55. – P. 17–46.
20. Винокур, Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика [Текст] / Г. О. Винокур. – М.: Наука, 1990. – 448 с.
21. Тынянов, Ю. Н. Проблема стихотворного языка [Текст] / Ю. Н. Тынянов. – М., 2007. – 184 с.
22. Гончаренко, С. Ф. Стилистический анализ испанского стихотворного текста: основы теории испанской поэтической речи [Текст] / С. Ф. Гончаренко // С. Ф. Гончаренко. Собрание избранных сочинений в 3 т. – М.: «РЕМА», 1995. – Т.3. – С. 5–226.
23. Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике [Текст] / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 11–263.
24. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
25. Hollander, J. Vision and Resonance: Two Senses of Poetic Form [Текст] / J. Hollander. – New Ha-
- L. Gasparov // *Stihovedenie: Hrestomatija*. – М.: Flinta, 2003. – S. 102–109.
18. Vejdle, V. V. *Jembriologija poeziji: Stat'i po pojetike i teorii iskusstva* [Tekst] / V. V. Vejdle. – М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. – 456 s.
19. Wimsatt, J. Rhyme/Reason, Chaucer/Pope, Icon/Symbol [Tekst] / J. Wimsatt // *Modern Language Quarterly*. – 1994. – Vol. 55. – P. 17–46.
20. Vinokur, G. O. *Filologicheskie issledovanija: Lingvistika i pojetika* [Tekst] / G. O. Vinokur. – М.: Nauka, 1990. – 448 s.
21. Tynjanov, Ju. N. *Problema stihotvornogo jazyka* [Tekst] / Ju. N. Tynjanov. – М.: URSS, 2007. – 184 s.
22. Goncharenko, S. F. *Stilisticheskij analiz ispanskogo stihotvornogo teksta: osnovy teorii ispanskoj pojeticheskoj rechi* [Tekst] / S. F. Goncharenko // S. F. Goncharenko. *Sobranie izbrannyh sochinenij v 3 t.* – М.: «REMA», 1995. – Т.3. – S. 5–226.
23. Lotman, Ju. M. *Lekcii po struktural'noj pojetike* [Tekst] / Ju. M. Lotman // Ju. M. Lotman i tartusko-moskovskaja shkola. – М.: Gnozis, 1994. – S. 11–263.
24. Jakobson, R. *Lingvistika i pojetika* [Tekst] / R. Jakobson // *Strukturalizm: «za» i «protiv»*. – М.: Progress, 1975. – С. 193–230.
25. Hollander, J. *Vision and Resonance: Two Senses of Poetic Form* [Tekst] / J. Hollander. – New Ha-

- ven, Conn: Yale University press, 1985. – 140 p.
26. Wesling, D. The Chances of Rhyme: Device and Modernity [Текст] / D. Wesling. – Berkeley: University of California Press, 1980. – 170 p.
27. Жирмунский, В. М. Рифма, её история и теория [Текст] / В. М. Жирмунский // Стихovedение: Хрестоматия. – М.: Флинта, 2003. – С. 110–118.
28. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня [Текст] / Н. С. Болотнова. – Томск: ТГУ, 1992. – 312 с.
29. Гаспаров, М. Л. К анализу композиции лирического стихотворения [Текст] / М. Л. Гаспаров // Анализ художественного текста. Лирическое произведение. Антология. – М.: РГГУ, 2005. – С. 238–239.
30. Эйхенбаум, Б. М. Мелодика русского лирического стиха [Текст] / Б. М. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969. – С. 327–511.
31. Эткинд, Е. Г. Материя стиха [Текст] / Е. Г. Эткинд. – СПб.: Гуманитарный союз, 1998. – 506 с.
32. Жирмунский, В. М. Теория стиха [Текст] / В. М. Жирмунский. – Л., 1975. – 664 с.
33. Эткинд, Е. Г. Художественный перевод: искусство и наука [Текст] / Е. Г. Эткинд // Вопросы языкознания. – 1970. – №4. – С. 15–29.
- ven, Conn: Yale University press, 1985. – 140 p.
26. Wesling, D. The Chances of Rhyme: Device and Modernity [Текст] / D. Wesling. – Berkeley: University of California Press, 1980. – 170 p.
27. Zhirmunskij, V. M. Rifma, ejo istorija i teorija [Текст] / V. M. Zhirmunskij // Stihovedenie: Hrestomatija. – М.: Flinta, 2003. – S. 110–118.
28. Bolotnova, N. S. Hudozhestvennyj tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyj analiz edinic leksicheskogo urovnja [Текст] / N. S. Bolotnova. – Tomsk: TGU, 1992. – 312 s.
29. Gasparov, M. L. K analizu kompozicii liricheskogo stihotvorenija [Текст] / M. L. Gasparov // Analiz hudozhestvennogo teksta. Liricheskoe proizvedenie. Antologija. – М.: RGGU, 2005. – S. 238–239.
30. Jejhbaum, B. M. Melodika russkogo liricheskogo stiha [Текст] / B. M. Jejhbaum // Jejhbaum B. M. O poezii. – L.: Sovetskij pisatel', 1969. – S. 327–511.
31. Jetkind, E. G. Materija stiha [Текст] / E. G. Jetkind. – Spb.: Gumanitarnyj sojuz, 1998. – 506 s.
32. Zhirmunskij, V. M. Teorija stiha [Текст] / V. M. Zhirmunskij. – L., 1975. – 664 s.
33. Jetkind, E. G. Hudozhestvennyj perevod: iskusstvo i nauka [Текст] / E. G. Jetkind // Voprosy jazykoznanija. – 1970. – №4. – S. 15–29.

О НОРМИРОВАНИИ КАЧЕСТВА И УСЛОВИЙ ВЫПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДА

Марк Кит

*Согласно учению философа Лю Тин Уиддла, хаос обнаруживается в наибольших количествах там, где стремятся к порядку. Хаос всегда берет верх над порядком, поскольку он лучше организован.
Терри Пратчетт, «Интересные времена»*

Стандартизация и нормирование в переводческом секторе представляют собой серьезную проблему, не решенную до сих пор. В статье рассматриваются выпущенные нормативные документы по качеству и выполнению переводов, дается их анализ и оценка. Обсуждается проблема измерения качества перевода. Изложены выводы в отношении нормирования качества и выполнения перевода.

Ключевые слова: нормирование перевода, норма перевода, качество перевода, международные стандарты, переводимость текстов.

Нормирование в переводческой отрасли

Большинство видов деятельности человека регулируется с помощью кодексов, стандартов или норм. Важность нормативного регулирования для обеспечения безопасности и благосостояния населения настолько велика, что во многих странах, в том числе и в России, заботу об установлении и соблюдении стандартов и норм берет на себя государство, привлекая для этой цели нормативно-законодательные организации.

До недавнего времени ни государственное, ни отраслевое регулирование не распространялись ни на переводческую деятельность, ни на ее результаты. Ни в одной стране мира не существовало обязательных или, хотя бы, рекомендованных стандартов, норм или правил, распространяющихся на эту сферу. В то же время трудно отрицать, что конечный продукт переводческой деятельности – текст перевода – содержит информацию, искажение или несвоевременная доставка которой может создавать угрозу благополучию, жизни и здоровью людей. Художественная, учебная и общественно-политическая лите-

ратура, на первый взгляд, выпадают из этого контекста, но, наверное, стоит задуматься над косвенным ущербом, который может причинить некачественный перевод политического заявления, талантливого литературного произведения или учебника хирургии.

Первые действия по нормированию перевода были обращены на объекты массового потребления, наиболее легко поддающиеся формализации – программные продукты. Адаптация графического интерфейса пользователя к культуре какой-либо страны – так называемая локализация – быстро образовала один из ведущих секторов переводческой отрасли. Стремительный рост рынка программных продуктов, и, как следствие – рынка локализации (20% в год и более [14]), стимулировал появление организаций, занимающихся стандартизацией локализации (и в том числе перевода как основного компонента локализации), таких как Ассоциация по глобализации и локализации (GALA [11]).

Что же можно регламентировать в области перевода, зачем и как?

Первое и наиболее очевидное – это качество перевода. Другие аспекты – своевременность выпуска перевода, взаимоотношения между заказчиком и исполнителем перевода, а также ответственность этих сторон. Остановимся на этих вопросах.

Важность обеспечения качества перевода кажется самоочевидной истиной, но это далеко не так. Согласно исследованиям, 75% заказчиков переводов на первое место в числе критериев ставят цену и менее 60% – качество [4. С. 15]. По данным Всемирного Банка, на вопрос «Подвергаются ли в вашей переводческой организации проверке все переводы, полученные от внештатных исполнителей?» утвердительно ответили только 18%, а «не всегда, но в большинстве случаев» - 43% [26. С. 21]. Неизбежно следует вывод, что остальные компании – около 40% от общего числа – вообще не знают, что они отдают заказчику. Как исполнителей, так и потребителей переводов убедить в необходимости контроля и обеспечения качества непросто, поскольку сама эта задача определена нечетко, что такое это самое качество – непонятно, а его обеспечение связано с большими затратами.

Своевременность выпуска перевода часто оказывается критически важным фактором, определяющим ценность переведенного текста. Действительно, польза от перевода презентации, необходимого для выступления на конференции, но выпущенного через час после окончания этого выступления, равна нулю.

Взаимоотношения между заказчиком и исполнителем перевода влияют на устойчивость работы отрасли и ее развитие. Редкие случаи неоплаты труда переводчиков и нечеткое распределение ответственности за переведенный текст негативно влияют на общую атмосферу в секторе. Расплывчатые или недостаточно полные требования к конечному продукту (переводу) также отражаются на общих результатах переводческой деятельности.

Подтверждая необходимость во введении нормирования в переводческой отрасли, самая крупная переводческая организация в мире – Генеральный директорат по переводам Европейской комиссии – выпустила в 2009 году «Программу управления качеством перевода» [8], состоящую из 22 мероприятий, направленных на повышение качества переводов.

Очевидно, что целью нормирования должно являться обеспечение заданных свойств объекта нормирования, т.е. перевода, для чего необходимо принять некоторые меры организационного, технического, лингвистического и юридического характера. Получение перевода с заданными параметрами требует либо следования некоему процессу, гарантирующему желаемый результат, либо наличия системы отбраковки некачественных переводов, следовательно, необходимо либо регламентировать процесс перевода (организационная мера), либо контролировать качество выпускаемого перевода (контрольная мера). Общеизвестно, что во многих отраслях, таких как машиностроение, применяются оба механизма – регламентированный техпроцесс, и система контроля качества. Кроме того, второй компонент – оценка качества перевода – имеет также и самостоятельную ценность, например, для следующих видов деятельности:

- Подготовка или разработка программ обучения переводчиков, когда нужно оценить качество перевода, сделанного студентом;
- Проверка квалификации переводчиков при приеме на работу или выдаче им конкретных заданий на перевод;
- Проверка и отладка систем машинного перевода, когда необходимо определять, как влияют изменения в системе на качество перевода, выдаваемого этой системой.

Вопрос об обеспечении и контроле качества перевода перешел из теоретической плоскости в прикладную, когда на сцене появились организации, требующие практических результатов. В итоге в короткий срок появилось несколько стандартов, направленных на обеспечение качества перевода. Хронология событий выглядит так:

1995 год – Выпущен итальянский стандарт UNI 10574 [23].

1998 год – Германский институт стандартизации выпустил стандарт DIN 2345 [7].

1999 год – Выпущен австрийский стандарт ÖNORM D 1200

2005 год – Американская ассоциация инженеров автомобильной промышленности утвердила отраслевой стандарт SAE J2450, призванный установить систему измерений качества перевода [18].

2006 год – Евросоюз выпускает «Европейский стандарт качества переводческих услуг» EN-15038 [9].

2006 год – ASTM F2575 – 06 – «Стандартное руководство по обеспечению качества в переводе» выпущено Американским обществом специалистов по испытаниям и материалам [2].

2008 год – Национальный стандарт Канады для переводческих услуг CAN CGSB 131.10-2008 [6] принят Канадским советом по стандартам.

Обращает на себя внимание, что все эти документы возникли всего за несколько лет, заполняя нормативный вакуум в отрасли. Особое положение среди этих документов занимает EN-15038, который в ноябре 2006 года был утвержден Европейским комитетом по стандартизации (CEN) для внедрения в статусе государственного стандарта в 28 странах, являющихся членами комитета.

Складывается впечатление, что пристальное внимание к качеству переводов становится правилом, а не исключением, и что общество созрело для понимания необходимости нормирования переводческой деятельности.

Тем не менее, основной задачей нормативных документов в переводческой отрасли является регламентирование качества перевода. И здесь разработчики стандартов столкнулись с принципиальной проблемой оценки качества перевода.

Проблема оценки качества перевода

До последнего времени подходы к оценке качества перевода в основном развивались в рамках концепции эквивалентности. Теория эквивалентных соответствий была разработана Я. Рецкером, вопросы эквивалентности изучали Дж. Кэтфорд, Ю. Найда и А.Д. Швейцер. Споры по этому поводу велись в течение многих лет, но вопрос остается открытым до сих пор. Было предложено много определений эквивалентности [21. С. 25-26.]: Найда (1964 г.): «ближайший естественный эквивалент» и «формальная либо динамическая эквивалентность»; Каде (1968 г.): «сохранение переводческой инвари-

антности в плане содержания»; Ягер (1975 г.), Райс (1976 г.): «коммуникативная эквивалентность»; «прагматическая эквивалентность (Уилс, 1980 г.); «адекватность» (Райс, 1984 г.); «приемлемость» (Таури, 1980 г., Норд, 1991 г.); «достоверность, правильность, лояльность» (Норд, 1991 г.), и снова «прагматическая эквивалентность» (Бэйкер, 1992 г., Коллер, 1992 г.). К этому можно добавит предложенную В.Н. Комиссаровым «максимальную ориентированность на оригинал» [27. С. 152.]. При всем разнообразии этих определений, среди них нет ни одного, которое четко описало бы измеряемый параметр и подход к его измерению.

Появление скопос-теории [17] также не внесло ясности в вопрос, введя новое и «столь же туманное понятие «функциональной эквивалентности»» [21. С. 26.].

Тем не менее, скопос-теория подала надежду на выработку разумного подхода, по крайней мере к информационно-техническому переводу. Теория эта утверждает, что перевод должен соответствовать своему предназначению (от греческого *σκοπος* - назначение). Такая позиция включает в феномен перевода его получателя, декларируя, что у перевода есть предназначение и, стало быть, целевой получатель. Применительно к текстам информационного или технического характера такой подход представляется вполне оправданным, поскольку главная задача таких текстов – точно и недвусмысленно передать информацию реципиенту, отодвигая остальные аспекты перевода, такие как стиль или соблюдение языковых норм, на второй план.

Как применение концепции скопоса, так и каждодневная практика перевода вынуждают переводчика отклоняться от оригинала в целях наилучшей передачи его смысла. Это наводит на мысль, что нормирование труда переводчика должно указывать допустимое отклонение перевода от оригинала, т.е. степени свободы переводчика. Ряд исследователей склоняется к тому, что эта свобода весьма велика.

«Составители технических текстов создают их не для того, чтобы удовлетворить свою потребность в общении или обсудить личные впечатления, но для выполнения задания, выраженного в требовании создать текст, выполняющий конкретные функции, указанные заказчиком» [12]. С этим утверждением трудно поспорить, но легко заметить, что оно возлагает на переводчика бремя авторства. Адаптируя текст оригинала к культуре языка перевода, и следуя при этом требованиям заказчика, переводчик фактически работает над созданием нового текста. Это вступает в противоречие с положениями

стандартов, требующих точности перевода, вплоть до подсчета «не тех» (по мнению проверяющего) слов.

Другая проблема оценки качества представлена личностью самого проверяющего, выдающего заключение о качестве перевода. Выступая в качестве измерительного прибора, сознание читателя (в том числе и контролера) «вступает в реакцию» с содержанием текста, порождая уникальный (в силу уникальности каждого сознания) результат. Этот результат может отличаться от той реакции, которая ожидается от предполагаемых читателей перевода. Например, если перевод предназначен для шестилетнего ребенка, а проверяет его человек пенсионного возраста, то их реакция на содержание текста будет, скорее всего, разной.

Это явления неоднократно отмечались исследователями. Как пишет Н.И. Кузнецова, «...исследователь выступает как своеобразный прибор, не столько “проявляя” интересующие его содержательные характеристики текста, сколько впервые “порождая” их своим пониманием. Сегодня с этим гуманитарии смогут легче примириться, так как с разных сторон лингвисты и литературоведы пришли к выводу о том, что смысл текста не столько “содержится” в нем, сколько порождается самим чтением и искусством читателя» [28. С. 190.].

Такая фраза как «Квантование по уровню обеспечивается с использованием логарифмической сетки на 256 уровней» совершенно понятна инженеру-связисту, даже в отрыве от контекста, но для рядового читателя (каковым может оказаться редактор, плохо знакомый с данной областью знаний) представляет собой бессмыслицу.

Предсказать достоверность оценки, сделанной человеком, трудно, если вообще возможно. В любом случае, стандарт, полагающийся на мнения людей, должен предлагать и методы обучения этих людей.

В последние годы широкое распространение (в первую очередь – для оценки машинного перевода) получили объективные формальные методы оценки, основанные на расчете редакционного расстояния (расстояния Левенштейна), т.е. количества вставок, замен и удалений слов, которые необходимо выполнить для приведения перевода к эталонному с нормализацией по длине фразы. В результате получают коэффициент ошибок (World Error Rate) [25]. Для расчета отклонения испытуемого перевода от эталонного чаще всего применяется метод BLEU [16].

Это позволяет надеяться, что при оценке перевода можно перейти от мнений к фактам. Но для измерения редакционного расстояния

необходимо иметь эталонный перевод, с которым сравнивается проверяемый. Такой эталон в принципе существует в сознании редактора или проверяющего, но это лишь один из возможных вариантов правильного перевода, и не обязательно – идеальный. Поэтому информация о том, что для приведения перевода к эталону необходимо сделать, скажем, 5 исправлений, удалений и добавлений не характеризует его качество.

Но даже если согласиться с этим критерием, вопрос ничуть не проясняется. Столь распространенный статистический подход, утверждающий, что перевод с 5% ошибок, несомненно, лучше перевода с 10% ошибок, далек от действительности. Гораздо предпочтительнее перевод, в котором в 10% всех фраз сделаны опечатки, чем перевод, в котором 5% фраз переведены с полным искажением смысла, даже если там нет опечаток. Для того чтобы сделать критическую ошибку во фразе достаточно пропустить частицу «не». Уместно напомнить, что ДНК человека и шимпанзе различаются всего на 5% [5].

Описание существующих стандартов

Итальянский государственный стандарт UNI 10574 «Определение услуг и деятельности переводческих организаций» устанавливает требования к предоставляемым услугам, а также к деятельности и процессам компаний, предлагающих услуги письменного и устного перевода.

Стандарт DIN 2345 [24], выпущенный Германским институтом стандартизации, указывает требования к построению процесса перевода, при котором, как предполагается, будет достигнуто некое (не определенное в стандарте) качество. Стандарт описывает условия заключения контракта между переводчиками и заказчиками. Определяются принципы подготовки текста оригинала и выбора переводчика. На заказчика возлагается обязанность согласования сроков с переводчиком, предоставления ему терминологии и справочной литературы. В отношении текста перевода выставляется требование, гласящее, что «текст перевода должен соответствовать лингвистическим стандартам языка перевода, а его содержание должно соответствовать содержанию оригинала». Что это означает, однако, не определено. Указано, что все переводы должны пройти вычитку на предмет а) полноты содержания; б) технической и терминологической правильности, и в) соответствия перевода требованиям, указанным в контракте.

Австрийский стандарт Önorm D 1200 [1] регламентирует услуги предоставления письменного и устного перевода. В нем указаны требования к организации этих услуг и к их предложению.

Стандарт SAE J2450 [18] был создан по заказу Американской ассоциации инженеров автомобильной промышленности (SAE) и утвержден в 2005 году.

J2450 ограничивает тематику переводимых текстов областью автомобильной промышленности. Возможно, что именно по этой причине он полностью игнорирует стилистические аспекты перевода. Стандарт устанавливает, что в переводе могут быть ошибки семи видов:

Таблица 1. Виды и вес ошибок в стандарте J2450

№ п/п	Вид ошибки	Вес ошибки	
		Крупная	Мелкая
1	Неправильный термин	5	2
2	Синтаксическая ошибка	4	2
3	Пропуск	4	2
4	Нарушение структуры слов или согласования	4	2
5	Орфографическая ошибка	3	1
6	Ошибка в знаках пунктуации	2	1
7	Прочие ошибки	3	1

Классифицируя ошибки, стандарт ничего не говорит о смысловых ошибках, связности текста, языковых нормах, единстве и правильности употребления терминов, если только не допустить, что все это входит в категорию “Прочие ошибки”. Кроме того, J2450 не выделяет категорию катастрофических ошибок, также называемых критическими, в результате которых могут произойти события, угрожающие жизни или здоровью людей.

Стандарт Евросоюза EN-15038 [9] устанавливает процедуру выполнения перевода, определяет участников этого процесса и требования к ним. Текст стандарта начинается с определения базовых понятий переводческой деятельности, таких как «перевод», «документ», «рецензент» и т.д. Отражены требования к участникам процесса перевода и их квалификации. В стандарте указываются нормы взаимоотношений между заказчиком перевода и его поставщиком, а также порядок выполнения перевода. Согласно EN-15038 процесс перевода должен включать первоначальный перевод, про-

верку, редактирование, рецензирование, корректорскую вычитку и окончательную проверку. При этом проверку перевода выполняет сам переводчик, а редактирование – другое лицо, которое должно убедиться, что «перевод соответствует своему назначению». Для рецензирования назначается еще один человек, который должен разбираться в предметной области, к которой относится текст, и не обязан знать язык оригинала.

В целом, стандарт EN-15038 определяет условия, которые, как считают его авторы, необходимо соблюдать для получения качественного перевода. При этом факт такого результата фиксируется последним звеном в цепочке проверок – рецензентом, которому, согласно стандарту, не полагается знать язык оригинала. Рецензент может отбраковать или утвердить готовый перевод, но сам правок не делает.

Американский стандарт ASTM F2575-06 [2], устанавливает факторы, влияющие на качество переводческих услуг на каждом этапе процесса перевода. Этот стандарт является руководством по согласованию технических требований для заданий на перевод.

ASTM F2575-06 не указывает конкретных параметров качества или систем их измерений. Стандарт указывает, что перевод следует рассматривать в контексте действий по глобализации изделий или услуг, которые сопровождаются текстовыми документами, либо государственных документов, предназначенных для носителей разных языков и культур. Отмечается, что стандарт предоставляет информацию, но не рекомендации по выполнению каких-либо действий, и не замещает образование или опыт исполнителей перевода.

Канадский стандарт CGSB 131.10-2008 является канадским вариантом европейского стандарта EN-15038. Стандарт определяет требования к процессу перевода, которые должен соблюдать исполнитель.

Обсуждение стандартов качества перевода

В этом разделе предпринята попытка оценки выпущенных стандартов качества перевода с точки зрения их полезности и реализуемости. Эта оценка опирается на следующие утверждения:

- 1) Назначение: стандарт необходим для обеспечения стабильного выпуска переводов определенного качества;
- 2) Конкретность: стандарт должен быть конкретным, для чего он обязан
  - а. Указывать объекты и/или процессы, на которые он распространяется,

б. Указывать характеристики, подлежащие стандартизации, и их допустимые значения,

с. Указывать методы измерения стандартизируемых характеристик.

Обозначив эти условия, проверим, насколько вышеописанные стандарты удовлетворяют им.

Таблица 2. Характеристики стандартов качества перевода

Стандарт	Указание границ применимости стандарта	Что регламентируется	Указание методов измерения параметров
UNI 10574	Нет	Взаимоотношения сторон	Нет
DIN 2345	Нет	Процесс перевода Взаимоотношения сторон	Нет
ÖNORM D 1200	Нет	Взаимоотношения сторон	Нет
SAE J2450	Тексты для автомобильной промышленности	Качество переведенного текста	Субъективная оценка контролера
EU EN-15038	Нет	Процесс перевода Участники процесса	Нет
ASTM F2575 - 06	Нет	Технические требования к переводу	Нет
CGSB 131.10-2008	Нет	Процесс перевода Участники процесса	Нет

Из таблицы видно, что качество переведенного текста регламентирует только стандарт J2450. Таким образом, этот стандарт можно считать контролирующим качество. Остальные нормативные документы имеют превентивно-организационный характер, т.е. они указывают, как надо организовать работу, чтобы предотвратить выпуск

некачественного перевода. Превентивные стандарты нормируют такую организацию перевода и взаимоотношений «клиент-исполнитель», которые должны обеспечить желаемый результат, тогда как контролирующие нормативы призваны измерять качество уже выполненного перевода.

Мы рассмотрим **превентивно-организационные стандарты** на примере стандарта Европейской комиссии (EN-15038) как наиболее широко применяемого среди нормативных документов в этой категории.

Задачей стандарта является «повышение качества переводческих услуг во всей Европе» и «улучшение характеристик переводческой отрасли за счет подъема ее до уровня других «стандартизированных» отраслей и придания ей более профессионального вида» [13. С. 12-13.]. Другой задачей объявляется «удовлетворение запросов рынка», что входит в противоречие с первой, поскольку рынок требует низких цен и, зачастую, необоснованно быстрого выполнения заказа, чего нельзя добиться, соблюдая профессиональные принципы работы переводческой организации или переводчика.

Ни EN-15038, ни остальные стандарты ничего не говорят о том, что существуют разные виды текстов, требующие различного подхода к их переводу.

Как полагается любому стандарту, EN-15038 определяет основные понятия, которыми он оперирует. Например, «перевод – это передача информации, выраженной на языке оригинала, в язык перевода в письменном виде». Таким образом, в рамках этого стандарта речь идет только об информационно-техническом переводе, оставляя в стороне тексты художественного или рекламного характера, где может быть важным передать не только информацию, но и эмоционально-психологическую составляющую текста. Однако ограничения типов текстов, на которые распространяется стандарт, напрямую нигде не указаны.

В стандартах превентивно-организационного характера требование к контролю качества выпускаемого перевода выражено косвенно, путем включения в процесс перевода контролирующих звеньев. В стандарте EN-15038 это сначала сам переводчик, затем редактор, потом – рецензент. EN-15038 упоминает также корректора и туманно указывает, что должна быть выполнена некая окончательная проверка. При этом игнорируется вопрос о стоимости перевода, которая – если следовать требованию стандарта и нанимать всех указанных

в нем участников – станет астрономической. То же относится и к срокам выполнения перевода, которые – опять-таки при выполнении его условий – могут стать недопустимо длительными. Можно предположить, что переводческие организации, вынужденные считаться с реалиями рынка, будут либо игнорировать существование этого стандарта или, формально согласившись на его применение, нарушать его.

Переводческие системы имеют дело с крайне разнохарактерным исходным материалом (текстами оригиналов). Поэтому как переводчики, так и контролирующие элементы должны постоянно «настраиваться» на новые условия. Это означает, что для текста по энергетике нужно назначать не того рецензента или редактора, который проверяет тексты по химическому машиностроению. На практике почти невозможно подобрать новых контролеров для каждого текста. Но даже если бы это удалось, заранее предвидеть результаты тоже трудно: чрезмерно придирчивый рецензент, назначающий самые высокие баллы за мельчайшие ошибки или наоборот, снисходительный лингвист-редактор, неспособный представить последствия ошибки, только ухудшат ситуацию. Для иллюстрации явлений такого рода, приведу пример из практики работы компании Language Interface [15].

В описываемом случае проблема была создана редактором самой компании, опытным специалистом, обладающим глубокими техническими знаниями. Правки, которые он делал в переводах, редко можно было назвать несправедливыми, однако необходимыми они являлись не всегда. Его придирчивость сделала работу переводчиков почти невозможной, поскольку как бы тщательно они не работали над текстом, редактор находил в переводах возможности улучшения, и переводчик получал замечания, без которых зачастую можно было обойтись. В результате компания стала терять хороших специалистов, отказывающихся работать в таких условиях.

Совсем нередки случаи, когда переводчик лучше разбирается в предмете перевода, чем редактор или рецензент, к тому же он вынужден глубоко вникать в содержание переводимого текста, в отличие от контролера, к которому перевод попадает уже на последней стадии процесса, когда времени на глубокое осмысление (зачастую – необходимое) не остается.

Таким образом, введение в процесс дополнительных контролирующих звеньев отнюдь не гарантирует улучшения результатов работы системы, зато сильно удорожает и затягивает этот процесс.

Всегда существует опасность внесения ошибки в любом промежуточном или последнем контролирующем звене.

Контролирующие стандарты, в отличие от превентивных, устанавливают системы измерений качества готового перевода. Так, SAE J2450, согласно заявлению его разработчиков, служит следующим целям:

«Назначением этой системы параметров является установление согласованного стандарта, относительно которого можно *объективно* измерять качество перевода информации в автомобилестроительной отрасли, *независимо от языка оригинала, независимо от языка перевода и независимо от того, кто выполнил перевод – человек или машина*» [18]. Такое «объективное» измерение производится человеком, принимающим решение о тяжести ошибки, ее категории, да и самом факте ее существования. Если в категории «орфографическая ошибка» можно говорить об объективности решения, то в отношении применения терминов или пропуска оно может иметь весьма субъективный характер. В любом случае, квалификация проверяющего должна быть выше квалификации переводчика, иначе мы и здесь сталкиваемся с проблемой «чрезмерно придирчивый/чрезмерно снисходительный ревизор».

Среди рассмотренных стандартов нет ни одного, объединяющего требования к построению процесса с методами контроля выпускаемой им продукции. В результате складывается абсурдная ситуация, в которой либо устанавливается система, призванная обеспечить качество перевода, и сделанные в ее рамках переводы заранее объявляются хорошими, либо наоборот, переводы, выпускаемые любым способом, подвергаются контролю, субъективно устанавливающему факт их пригодности или непригодности.

Перечисленные стандарты не выделяют критические ошибки в отдельную категорию, и не сообщают, что следует делать в их отношении. Общий индекс качества складывается из баллов, назначаемых за каждую отдельную ошибку, поэтому текст, содержащий ошибку, которая может привести к катастрофе, и ценность которого по этой причине равна нулю, вполне может получить удовлетворительную оценку.

Ни один из стандартов не рассматривает проблему непереводимости, очевидно полагая, что все тексты переводимы. Это позволяет заказчику требовать точного перевода таких, например текстов, как «Суши лапсы» (название японского ресторана в Москве) или «не мо-

жешь пить – не пей». При этом совершенно игнорируется тот факт, что любой текст представляет собой не самостоятельный объект, но элемент общей культурно-языковой среды; он вплетен в фактуру этой среды, и изъять его оттуда не повредив, а затем вживить в чужеродную ткань в неискаженном виде, невозможно. Переводчик может надеяться только на то, что ему удастся создать в ткани другого языка новый узор, напоминающий исходный.

Заключение

Рассмотрение разработанных и внедренных стандартов перевода позволяет сделать несколько выводов.

1. Необходимость выпуска и внедрения норм качества перевода представляется очевидной, по крайней мере – в области информационно-технических переводов.

2. Выпущенные стандарты предполагают или регламентирование процесса перевода, или контроль его результатов. Это приводит к появлению переводческих систем, качество перевода в которых трудно предсказать, поскольку либо эти переводы выполняются по регламентированной методике в надежде, что качество будет обеспечиваться само собой, либо контролируется качество уже готового перевода, констатируя его пригодность или бесполезность *post factum*.

3. Ни один из стандартов не учитывает особенностей перевода текстов различного типа, тем самым утверждая, по умолчанию, что и построение процесса, и определение качества перевода одинаковы как для литературного перевода, так и для специализированного технического текста.

4. В стандартах не упоминается значение выбора целевой аудитории для выполнения и выпуска перевода (за исключением ASTM F2575-06, указавшего, что текстовые документы, сопровождающие продукты или услуги, адаптированные для иностранных пользователей, должны быть пригодны для этих пользователей «с учетом культурных аспектов географического региона и языка конкретных рынков»).

5. Нормирование процесса перевода обязано учитывать такие реалии, как необходимость ограничения затрат и соблюдения сроков, а также человеческий фактор, выражающийся в квалификации исполнителей и их личных мотивациях в отношении выпуска перевода высокого качества.

6. Стандарты не рассматривают литературно-художественный аспект текста, не указывают методы его оценки, и не предъявляют

требований к организации процесса, способного правильно передать этот аспект в переводе. В то же время, этот аспект необходимо передать в переводах художественных, рекламных и информационных текстов.

7. Стандарты, требующие от переводчика «точного соответствия оригиналу» (что бы это ни означало), игнорируют проблему непереводимости, вводя в заблуждение заказчика и требуя от переводчика точного соответствия перевода оригиналу, во многих случаях невозможного или даже вредного.

При разработке нормирующих документов следует указывать требования к процессам, способным обеспечить стабильное высокое качество перевода в сочетании с методами контроля этих процессов и выходной продукции, а также корректирующие меры, которые необходимо предпринимать при нарушении заданных параметров. Норм, основанных на таком интегрированном подходе, в настоящее время не существует.

В идеале хотелось бы видеть нормы, использование которых в какой-либо организации приведет не только к повышению качества продукции, выпускаемой этой организацией, но и повысит ее выживаемость в условиях рынка и экономических потрясений. Такие стандарты стали бы фактором эволюции переводческих организаций, в результате которой профессионалы могли бы вытеснить дилетантов, а люди, говорящие на разных языках, стали бы лучше понимать друг друга.

Список литературы

1. Anforderungen an die Dienstleistung und an die Bereitstellung. Önorm D 1200 (2000): Dienstleistungen – Übersetzen und Dolmetschen. Über. 2000. Hrsg. vom Fachnormenausschuss 239, Wien.
2. ANSI. ASTM F2575-06 Standard Guide for Quality Assurance in Translation. American Society for Testing and Materials. 2006. <http://webstore.ansi.org/RecordDetail.aspx?sku=ASTM+F2575-06> (дата обращения 02.12.2011).

List of literature

1. Anforderungen an die Dienstleistung und an die Bereitstellung. Önorm D 1200 (2000): Dienstleistungen – Übersetzen und Dolmetschen. Über. 2000. Hrsg. vom Fachnormenausschuss 239, Wien.
2. ANSI. ASTM F2575-06 Standard Guide for Quality Assurance in Translation. American Society for Testing and Materials. 2006. <http://webstore.ansi.org/RecordDetail.aspx?sku=ASTM+F2575-06> (дата обращения 02.12.2011).

3. Beninatto, Renato. A Review of the Global Translation Market Place. ATC - Association of Translation Companies. 2006. URL: www.atc.org.uk/RenatoBeninatto2006.ppt (дата обращения 02.12.2011). P.15.
4. Britten, R.J. 2002. 'Divergence between samples of chimpanzee and human DNA sequences is 5% counting indels.' Proceedings National Academy Science 99:13633-13635.
5. Canadian General Standards Board. «CAN/CGSB 131.10-2008 - Translation Services.» Thomson Reuters. Canadian General Standards Board. 2008. http://www.techstreet.com/cgi-bin/detail?doc_no=CAN_CGSB|131_10_2008&product_id=1579685 (дата обращения 02.12.2011).
6. Deutsches Institut für Normung e.V. The DIN 2345 Standard. URL: <http://www.fb06.uni-mainz.de/user/kiraly/English/gruppe5/dinnorm.html> (дата обращения 02.12.2011).
7. Directorate-General for Translation. Programme for Quality Management in Translation. 2009. URL: http://ec.europa.eu/dgs/translation/publications/studies/quality_management_translation_en.pdf (дата обращения 02.12.2011).
8. European Commission. BS EN 15038. BSi Shop. European Commission. 2006. <http://shop.bsigroup.com/en/ProductDetail/>
3. Beninatto, Renato. A Review of the Global Translation Market Place. ATC - Association of Translation Companies. 2006. URL: www.atc.org.uk/RenatoBeninatto2006.ppt (дата обращения 02.12.2011). P.15.
4. Britten, R.J. 2002. 'Divergence between samples of chimpanzee and human DNA sequences is 5% counting indels.' Proceedings National Academy Science 99:13633-13635.
5. Canadian General Standards Board. «CAN/CGSB 131.10-2008 - Translation Services.» Thomson Reuters. Canadian General Standards Board. 2008. http://www.techstreet.com/cgi-bin/detail?doc_no=CAN_CGSB|131_10_2008&product_id=1579685 (дата обращения 02.12.2011).
6. Deutsches Institut für Normung e.V. The DIN 2345 Standard. URL: <http://www.fb06.uni-mainz.de/user/kiraly/English/gruppe5/dinnorm.html> (дата обращения 02.12.2011).
7. Directorate-General for Translation. Programme for Quality Management in Translation. 2009. URL: http://ec.europa.eu/dgs/translation/publications/studies/quality_management_translation_en.pdf (дата обращения 02.12.2011).
8. European Commission. BS EN 15038. BSi Shop. European Commission. 2006. <http://shop.bsigroup.com/en/ProductDetail/>

- pid=00000000030122045 (дата обращения 02.12.2011).
9. Globalization & Localization Association. URL: <http://www.gala-global.org/> (дата обращения 20.11.2011).
10. Göpferich, Susanne. *Interkulturelles Technical Writing*. Tübingen: Gunter Narr, 1998.
11. Hübner, Manuela. The new standard for translation services. ITI bulletin, January-February 2007. – Milton-Keynes, United Kingdom. P.12-13.
12. James Hollan. Language and Localization Industry Shows Robust Growth. //tcworld. –December 2008. URL <http://82.165.192.89/initial/index.php?id=80> (дата обращения 02.12.2011).
13. Language Interface Inc. website. URL: www.langint.com (дата обращения 02.12.2011).
14. Papineni et al. «BLEU: a Method for Automatic Evaluation of Machine Translation.» Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL). – Philadelphia, 2002. 311-318.
15. Reiss, Katharina & Vermeer, Hans J. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen: Niemeyer, 1984.
16. SAE International. SAE J2450 Translation Quality Metric. 2005. URL: http://standards.sae.org/j2450_200508/ (дата обращения 02.12.2011).
- pid=00000000030122045 (дата обращения 02.12.2011).
9. Globalization & Localization Association. URL: <http://www.gala-global.org/> (дата обращения 20.11.2011).
10. Göpferich, Susanne. *Interkulturelles Technical Writing*. Tübingen: Gunter Narr, 1998.
11. Hübner, Manuela. The new standard for translation services. ITI bulletin, January-February 2007. – Milton-Keynes, United Kingdom. P.12-13.
12. James Hollan. Language and Localization Industry Shows Robust Growth. //tcworld. –December 2008. URL <http://82.165.192.89/initial/index.php?id=80> (дата обращения 02.12.2011).
13. Language Interface Inc. website. URL: www.langint.com (дата обращения 02.12.2011).
14. Papineni et al. «BLEU: a Method for Automatic Evaluation of Machine Translation.» Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL). – Philadelphia, 2002. 311-318.
15. Reiss, Katharina & Vermeer, Hans J. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen: Niemeyer, 1984.
16. SAE International. SAE J2450 Translation Quality Metric. 2005. URL: http://standards.sae.org/j2450_200508/ (дата обращения 02.12.2011).

17. Sager, Juan C. Text Types and Translation. In book Text typology and translation by Trosborg, Anna. 1997. Amsterdam, Benjamins. P.25-26.
18. SAI Global Ifostore. UNI 10574:2007 Definition Of Service And Activities Of Interpreting Enterprises. URL: <http://infostore.saiglobal.com/store/Details.aspx?ProductID=587203&refs=1#refs> (дата обращения 02.12.2011).
19. The DIN 2345 Standard. URL: <http://www.fb06.uni-mainz.de/user/kiraly/English/gruppe5/dinnorm.html> (дата обращения 02.12.2011).
20. WER - World Error Rate. URL: <http://www2.denizyuret.com/students/bmizrahi/node11.html> (дата обращения 02.12.2011).
21. World Bank. Translation Business Practices Report. 2004. URL: http://www.gentil.ro/wb_survey.pdf (дата обращения 02.12.2011). P. 21.
22. Комиссаров, В.Н. Лингвистика текста. 2009. – М.: ЛИБРОКОМ. С. 152
23. Кузнецова Н.И. Презентизм и антикваризм – две картины прошлого // Arbor Mundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 2009. Вып. 15. С.164-196.
24. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: «Р.Валент». 2007. С. 10–44.
17. Sager, Juan C. Text Types and Translation. In book Text typology and translation by Trosborg, Anna. 1997. Amsterdam, Benjamins. P.25-26.
18. SAI Global Ifostore. UNI 10574:2007 Definition Of Service And Activities Of Interpreting Enterprises. URL: <http://infostore.saiglobal.com/store/Details.aspx?ProductID=587203&refs=1#refs> (дата обращения 02.12.2011).
19. The DIN 2345 Standard. URL: <http://www.fb06.uni-mainz.de/user/kiraly/English/gruppe5/dinnorm.html> (дата обращения 02.12.2011).
20. WER - World Error Rate. URL: <http://www2.denizyuret.com/students/bmizrahi/node11.html> (дата обращения 02.12.2011).
21. World Bank. Translation Business Practices Report. 2004. URL: http://www.gentil.ro/wb_survey.pdf (дата обращения 02.12.2011). P. 21.
22. Komissarov, V.N. Lingvistika teksta. 2009. – М.: LIBROKOM. S. 152
23. Kuznecova N.I. Prezentizm i antikvarizm – dve kartiny proshlogo // Arbor Mundi. Mezhdunarodnyj zhurnal po teorii i istorii mirovoj kul'tury. 2009. Vyp. 15. S.164-196.
24. Recker Ja.I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. Oчерki lingvisticheskoy teorii perevoda. – М.: «R.Valent». 2007. S. 10–44

АНАЛИЗ ОШИБОК СТУДЕНТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ

О. С. Назаренко

Статья посвящена анализу классических ошибок, которые студенты допускают при письменном переводе.

Ключевые слова: перевод, переводческие ошибки, письменный перевод.

Учебные работы студентов могут послужить хорошим источником примеров переводческих ошибок. Каждому преподавателю перевода рекомендуется при проверке работ своих студентов составлять собственную базу ошибок. Подобная база чрезвычайно полезна для анализа качества и количества ошибок, допускаемых студентами, а также для последующего использования в учебных целях. Демонстрация подобных примеров с соответствующим анализом рекомендуется и при подготовке преподавателей перевода, и при обучении студентов основам переводческого мастерства [1. С. 55].

Буквализм – ошибка переводчика, заключающаяся в передаче формальных или семантических компонентов слова, слова, словосочетания или фразы в ущерб смыслу или информации о структуре. Вольность – передача ключевой информации без учета формальных и семантических компонентов исходного текста. [2. С. 246]

В наиболее общем виде типология причин переводческих ошибок при расшифровке системы смыслов исходного текста может быть представлена следующим образом:

- Недостаточное владение языком оригинала.
- Недостаточный когнитивный опыт. Недостаток знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности.
- Невнимательное отношение к системе смыслов, заключенной в исходном тексте. Непонимание того, что автор говорит о предмете.
- Неумение различить особенности индивидуального стиля автора речевого произведения [3. С. 514–536].

Рассмотрим самые распространенные ошибки на примере переводов письменных текстов, сделанных студентами.

«Ложные друзья переводчика». Так как эти слова по фонетическому и орфографическому составу совпадают с русскими словами, легко допустить ошибку, не зная, что они имеют совершенно другое значение. Такие слова необходимо запоминать. Также русскоязычные студенты могут перепутать английское слово с другим английским словом, которое похожим образом произносится и пишется.

– *laundry tablet* – моющийся стол (доска);

– *policy sudden change* – неожиданная смена *политики* (политический курс);

– *His faith in himself and his project was a delicate thing at best.* – Его вера в себя и *проекция* были *изящными* (проект; щепетильный);

– *Reason told him he was in the presence of an enemy.* – Ему назвали причину в присутствии врага. (разум)

Многозначность слов. В английском языке много полисемичных слов. Незнание всех значений слова или неправильный выбор значения в контексте влечет за собой переводческие ошибки.

– *the origin of the race of men* – происхождение *мужской* расы, происхождение рода *мужчин* (*man* – 1. мужчина, 2. человек);

– *drugs summit* – пик в употреблении наркотиков (*summit* – 1. пик, 2. саммит), лекарственный саммит (*drug* – 1. лекарство, 2. наркотик);

– *My house was at the tip of the egg.* – Мой дом находился на самой вершине яйца. (*egg* – 1. яйцо, 2. оконечность мыса).

Неправильный подбор русских соответствий имен собственных и географических названий. Существуют разные способы перевода имен собственных и географических названий. При переводе современных имен необходимо использовать прием транскрипции. В основном, ошибки допускаются из-за незнания произношения этих имен или правил передачи английских звуков на русский язык. Имена же королей и исторических деятелей переводятся транслитерацией, что часто забывают студенты. Что касается перевода географических названий, определенных правил здесь нет, поэтому всегда нужно проверять соответствия в словаре.

– *Eugene* – Евгений, Евген, Ёген (Юджин);

– *Mary Russel* – Мари Русель (Мэри Рассел);

– *Rocky Mountains* – горы Рокки (Скалистые горы);

– *Graham* – Грэхэм (Грэм);

– *George I* – Джордж Ай (Георг I);

– *Ruth Stone* – Руз Стоун (Рут);

– *James Dulan* – Джеймс Дайлон (Дилэн);

– British Columbia – Бритиш Колумбия (Британская Колумбия).

Недостаток фоновых знаний. Часто студенты плохо знакомы с реалиями и историей других стран, применяя калькирование или описательный перевод, что обычно приводит к ошибкам.

– working house – работающий дом, рабочий дом (рабочий дом);

– her Broadway debut – ее широкий путь дебюта (Бродвей);

– House of Commons – Дом общества (Палата общин);

– sandwich shop – магазин по изготовлению сэндвичей (закусочная);

– the Labor-controlled city council – совет, управляемый рабочей силой (Лейбористская партия).

Неправильный перевод словосочетаний. При переводе свободных словосочетаний в первую очередь необходимо определить главное слово, которое в английском языке всегда стоит на последнем месте. Соответственно, перевод нужно осуществлять справа налево. В русском языке часто главное слово на первом месте, что приводит к ошибкам при переводе. При переводе многочленных конструкций студенты часто неправильно анализируют смысловые связи между словами, что также приводит к переводческим ошибкам.

– inflation fears – страхи инфляции;

– record income – отчет о прибыли, регистрация дохода;

– World Cup violence – мировой кубок насилия, кубок по борьбе с насилием;

– my-ears-are-deceiving-me eyes – уши переходят в глаза, глаза до ушей;

– the three-man U. N. mission – три миссионера из ООН;

– cholera death – **смерть холеры, конец холере, смертельная болезнь.**

Плохое владение переводным языком. Большая проблема студентов и начинающих переводчиков – неграмотность, незнание лексических и грамматических правил русского языка, фоновых знаний, клише, допуск стилистических ошибок.

– by a single individual – единственным индивидуалом;

– spoken sentence – говорящее предложение;

– walking city – **прогулочный город, пешеходный город, гуляющий город;**

– convenient pile – приудобленная куча

– rich in salmon – богатый лососью;

– The sister married a classmate of mine – Сестра женилась на моем однокласснике.

Неправильная «нереводческая догадка». Иногда студенты не могут перевести слово или словосочетание, они просто делают предположение и переводят наугад.

- night shift – ночная рубашка, полнолуние;
- corruption charges – отвечать за насилие;
- drug summit – наркотическое опьянение;
- do-gooders – люди, изготавливающие товары.

Критический разбор чужих ошибок – очень эффективное средство обучения переводу и повышения его качества, и работа по выявлению и анализу переводческих ошибок должна систематически вестись при подготовке преподавателей перевода. [1. С. 56]

Список литературы

1. Степанова, М. М. Анализ переводческих ошибок в подготовке преподавателей перевода [Текст] / М. М. Степанова // Дидактика перевода: материалы научной конференции / Под ред. проф. В.Н. Базылева. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2010.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М., 1990.
3. Гарбовский, Н. К. Теория перевода [Текст] / Н. К. Гарбовский. – М.: Издательство Московского университета, 2004.

List of literature

1. Stepanova, M. M. Analiz perevodcheskih oshibok v podgotovke prepodavatelej perevoda [Tekst] / M. M. Stepanova // Didaktika perevoda: materialy nauchnoj konferencii / Pod red. prof. V.N. Bazyleva. – M.: Gos.IRJa im. A.S. Pushkina, 2010.
2. Komissarov, V. N. Teorija perevoda [Tekst] / V. N. Komissarov. – M., 1990.
3. Garbovskij, N. K. Teorija perevoda [Tekst] / N. K. Garbovskij. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2004.

**ОЦЕНОЧНЫЙ СТАТУС ОБРАЗНЫХ
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ
В АНГЛИЙСКОМ ТЕКСТЕ**

В. Ю. Синцов

Статья посвящена анализу оценочного статуса образных антропоцентрических номинаций в английском тексте. Ключевым фактором, определяющим рассматриваемое явление, являются соответствующие маркеры прагматической ситуации.

Ключевые слова: оценочный статус, образные антропоцентрические номинации, прагматическая ситуация, вербальные маркеры прагматической ситуации.

Оценочная специфика образных антропоцентрических номинаций, функционирующих в английском тексте, зависит от прагматической ситуации, под которой следует понимать совокупность внешних факторов общения, присутствующих в сознании участников коммуникативного акта.

Вербальными маркерами прагматической ситуации, эксплицитно или имплицитно присутствующими в тексте (высказывании), являются: 1) обстановка и место коммуникативного акта; 2) предмет и цель коммуникации; 3) социальный статус участников коммуникации; 4) индивидуально-психологические и этические характеристики коммуникантов [1. С. 25].

Важнейшим составляющим прагматической ситуации является результативность прагматического эффекта, которая выражается в реакции адресата, его вербальном или невербальном поведении [1. С. 26]. Участники коммуникативного акта, обмениваясь информацией относительно самого широкого спектра проблем (социально-политических, идеологических, религиозных, культурно-образовательных, профессиональных и целого ряда других), как правило, не могут оперировать только абсолютно нейтральными с точки зрения оценки лингвистическими единицами. Кроме того, прагматическая цель высказывания в большинстве случаев не ограничивается только передачей информации, а предполагает также вынесение оценки предмету коммуникации.

Прагматическая ситуация может в определенной степени программировать специфику оценочного репертуара образных антропоцентрических номинаций.

Действительно, уже сама обстановка и место коммуникативного акта являются своеобразным коррелятом функционально-стилистической принадлежности и общей тональности текста. Например, официально-деловая, социально-стандартизированная ситуация общения накладывает определенные ограничения на использование аксиологического потенциала слова. Речь идет о том, что удельный вес субъективного фактора оценки значительно уменьшается. Большую значимость приобретает социологизированная оценка, то есть оценка, заложенная в концептуальном ядре значения слова (интеллектуально-логическая оценка).

В качестве примера приведем цитату из статьи “Presidential Race Moves to Center Of U.S. Investors’ Market Concerns” [2. С. 3]. Речь идет об экономической программе Билла Клинтона накануне президентских выборов, датируемых ноябрем 1992 года. В статье превагирует рациональная оценка, что обусловлено самой спецификой субъязыка официально-делового репортажа, коммуникативная цель которого – четкое изложение фактов и вынесение интеллектуальной оценки.

Тем не менее, как показывает нижеприведенный пример, даже в указанном субъязыке могут быть вкрапления эмоционально-оценочной номинации: Mr. Clinton plans huge public outlays for infrastructure and high-technology development. “Some stock groups could do very well under Clinton if **he does pump up** infrastructure and funnel funds to high-tech sectors,” Mr. Krueger says [2. С. 3].

Предметно-логическое значение глагола “**pump**” – move (liquids, air, gas) with a pump. В этом контексте **указанный глагол используется в качестве образной номинации, семантику которой можно эксплицировать следующим образом: to spend a lot of material resources on high-tech sectors as if pumping infrastructure and funnel funds to high-tech sectors.** В фигуральном семантическом деривате анализируемой номинации происходит реверсия оценочного модуса на эмоционально-оценочный по сравнению с нейтральной оценкой предметно-логического значения. Субъектом оценки выступают лица, заинтересованные в развитии сферы высоких технологий, и, следовательно, с их точки зрения, “перекачивание” финансовых ресурсов в эту область оценивается положительно.

В неофициальных, нестандартизированных коммуникативных ситуациях тональность общения существенно изменяется, на первый план выходят социально-личностные взаимоотношения коммуникантов, их индивидуально-психологические особенности. Следовательно, оценочный диапазон высказываний собеседников значительно расширяется: естественным является выражение восхищения, одобрения, презрения, гнева, возмущения, иронии и других эмоций.

Например, в статье “A Driving New Driver at Kennedy Center” читаем информацию о том, что представлял собой Джим Уолфенсон в молодости: As a young man **fired** by dreams of distant shores, he broke out of the confines of a small community in Australia and made his way to Harvard Business School and a megabusiness career [3. С. 4]. В субъекты этого репортажа акцент делается на индивидуально-психологические особенности субъекта оценки, следовательно, расширяется диапазон аксиологически-ориентированной лексики, которая эксплицирована как приведенной выше образной номинацией с положительным эмоционально-оценочным модусом, так и целым рядом других лексических единиц, которые здесь не приводятся ввиду их нерелевантности объекту исследования.

Обратимся к другому примеру. В статье “Allan Sugar Considers Paying \$ 186.6 Million To Buy Back All Outstanding Amstrad Stock” читаем характеристику человека, достигшего значительных успехов в области бизнеса: Mr. Sugar, **an ebullient** salesman who quit school at age of 16 and began his business life selling car aeriels out of a van, set up his company in 1968 as Alan Michael Sugar Trading [4. С. 3]. В этом фрагменте эмоционально-оценочная номинация “**ebullient**”, деривативно связанная с лексемой “**ebullience**” («кипение, бурное вскипание» > «радостное возбуждение, волнение; кипучесть (энергии и т.д.)»), получает положительную квалификацию.

Далее читаем: By the mid-1980's, while other companies sought to create a caring image as cosseting their customers, Mr. Sugar built a reputation as an “**entrepreneurial rough diamond**” by making a virtue of naked commercialism [4. С. 3]. Положительный эмоционально-оценочный модус рассматриваемой образной антропоцентрической номинации вытекает из словарной дефиниции этой лексической единицы: **rough diamond** n infml a person who has a kind and generous nature and / or great ability, but whose outward manner is rather rough [5. С. 281].

Предмет коммуникации может получить самую различную аксиологическую квалификацию в зависимости от таких факторов, как мировоззрение участников коммуникативного акта, эмпатия или ее отсутствие по отношению к объекту оценки, симметричность или асимметричность статусно-ролевых отношений, специфика межличностных отношений, ироническое или серьезное отношение коммуникантов к оцениваемому объекту.

Таким образом, оценочный статус образных антропоцентрических номинаций в английском тексте непосредственно зависит от вербальных маркеров прагматической ситуации, главным образом, от коммуникативной задачи отправителя речи и того субъязыка, который используется.

Список литературы

1. Азнаурова, Э. С. Роль слова в создании прагматической направленности высказывания [Текст] / Э. С. Азнаурова // Семантика и типология разносистемных языков: Сборник научных трудов. – Ташкент, 1984. – С. 118–132.
2. The Wall Street Journal Europe [Текст]. – August 24, 1992.
3. International Herald Tribune [Текст]. – May 4, 1990.
4. The Wall Street Journal Europe [Текст]. – September 24, 1992.
5. Longman Dictionary of Contemporary English в 2-х т. [Текст]. – М.: Русский язык, 1992. – 1229 с.

List of literature

1. Aznaurova, Je. S. Rol' slova v sozdanii pragmaticheskoy napravlenosti vyskazyvaniya [Tekst] / Je. S. Aznaurova // Semantika i tipologija raznosistemnyh jazykov: Sbornik nauchnyh trudov. – Tashkent, 1984. – S. 118–132.
2. The Wall Street Journal Europe [Tekst]. – August 24, 1992.
3. International Herald Tribune [Tekst]. – May 4, 1990.
4. The Wall Street Journal Europe [Tekst]. – September 24, 1992.
5. Longman Dictionary of Contemporary English v 2-h t. [Tekst]. – M.: Russkij jazyk, 1992. – 1229 s.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ОБУЧЕНИИ ДЕЛОВОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

И. В. Кременецкая

Статья посвящена описанию использования аутентичных материалов (отвечающих требованиям подлинности и реалистичности) при обучении иностранному языку для деловой сферы.

Ключевые слова: деловой иностранный язык, обучение иностранному языку, аутентичный языковой материал.

В период бурного развития коммерческих связей с представителями торговых фирм и деловых кругов зарубежных стран усиливается необходимость изучать иностранный язык с ориентацией на практическое использование его в сфере делового общения. Сегодня, когда при приеме на работу в более или менее серьезную организацию помимо профессиональной компетенции запрашивается определенная степень владения тем или иным иностранным языком, рейтинг этого учебного предмета как в обществе в целом, так и среди учащихся существенно вырос. О его официальном признании свидетельствует, в частности, учреждение в некоторых неязыковых вузах специальных форм обучения иностранному языку, которые дают возможность студентам этих вузов получить так называемую дополнительную квалификацию «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», а также включение в вузовскую программу курса «Деловой иностранный язык». О признании значения иностранного языка самими учащимися говорит тот факт, что число вузов, где открываются такие формы обучения, продолжает расти, так как продолжает расти число студентов, желающих приобрести такую квалификацию.

При формировании иноязычной коммуникативной компетенции особое значение приобретает ее социокультурный компонент. В условиях, когда обучение иностранному языку происходит вне страны изучаемого языка, освоение социокультурного компонента возможно лишь с помощью специальных материалов, которые бы

отражали ту действительность, в которой живет и работает представитель соответствующей культуры.

Необходимо отметить, что использование аутентичных материалов необходимо на всех этапах обучения иностранному языку во всех видах речевой деятельности, так как именно аутентичные материалы создают иллюзию приобщения к естественной языковой среде, знакомят учащихся с культурой и повседневной жизнью страны изучаемого языка, помогают повысить мотивацию к изучению иностранного языка как предмета. Аутентичность подразумевает подлинность, реалистичность материалов. Такие материалы заимствуются непосредственно из повседневной коммуникативной практики носителей языка и поэтому содержат наиболее употребительные языковые и речевые средства. К аутентичным материалам могут быть отнесены тексты, видео- и аудио- материалы, а также такие реалии повседневной жизни, как билеты на поезд, самолет, метро, автобус, меню, карты, расписания, чеки, объявления и т.д. Однако использование таких материалов должно быть оправдано потребностями обучающихся.

В курсе обучения деловому иностранному языку наиболее широко применяются материалы, выпускаемые компаниями для сотрудников и клиентов: отчеты, служебные записки, протоколы собраний, контракты, инструкции, каталоги, прейскуранты, а также, рекламные продукты.

Необходимость использования аутентичных материалов вызвано рядом вполне обоснованных причин. Во-первых, аутентичные тексты обладают особенностями, которые часто не отражаются в учебных текстах и диалогах. Они могут содержать специфическую терминологию, профессиональные жаргонизмы, особые модели построения словосочетаний и предложений. Аутентичный текст основывается на базе того реального языка, с которым обучаемому придется сталкиваться в профессиональной деятельности, навыки понимания и воспроизведения которого ему необходимо развивать. Во-вторых, письменные и устные тексты, взятые из реальной жизни, предоставляют достоверную информацию о подлинных событиях и ситуациях. При условии, что используются самые последние, свежие источники, эта информация всегда будет более точной и более актуальной, чем та, которая содержится в учебных пособиях. К тому же, эти источники обычно вызывают большой профессиональный интерес у лиц, изучающих английский язык, так как они, как уже

было упомянуто выше, содержат сведения, непосредственно связанные со сферой их деятельности.

Аутентичные материалы могут использоваться с целью развития навыков чтения и написания инструкций, руководств, контрактов, финансовых отчетов. Они могут служить основой для организации ролевых игр, дискуссий, проектов, презентаций; развития навыков описания, объяснения и обмена информацией.

При отборе материалов преподаватель должен учитывать три фактора: 1) сферу профессиональных интересов обучаемого, 2) цель обучения и 3) формы введения аутентичных материалов в образовательный процесс. Так, например, в бизнесе финансовый отчет компании может использоваться как материал для развития навыков подготовки презентации, обмена информацией, дискуссии, описания графиков, таблиц, диаграмм. Что касается совершенствования языковых умений, то дидактической целью в данном случае будет автоматизация употребления в речи чисел, процентов, специфических предлогов, например, *to increase by 10%*, *to reduce to*, лексики по теме «Финансы», «Менеджмент», видовременных форм **Past Simple**, **Present Perfect** и т.д. **В процессе обучения аудированию, представляет особый интерес** такое понятие как присутствие в аутентичных аудитивных материалах звукового ряда (*environmental clues*): шум транспорта, разговоры сотрудников в офисе, звонки телефона, музыка и прочее. Это помогает лучше понять характер предлагаемых обстоятельств, формирует навык восприятия иноязычной речи на фоне разнообразных помех.

Практика показывает, что работа с аутентичными материалами готовит учащегося к адекватному восприятию реальной иноязычной действительности, помогая избежать состояния неуверенности, скованности, которое часто испытывает человек, впервые оказавшийся в реальной иноязычной среде после прохождения традиционного курса иностранного языка.

Е. В. Носонович и Г.П. Мильруд [2, с. 21] предлагают разделить все аутентичные материалы, используемые при обучении иностранному языку, на аутентичные и учебно-аутентичные.

Таким образом, аутентичные материалы - это материалы, взятые из оригинальных источников, которые характеризуются естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью используемых языковых средств, иллюстрирует случаи аутентичного словоупотребления, и которые, хотя и не

предназначены специально для учебных целей, но могут быть использованы при обучении иностранному языку.

Учебно-аутентичные материалы – это материалы, специально разработанные с учетом всех параметров учебного процесса, критериев аутентичности и предназначенные для решения конкретных учебных задач.

В заключении необходимо еще раз подчеркнуть, что обучение современному иностранному языку возможно лишь при условии использования материалов, взятых из жизни носителей языка или составленных с учетом особенностей их культуры и менталитета в соответствии с принятыми речевыми нормами. Использование подобных аутентичных и учебно-аутентичных материалов позволит с большей эффективностью осуществлять обучение всем видам речевой деятельности, имитировать погружение будущих специалистов в иноязычную среду на уроках иностранного языка. Такая организация занятий подготовит их к успешному решению задач в последующей профессиональной деятельности, а именно: ведению переговоров, заключению сделок, участию в дискуссиях с зарубежными партнерами, выступлению с презентациями, и т.д.

Список литературы

1. Воронина, Г. И. Организация работы с аутентичными текстами молодежной прессы в старших классах школ с углубленным изучением немецкого языка [Текст] / Г. И. Воронина // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 2.
2. Носонович, Е. В. Параметры аутентичного учебного текста [Текст] / Е. В. Носонович, Г. П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 1.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2000.

List of literature

1. Voronina, G. I. Organizacija raboty s autentichnymi tekstami molodezhnoj pressy v starshih klassov shkol s uglublennym izucheniem nemeckogo jazyka [Tekst] / G. I. Voronina // Inostrannye jazyki v shkole. – 1999. – № 2.
2. Nosonovich, E. V. Parametry autentichnogo uchebnogo teksta [Tekst] / E. V. Nosonovich, G. P. Mil'rud // Inostrannye jazyki v shkole. – 1999. – № 1.
3. Ter-Minasova, S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja komunikacija [Tekst] / S. G. Ter-Minasova. – M., 2000.

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО ПРАКТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ**

Е. Е. Макарова

Освоение учебной дисциплины «Практическая фонетика» описывается в контексте формирования лингвокультурологической компетентности студентов вуза. Ее внедрение достигается целостной работой над интонацией в коммуникативных ситуациях и над произведениями художественной прозы и поэзии. Технология работы рассмотрена на примере стихотворения «She Walks in Beauty» Джорджа Гордона Байрона, а оценочная процедура представлена заданиями для контрольной работы по интонированию.

Ключевые слова: Практическая фонетика, английский язык, лингвокультурологическая компетентность, студенты вуза, интонация, коммуникативные ситуации, поэзия.

Освоение учебной дисциплины «**Практическая фонетика**» в рамках практического курса первого иностранного (английского) языка предполагает формирование у студентов понятия произносительного навыка, навыков транскрибирования и интонирования, развитие фонетической компетентности студентов в говорении и аудировании, в педагогической практике, а также навыков фоностилистического анализа.

Основные задачи дисциплины на первом курсе специальности 050303.65 Иностранный язык с дополнительной специальностью и направления подготовки 050100.62 Педагогическое образование, профиль подготовки «Иностранный язык» включают работу над ритмом (правила ритма, ритмические группы), дальнейшее рассмотрение интонации (интонационный контур, его компоненты), развитие навыков интонирования текста, выразительного чтения и чтения наизусть на английском языке, а также воспитание эстетического вкуса студентов на примере изучения произведений художественной прозы и поэзии.

Данные задачи курса в контексте развития международного сотрудничества в области науки и культуры вплетены в программу

подготовки специалистов, способных участвовать в речевом общении представителей разных коллективов. В связи с этим актуальна проблема формирования **лингвокультурологической компетентности** студентов вуза, которая определяется как самостоятельно реализуемое в профессиональной деятельности интегральное свойство личности, сформированное в процессе освоения системы культурных ценностей, выраженных в языке [1. С. 8]. Структура компетентности включает в себя теоретико-практическую и организационно-коммуникативную составляющие, а также степень их самостоятельности в учебно-профессиональной деятельности. Ее внедрение достигается целостной работой над интонацией в коммуникативных ситуациях и над произведениями художественной прозы и поэзии.

Для эффективного формирования лингвокультурологической компетентности студентов первого курса на занятиях по практической фонетике необходимо обращение к вопросам **интонации в разнообразных коммуникативных ситуациях** (*social and functional English*): знакомство (*meeting people*), разговор по телефону (*telephoning*), встреча гостя (*welcoming a visitor*), в гостинице (*staying at a hotel*), в ресторане (*at a restaurant*), договоренность (*making arrangements*), собственное мнение и предложение (*opinions and suggestions*), приглашение (*invitations*), предложение и просьба (*offers and requests*), запрос информации (*asking for information*), дружеская реакция (*social responses*) и прощание (*saying goodbye*). Данные ситуации разыгрываются на основе реальных обстоятельств в рамках профессионально-личностного общения, организованного носителями языка и предложенного аутентичными пособиями издательств Oxford University Press и Pearson Longman.

Технология работы включает пять последовательно реализующихся этапов:

1. Обсуждение данных ситуаций начинается с работы над ключевыми фразами (**the key expressions**) **самостоятельно: прослушивание** (*listen*), **записывание** (**write down the key expressions**), **интонирование** (*mark the intonation, intone the sentences*).

2. Проверка их восприятия продолжается на занятии: прослушивание (*listen*), повторение с соблюдением правильной интонации (*repeat, say after the speaker*), проверка правильности интонирования (*observe the correct intonation*), группирование ключевых фраз по теме (*group the key expressions into the categories*), отработка в парах или группах (*practise reading, observing the correct information*).

3. Самостоятельное письменное интонирование диалогов (полилогов) предлагается в форме проверочной работы (**mark the intonation**; intone the sentences in the conversation).

4. Распознавание данных ключевых фраз происходит в процесс работы над диалогами (полилогами) самостоятельно и на занятиях по той же технологии, а также включает разыгрывание подобных разговорных ситуаций в парах или группах (use the key expressions in the situations of your own) и детальное обсуждение видеозаписей по предложенной теме (describe the situations).

5. Последний этап предполагает чтение наизусть предложенных диалогов (**present your conversation**) и **драматизацию своих собственных** (act out your conversation) с соблюдением установленных правил английской интонации.

Следующим аспектом формирования лингвокультурологической компетентности является **работа над произведениями художественной прозы и поэзии**. Технология работы охватывает следующие этапы:

1. Немаловажным представляется обсуждение авторов произведений художественной прозы и поэзии, поскольку понимание их основного содержания базируется на особенностях жизни и литературного творчества писателей и поэтов.

2. Работа над произносительными и интонационными навыками ведется самостоятельно и на занятиях для соблюдения аутентичности произношения и передачи эмоционального фона говорящего.

3. Этому также способствует обсуждение русского литературного и поэтического переводов, предложенных самими студентами, для постижения основной мысли произведения.

4. Чтение данных произведений наизусть происходит в форме презентации, планируемой студентами самостоятельно и представляемой индивидуально, в парах или группах с привлечением компьютерных технологий и актерской техники.

Рассмотрим эти особенности поэтапно применительно к стихотворению английского поэта-романтика Джорджа Гордона Байрона (1788–1824) «She Walks in Beauty» (1814):

1. Осмысление мировой художественной культуры и собственного творчества привели Байрона к поиску новой формулы создания поэтического произведения: в его поэзии возник особый тип героя, вечно ищущего, одинокого и разочарованного, названного по имени его создателя байроническим. Данные обстоятельства отражены

интонационно и должны быть учтены при предъявлении русского варианта стихотворения и его презентации.

2. Обсуждение наиболее часто встречаемых в произведении гласных звуков, дифтонгов, дифтонгоидов, а также особенности произнесения согласных звуков в буквосочетаниях способствует преодолению трудностей при изучении стихотворения «She Walks in Beauty», звуковая основа которого отличается от основы родного языка. Обращение внимание на интонацию и ритм играет немаловажную роль для закрепления навыков и развития устойчивых стереотипных фонетических умений.

3. Подготовка русского литературного и поэтического переводов имеет большое познавательное значение для изучения общей культуры и английского национального характера, воплощенного в стихотворении, а также передачи эмоционального настроения главного героя произведения. Выражение чувств студентов желательно провести в форме групповой работы и предложить им выбрать наиболее понравившееся и озвучить его перед всей учебной аудиторией.

4. Презентация стихотворения отражает как привязанность студентов первого курса к классическим традициям восприятия стихотворения, так и современным тенденциям актерского мастерства. К таковым можно отнести образ самого поэта и его музу, создающие основу стихотворения; образ тещи в XIX, XX и XXI **веках**; выразительное чтение наизусть на фоне музыкального слайд-шоу, представленного фотографиями девушек как воплощений главной героини; музыкальную композицию как стихотворение, положенное на музыку собственного сочинения.

Оценочная процедура формирования лингвокультурологической компетентности студентов включает написание контрольной работы по интонированию и итоговое декламирование произведений художественной прозы и поэзии. Заданиями для контрольной работы служат следующие:

1. Copy the conversation and intone it:
  - May I introduce a good friend of mine? This is Sam Fowler.
  - Pleased to meet you. My name's Tara Reynolds.
  - Pleased to meet you, too.
  - Would you like to go to a café?
  - Thank you. I'd enjoy that.
  - When would be convenient for you?
  - I'm not busy now. Why not go right now?

– Yes, let's do that. How about a cup of coffee? It is usually excellent here.

– Yes, that would be very nice.

– What about a piece of chocolate cake?

– No, thank you. Thank you for inviting me.

– I'm glad you could come.

2. Mark the phrases for social and functional English: meeting people; telephoning; welcoming a visitor; staying at a hotel; at a restaurant; making arrangements; opinions and suggestions; invitations; offers and requests; asking for information; social responses; saying goodbye.

Model:

– /Bye! (saying goodbye)

Таким образом, **целостное формирование лингвокультурологической компетентности** студентов первого курса специальности 050303.65 Иностранный язык с дополнительной специальностью и направления подготовки 050100.62 Педагогическое образование, профиль подготовки «Иностранный язык» на занятиях по практической фонетике происходит благодаря вовлеченности студентов в различные формы работы над интонацией в коммуникативных ситуациях и над произведениями художественной прозы и поэзии. Навыки и умения, сформированные в курсе практической фонетики как теоретико-практическая и организационно-коммуникативная составляющие, а также степень их самостоятельности в учебно-профессиональной деятельности, служат основой речи на иностранном языке на всех последующих этапах обучения и способствуют участию в речевом общении представителей разных коллективов, а значит, содействуют развитию международного сотрудничества в области науки и культуры.

Список литературы

1. Макарова, Е. Е. Интегративный подход к формированию лингвокультурологической компетентности студентов гуманитарных специальностей вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук [Текст] / Е. Е. Макарова. – Киров, 2010. – 23 с.

List of literature

1. Makarova, E. E. Integrativnyj podhod k formirovaniju lingvokulturologičeskoj kompetentnosti studentov gumanitarnyh special'nostej vuza : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Текст] / E. E. Makarova. – Kirov, 2010. – 23 s.

**СИНОНИМИЯ КАК СРЕДСТВО СЕМАНТИЗАЦИИ СЛОВ
И СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

Н. А. Подшибякина, Н. Ф. Скрипкина

В статье рассматривается проблема семантизации лексики. Выделяется один из распространенных приемов введения и объяснения новых слов - синонимия. Учитывается двойственный характер синонимии, т.к. Основной функцией синонимов является функция тождества и дифференциации. Отмечается, что в русском языке происходит непрерывный процесс пополнения синонимических рядов, что находит отражение в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: доминанта, лексические объединения, презентация, принцип коммуникативности, семантизация, синонимический ряд, синонимия, тематическая лексика, функция дифференциации, функция тождества.

В практике преподавания русского языка как иностранного обучение лексике подчинено задаче развития речи. В основе речи должны лежать лексический материал, который заучивается в системе различных упражнений. Он должен быть так методически организован, чтобы стимулировать производство речи.

Задачи изучения в свете принципа коммуникативности одинаковы для всех этапов обучения. Они сводятся к следующему: учащийся должен понимать русскую речь, уметь объясняться.

При целевой установке на овладение языком как средством общения важное значение имеет выбор приёма семантизации лексики и работа над ней.

В современной методике проблема семантизации лексики является достаточно разработанной. В учебном процессе используются разнообразные приёмы введения и объяснения новых слов: наглядность, перевод, объяснение с помощью контекста и т. д. В методической литературе пока нет ответа на вопрос, какой способ семантизации является оптимальным. С точки зрения Н. М. Шанского, перевод является наименее трудоёмким и наиболее экономным при-

ёмом семантизации [8]. Но, к сожалению, перевод нельзя применить к любому слову русского языка, т. к. в нем есть группы слов, не имеющих эквивалента в других языках; многозначные слова также нецелесообразно семантизировать с помощью перевода, т. к. они в разных языках часто не совпадают по объёму значений, употреблению, сочетаемости; перевод не может сообщить слову и лингвострановедческих сведений, которые часто могут значительно влиять на семантику слова.

Выбор способа семантизации всегда зависит от лексического значения слова, от этапа обучения, целей обучения, уровня владения языком, индивидуальных особенностей учащихся, от того, в активной или пассивный запас вводится слово. Слова, предназначенные для введения в активный словарный запас учащегося, требуют не только разъяснения их смысла, но и раскрытия их лексической сочетаемости, а также сферы их стилистического употребления [1].

Для многих методистов (Щукина А. Н., Девятайкиной В. С., Морковкина В. В. и др.) использование синонимов является одним из наиболее распространенных приёмов учебной семантизации [3. С. 63].

А. Ф. Колесникова считает семантизацию слов путём подбора синонимов действенным способом. Новые лексические единицы, имеющие системные связи с ранее изученными, лучше и легче объяснить, опираясь на эти связи, например на словообразование, особенности грамматического оформления, подбор антонимов, на видо-родовые отношения понятий. На начальном этапе объяснения слов с помощью синонимов должно быть ограничено. Этот способ применяется на продвинутом и высшем этапах, когда учащиеся знакомятся с синонимическим рядом, устанавливают различия в оттенках слов. На высшем этапе ведется работа с контекстуальными синонимами.

На продвинутом и высшем этапе, систематизируя знания по лексике, можно работать сразу над всеми лексико-семантическими вариантами многозначного слова. Это поможет студенту выделить главное значение слова, лучше усвоить семантику и сочетаемость.

Необходимо отметить, что если анализ семантической структуры слова наглядно показывает степень самостоятельности его значения и её пределы, т. е. характеризует системные отношения на уровне одного слова, то синонимия является ярким и убедительным доказательством системных лексических отношений в группах близких по значению слов. Именно возможность синонимизации двух и более лексических единиц позволяет говорить о силе их се-

мантической связи между собой. К лексическим синонимам относятся близкие или тождественные по значению слова, по-разному называющие одно и то же понятие о предмете, явлении, действии и т. д., но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения, либо стилистической окраской, либо одновременно обоими признаками: *быстрота – стремительность; верный – преданный*. Поскольку лексическая синонимия – явление семантическое, постольку наиболее существенным её признаком будет близость или тождество значения. Именно этот признак позволяет говорить о так называемой нейтрализации значений слов – синонимов, т. е. о стирании семантических различий между ними в определенной контекстуальной позиции и, следовательно, о возможности почти полной их взаимозаменяемости [б. С. 95]. Сравните предложения: *Кругом царило молчание. Кругом царила тишина.*, в которых различие в значении слов *тишина* (отсутствие звуков) и *молчание* (отсутствие произносимых звуков) стирается, т. е. происходит семантическая нейтрализация, и синонимы оказываются позиционно взаимозаменяемыми.

Лексическая синонимия тесно связана с явлением многозначности. Семантическое отождествление или сближение не всегда идёт равномерно по всему смысловому объёму слова. Например, слово *недостаток* имеет несколько значений, связанных единой смысловой основой – «отсутствие чего-либо, кого-либо». Однако, каждое из значений имеет свои синонимы:

1. «Неполное количество чего-либо, кого-либо». *Недостаток квалифицированных рабочих*. Синонимами будут: отсутствие, нехватка, дефицит.

2. «Отсутствие достаточных средств существования, средств для жизни». *Воспоминания о пережитой бедности, о недостатках, о заржавленной крыше на доме брата вызвали в ней отвращение (Чехов)*. Синонимы – бедность, нужда.

3. «Отрицательное качество чего-либо, кого-либо, несовершенство, изъян». *Недостаток слуха. Вскрывать недостатки в работе*. Синонимы – дефект, пробел, недочёт.

Следовательно, синонимичные слова, взаимозаменяемые в одном из значений, утрачивают это свойство при их соотношении с другим значением.

При использовании синонимов в контексте нужно заботиться о том, чтобы учащиеся учитывали их синонимичность только для данного случая, применительно к конкретному тексту. (*На краю города*

стоит ветхий дом. (ветхий = старый), В этом доме жил старый человек. (ветхий ≠ старый).

Два и более лексических синонима, соотносимых между собой при обозначении одних и тех же явлений, предметов, признаков, действий и т. д. образуют в языке определенную группу, парадигму, иначе называемую синонимическим рядом. Например, для обозначения действия, приводящего в состояние нервного напряжения, подъема, в русском языке используют синонимический ряд: *возбуждать, волновать, будоражить, взбудораживать, взвинчивать, электризовать, наэлектризовывать*.

В составе синонимического ряда выделяется какое-то одно слово, семантически максимально ёмкое и стилистически нейтральное (т. е. не имеющее дополнительных стилистических характеристик). Оно становится основным, стержневым, опорным. Его называют доминантой. В приводимом выше ряду таким будет слово *возбуждать*. Остальные слова, кроме основного значения «приводить в состояние нервного напряжения, подъема», выражают дополнительные семантико-стилистические оттенки: *волновать, будоражить (разг.)* - «вызывать тревогу, возбуждение»; *взбудораживать, взвинчивать (разг., усил.)* – «довести до высокой степени нервного напряжения; *электризовать, наэлектризовывать* – усилительный оттенок основного значения, выражаемого доминантой.

Прежде всего заметим, что при изучении лексической синонимии исходной посылкой является двойственный характер синонимии [7. С. 28–29], т. к. основной функцией синонимов являются функция тождества и дифференциации, которые имеют ряд подфункций.

Функция тождества реализуется:

а) при семантизации незнакомых слов через известные их синонимы (разъяснение). Например. Есть что-то *тривиальное*, пошлое в уходе за своей гувернанткой (Л. Толстой). Книжное слово *тривиальное* сам автор разъясняет синонимом *пошлое*.

б) при синонимических заменах для разнообразия речи, чтобы избежать ненужных повторов (замещение). Например. И жить *торопится*, и чувствовать *спешит* (П. Вяземский).

Функция дифференциации имеет две подфункции [7. С. 29]:

а) уточнение. Например. Яков просто *вырос*, он только *увеличился*, оставшись таким же пухлым, каким был (М. Горький).

Синоним *увеличился* уточняет 1-й вариант из 3-х значений слова *расти*.

1. Увеличиваться в размерах, становиться выше ростом.

2. Становиться старше, взрослее, развитее.

3. Переносное. Становиться выше в культурном, моральном и т. п. отношении);

б) противопоставление. Например.

Есть сто *косулей* – одна *газель*.

Есть сто *свистулек* – одна *свирель*. (А. Вознесенский).

В русском языке происходит непрерывный процесс пополнения синонимических рядов. В его основе лежит стремление по-новому взглянуть на предмет, явление, открыть в них новые признаки и дать им другое название.

В основе презентации лексики лежит тематическая организация материала [5. С. 57]. Тематическая группировка лексики давно признана в лингвометодике и занимает должное место в учебном процессе. Разговорные темы практического курса русского языка содержат вопросы, связанные с современными общественно-политическими, социально-культурными, нравственными проблемами, поэтому учебный процесс максимально приближается к жизненным интересам учащихся.

Опыт работы с иностранными гражданами по магистерской программе позволяет выделить для изучения следующие темы: «Русские имена и фамилии», «Золотое кольцо России», «Институт брака и семьи в России и в мире», «Средства массовой информации», «О современных средствах связи», «Транспортные проблемы сегодня и пути их решения», «Проблемы современного мира». Приведём примеры краткого содержания некоторых из них.

№ п/п	Тема, содержание	Мероприятия, ТСО, формы итогового контроля
	<p><u>Русские имена и фамилии.</u> Происхождение русских имён (и фамилий). Как вас зовут? Посеешь имя – пожнешь судьбу. Об особенностях русского обращения. В поисках универсального обращения. Как вас надо называть, как вас можно называть?</p>	<p>1) сочинение «Что в имени тебе моём?»; 2) участие в вечере русского языка с таким же названием; 3) стихотворение А. С. Пушкина «Ты и Вы». 4) В. Бокова «Дарья».</p>

<p><u>Золотое кольцо России.</u> Что такое «Золотое кольцо» России. Города «Золотого кольца» (Москва. Кремль. Китайгород. Арбат. Красная площадь. Владимир, Суздаль, Ростов Великий, Ярославль и др.). Древнерусские храмы. Художественные промыслы.</p>	<p>1) схема туристического маршрута Золотого кольца; 2) учебный кинофильм «По Золотому кольцу»; 3) используя карту, фотографии, открытки или презентацию «Золотое кольцо России», выберите самое интересное, на ваш взгляд, и проведите экскурсию по городам «Золотого кольца».</p>
<p><u>Институт брака и семьи в России и в мире.</u> Что такое семья? Дом, семья, дети. Бывают ли бесконфликтные семьи? Роль женщины в семье. Количество детей в семье: «Воспитание других включает воспитание себя». «Ребенок или карьера?». Родители и дети. Кризис семьи. Законный брак. Гражданский брак. Свободные отношения.</p>	<p>1) кинофильмы: «Одиноким предоставляется общежитие», «Служебный роман»; 2) контрольная работа, которая состоит из 4-х частей. 3 части выполняются в аудитории (чтение, аудирование, говорение). 1 часть – дома: сочинение «Жизнь прожить – не поле перейти».</p>

В пределах каждой разговорной темы определён лексический материал, который подлежит отработке и усвоению. Строгой очерченности словарного фонда в практической работе с данным контингентом не предполагается. Он может и должен изменяться, т. к. принцип коммуникативности допускает различия в исходном тематическом материале и требует варьирования наполнения системных групп [5. С. 56].

Предлагаем примерную тематическую группу слов в учебной теме «Золотое кольцо России». *Зодчество, сокровище(а), изба, мельница, живописцы, фрески, белокаменные храмы, собор(ы), церковь, барокко, кремль, шатровые постройки, народное искусство, художественные промыслы, резьба по дереву и кости, искусные кружевницы, лаковая миниатюра, одноглавая церковь, купол(а), звонница, колокольня.*

В каждой тематической группе слов можно выделить лексические объединения, которые сформированы на основе различных

связей (лексико-семантических, лексико-синтаксических, словообразовательных и др.).

Так, в теме «Золотое кольцо России» можно выделить группы слов, близких по значению, но различающихся по каким-либо признакам: *храм, церковь, собор; монастырь, лавра; колокольня, звонница.*

Работа над такими словами требует чёткого определения дифференцирующих признаков значений, а иногда и лингвострановедческого комментария. Приведем пример толкования и комментирования указанного лексического объединения.

Храм – общее название зданий для богослужения. Возникновение храма Василия Блаженного связано с разгромом Казанского ханства.

Церковь – православный храм. Недалеко от г. Владимира, в себе Боголюбово, в 12 веке на берегу Нерли (реки) построена церковь Покрова, которая сейчас охраняется ЮНЕСКО. Никитская церковь построена в стиле барокко.

Собор – главная церковь в городе, в монастыре. Отличается от других церквей по рангу, не по величине. Успенский собор в Кремле – главный собор Москвы и Российского государства.

Монастырь – церковь и жилые помещения религиозной общины. Мужской монастырь. Женский монастырь. В Суздале пять монастырей. Покровский монастырь был местом заточения первой жены Петра I.

Лавра – название нескольких богатых монастырей. Троице-Сергиева Лавра находится в Подмосковье, в Троице-Сергиевом Посаде, Киево-Печерская Лавра – в Киеве.

Колокольня – башня с колоколами на здании церкви или у церкви. Колокольня Ивана Великого – самое высокое сооружение в Москве до 50-х годов 20 века. Долгое время она служила сторожевой башней.

Звонница – невысокая колокольня при древнерусских церквях. Новгородская звонница.

Презентация лексики проводится на материале информативно-страноведческого характера через текст. Студенты всесторонне усваивают такие лексические группы посредством разнообразной речевой практики. Приведём некоторые примеры фрагментов упражнений из учебного пособия «По городам России» [4. С. 66–71], которое обобщает наш опыт работы с иностранными студентами на продвинутом этапе обучения в ВГСПУ.

Задание 1. Прочитайте диалоги. Выделите главную и новую информацию.

- Успенский собор был сооружен в XII веке?
- Да, в 1158-1160 гг.
- А откуда происходит название собора?
- Успенский – от слова “успение” (в церковнославянском языке “смерть”). Успенский – название многих храмов.
- Кем был построен собор?
- Он был построен сыном Юрия Долгорукого, Андреем Боголюбским.
- Что характерно для внутреннего убранства собора?
- В соборе фресковые росписи Андрея Рублева.
- А почему Успенский собор был одноглавым, а потом стал пятиглавым, и что означает количество куполов?
- Количество куполов определялось церковью. Если купол один – церковь посвящена Христу, три – святой Троице (двух куполов не было), пять куполов – Христу и четырем евангелистам, тринадцать куполов – Христу и двенадцати апостолам.

Задание 2. Прочитайте диалог. Скажите, какая информация вам уже была известна и что вы узнали нового.

Сначала мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

– *Первый.* Почему древнерусское искусство – это главным образом памятник архитектуры? Почему среди архитектурных ансамблей так мало осталось гражданских зданий, жилых домов?

– Дело в том, что монастыри, храмы, крепости уже с XI в. стали строить из камня. Жилые дома строились главным образом из дерева. Деревянные постройки быстрее разрушаются, чем каменные. Поэтому, путешествуя по Золотому кольцу, можно увидеть, прежде всего, старинные кремли, прекрасные монастыри, соборы, церкви, церковки.

– *Второй.* Мы обратили внимание на то, что в русской церкви очень важную роль играют иконы и иконостас. А почему нет скульптур?

– Сначала я объясню вам, что такое икона и иконостас... А почему нет скульптур? Потому что православная церковь запрещала скульптуру. Если на Западе в честь выдающихся событий ставили памятники, то на Руси вместо этого строили церкви. Вот, например, церковь Покрова на Нерли – памятник победы над волжскими болгарами. Понятно?

– Спасибо.

Задание 3. Используя материал урока, поддержите разговор.

– Да, о Троице-Сергиевом Посаде мы слышали.

– ...

– В первую очередь он славится Государственным историко-художественным музеем-заповедником в Троице-Сергиевой лавре (XV–XIX вв.), основанной Сергием Радонежским.

– ...

– Лавра? Так назывались некоторые богатые, привилегированные монастыри: Киево-Печерская лавра в Киеве, Троице-Сергиева лавра в Троице-Сергиевом Посаде и др.

– ...

– Лавра – один из самых значительных памятников древнерусского зодчества.

На продвинутом этапе обучения иностранные студенты начинают осознавать красоту изучаемого языка. По мере накопления языковых знаний у них появляется необходимость овладеть большим количеством слов, объединенных общим значением. Их интересует выяснение разницы не только между парами слов, но и между лексико-семантическими группами. В плане развития речи студенты хотят освоить средства для выражения своих собственных мыслей и чувств, научиться реагировать на изменения ситуации.

Поддержать такой интерес к словарной работе поможет обращение к фразеологизмам. Они помогают немногими словами сказать многое. Усложненность семантики устойчивых словосочетаний выгодно отличает их от однословных синонимов.

Так, в теме «Институт брака и семьи в России и в мире» фразеологизм *на широкую ногу* означает «жить не просто богато», а «богато, роскошно, не стесняясь в средствах». *Жить как кошка с собакой* – не просто «жить плохо», а «постоянно ругаясь друг с другом». *Жить душа в душу* – не только «дружно», но и «понимая друг друга».

Особым случаем лексической синонимии можно считать синонимию фразеологических единиц: *выходить из себя* – *лезть на стенку*.

Изучая указанную выше тему в практическом курсе русского языка, включаем в предтекстовые задания объяснение фразеологизмов разноструктурными синонимами: лексическими синонимами (*законный брак* – «зарегистрированный брак», *гражданский брак* – «свободный» брак); фразеологическими синонимами, иногда составляющими целый синонимический ряд. Например, муж и жена могут быть: *одного поля ягоды* – *два сапога пара* – *из одного теста сделаны* – *одним миром мазаны* – *оба на одну колодку* – *муж и жена* – *одна сатана*. Данный синонимический ряд, несомненно,

имеет разную стилистическую окраску, и фразеологизмы должны употребляться в зависимости от контекста.

Практика показывает, что использование синонимии в различных аспектах практического курса русского языка обогащает речь иностранного студента новыми словами и словосочетаниями, делая её более выразительной, образной и эмоциональной.

Список литературы

1. Колесникова, А. Ф. Проблемы обучения русской лексике [Текст] / А. Ф. Колесникова. – М., Русский язык. 1977. – 75 с.
2. Костомаров, В. Г. Методическое руководство для преподавателя русского языка иностранцам [Текст] / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова. – М., 1978. – 159 с.
3. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов / Под ред. А.Н. Щукина [Текст]. – М.: Русский язык. 1990. – 231 с.
4. Подшибякина, Н. А. По городам России : учеб. пособие по страноведению [Текст] / Н. А. Подшибякина, Лю Цзюань. – Волгоград, 2005. – 84 с.
5. Половникова, В. И. Лексический аспект в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе. 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / В. И. Половникова. – М. : Русский язык, 1988. – 160 с.
6. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология. 4-е изд. [Текст] / М. И. Фомина. – М. : Высшая школа, 2003. – 415 с.

List of literature

1. Kolesnikova, A. F. Problemy obuchenija russkoj leksike [Tekst] / A. F. Kolesnikova. – M., Russkij jazyk. 1977. – 75 s.
2. Kostomarov, V. G. Metodicheskoe rukovodstvo dlja prepodavatelja russkogo jazyka inostrancam [Tekst] / V. G. Kostomarov, O. D. Mitrofanova. – M., 1978. – 159 s.
3. Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo dlja zarubezhnyh filologov-rusistov / Pod red. A.N. Wukina [Tekst]. – M.: Russkij jazyk. 1990. – 231 s.
4. Podshibjakina, N. A. Po gorodam Rossii : ucheb. posobie po stranovedeniju [Tekst] / N. A. Podshibjakina, Lju Czjuan'. – Volgograd, 2005. – 84 s.
5. Polovnikova, V. I. Leksicheskiy aspekt v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo na prodvinutom jetape. 2-e izd., pererab. i dop. [Tekst] / V. I. Polovnikova. – M. : Russkij jazyk, 1988. – 160 s.
6. Fomina, M. I. Sovremennyj russkij jazyk. Leksikologija. 4-e izd. [Tekst] / M. I. Fomina. – M. : Vysshaja shkola, 2003. – 415 s.

7. Ткаченко, Л. П. Об изучении стилистических функций лексической синонимии в иностранной филологической аудитории на высшем этапе обучения [Текст] / Л. П. Ткаченко // Русский язык для студентов-иностранцев : сб. метод. статей № 22. – М. : Русский язык, 1983. – С. 27–34.

8. Шанский, Н. М. Русский язык как учебный предмет в национальной школе [Текст] / Н. М. Шанский, М. Б. Успенский // Русский язык в национальной школе. – 1973. – № 3.

7. Tkachenko, L. P. Ob izuchenii stilisticheskikh funkcij leksicheskoj sinonimii v inostrannoј filologicheskoj auditorii na vysshem јetape obuchenija [Tekst] / L. P. Tkachenko // Russkij јazyk dlja studentov-inostrancev : sb. metod. statej № 22. – M. : Russkij јazyk, 1983. – S. 27–34.

8. Shanskij, N. M. Russkij јazyk kak uchebnyј predmet v nacional'noj shkole [Tekst] / N. M. Shanskij, M. B. Uspenskij // Russkij јazyk v nacional'noj shkole. – 1973. – № 3.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ МЕТОДИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е. О. Розова

Статья посвящена описанию метода проектов при изучении иностранного языка, который заключается в переносе акцента с различного вида упражнений на активную мыслительную деятельность учащихся, требующую для своего оформления владения определенными языковыми средствами. Под методом проектов мы понимаем комплексный обучающий метод, который даёт возможность учащимся проявлять самостоятельность в планировании, организации и контроле своей деятельности. Данный метод обеспечивает личностно-ориентированное воспитание, даёт возможность изучать практику жизни средствами иностранного языка в реальном информационном пространстве.

Ключевые слова: метод проектов, проект, обучение иностранному языку.

Расширение международного сотрудничества, новые политические и социально-экономические изменения в России за последние десятилетия требуют сегодня глубокого и свободного владения иностранным языком, что влечет за собой необходимость поиска новых подходов к его преподаванию и, как следствие, новых педагогических технологий.

Эффективному решению проблемы обучения иностранному языку как средству межкультурной коммуникации может способствовать метод проектов, который позволяет реализовать наиболее сложную и существенную для методики задачу – создание языковой среды, а на ее основе создание потребности в использовании иностранного языка на практике.

Метод проектов был разработан американским педагогом Х. В. Килпатриком в 20-е годы XX века как практическая реализация концепции инструментализма Дж. Дьюи [4. С. 133]. Основная цель метода проектов – предоставление учащимся возможности самостоятельного приобретения знаний в процессе решения практических задач или проблем, которые требуют интеграции знаний из различных предметных областей.

Проект – это самостоятельно планируемая и реализуемая учащимися работа, в которой речевое общение вплетено в интеллектуально-эмоциональный контекст другой деятельности. Метод проектов включает использование широкого спектра проблемных, исследовательских, поисковых методов, ориентированных четко на реальный практический результат, значимый для учащегося.

Проектная методика обеспечивает личностно-ориентированное воспитание и обучение, так как она практически вбирает в себя и другие современные технологии, например, такие, как обучение в сотрудничестве [8. С. 5]. Развивается активное самостоятельное мышление, фантазия, креативность, умение не просто запоминать и воспроизводить, а применять знания на практике, умение самостоятельно планировать действия, прогнозировать возможные варианты решения задач, выбирать способы и средства их реализации. Кроме того, у учащихся появляется возможность показать свои организаторские способности, скрытые таланты.

Работа над собственными проектами отражает современную тенденцию в образовании – ориентацию на исследовательскую, поисковую модель обучения [7. С. 17–19]. Работая над проектом, учащиеся получают возможность работать в «команде», ответственно относиться к выполнению своего участка работы, оценивать результаты своего труда и труда своих товарищей [4. С. 6]. Опыт разрешения, пусть локальной, но целостной проблемы формирует привычку доводить дело до конца, не останавливаться на полпути [7. С. 21–23]. В них нашли свое яркое отражение и коммуникативный, и личностно-ориентированный подходы, которые являются ведущими в современной методике преподавания иностранного языка.

Нельзя утверждать, что проектная методика поможет в решении всех проблем в обучении иностранному языку, но это, по мнению ученых, эффективное средство от однообразия, скуки, она способствует расширению языковых знаний, развитию учащегося, осознанию себя как члена группы.

Рассмотрим подробно каждый этап работы над проектом.

Первый этап – поисковый: предложение темы исследования, выбор проблемы проекта. Разрабатывая тему проекта, преподаватель продумывает конкретные ситуации учебной деятельности для каждого студента, в зависимости от его личного потенциала, интересов, темпа усвоения материала. Тематика проектов может касаться какого-либо теоретического вопроса, с целью углубить знания учеников

по нему. Чаще же темы проектов относятся к какому-то практическому вопросу, актуальному для жизни студента в социуме, требующему привлечения его собственного жизненного опыта и включения в различные среды [1. С. 25–27].

Введение темы проекта, её обсуждение, комментирование также способствует развитию иноязычной коммуникативной компетенции учащихся: они поставлены перед необходимостью самостоятельно выбора аргументов для своего высказывания, использования соответствующих языковых и речевых средств.

Второй этап – аналитический: согласование общей линии разработки проекта, формирование групп, составление подробного плана работы над проектом, обсуждение путей сбора информации и осуществление поисковой работы, а также обсуждение первых результатов в группе. При формировании групп преподавателю необходимо учитывать не только внешнюю дифференциацию, личные симпатии учащихся в аудитории, но и возможность создания наиболее благоприятной атмосферы для формирования источников личностного опыта учеников с различным интеллектуальным и творческим потенциалом, оптимальных способов обращения к их личностной сфере при работе над проектом в группе или паре [3. С. 9–15].

Третий этап – практический: оформление работы над проектом. На этом этапе происходит сбор всего материала, подготовка к заключительному занятию; учитель, не вмешиваясь, отслеживает работу, беседуя с членами группы, знакомясь с анкетами и дневниками каждого или группы в целом.

Четвёртый этап – презентационный. Одним из важных этапов осуществления учебного проекта является презентация. Она завершает, подытоживает работу над проектом и важна как для учащихся, так и для учителя, которые должны планировать ход и форму проведения презентации уже с самого начала работы над проектом. Выбранный способ презентации может опираться на уже сформированные умения проводить публичные выступления и демонстрации, или же в процессе работы над проектом эти умения могут только формироваться и развиваться. Результат может быть предъявлен в виде концерта, спектакля, видеосюжета (фильма), слайд-шоу, веб-сайта и прочего. Вид и форма продукта определяются при постановке цели и задач проекта.

Результат необходимо публично продемонстрировать, презентовать, т.е. рассказать и показать, опубликовать, представить на общее

обозрение. В процессе презентации происходит самоутверждение и повышение самооценки личности, формируются и развиваются навыки публичного самопредъявления, рефлексии. Формы проведения презентации подбираются с учетом индивидуальных особенностей учащихся, их личным выбором и предпочтениями [3. С. 9–15].

Пятый этап – контрольный. На этом этапе происходит отчёт, оценка результатов проекта и общего хода над ним, а так же планирование тематики будущих проектов. Учитель на данном этапе слушает отчеты участников проекта, задаёт вопросы, а так же записывает наиболее типичные ошибки участников дискуссии для их дальнейшего обсуждения.

Также не менее важна на данном этапе оценка усилий каждого ученика и группы в целом: креативность, качество использования источников, потенциал и возможности каждого, качество отчёта или подготовленной презентации. Учащиеся также могут принимать участие в беседе, планируя индивидуально или с учителем дальнейшие шаги, как в изучении языка, так и в участии в дальнейших проектах, стремясь тем самым к самосовершенствованию и самовоспитанию [2. С. 36].

На основе вышеизложенного, мы приходим к выводу, что умение пользоваться методом проектов – это показатель высокой квалификации преподавателя, его прогрессивной методики обучения и развития. Недаром эти технологии относят к технологиям XXI века, предусматривающим, прежде всего, умение адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям жизни человека индустриального общества.

Проектная деятельность воспитывает и развивает самостоятельность учащихся в проявлении себя, ведь в процессе групповой совместной деятельности они, прежде всего, учатся высказывать своё мнение, слышать других, не входить в конфликт, если собственное мнение не совпадает с мнением товарища, учатся поиску согласия, выработка общего мнения о том, что и как надо делать [5. С. 19–21].

Метод проектов – это комплексный обучающий метод, который позволяет индивидуализировать учебный процесс, дает возможность учащемуся проявлять самостоятельность в планировании, организации и контроле своей деятельности. Проектная методика характеризуется коммуникативной направленностью, активным включением учащихся в учебную деятельность, их личной ответственностью за продвижение в обучении [6. С. 71]. **Важно, что учащиеся с удоволь-**

ствием постигают знания, поскольку это происходит в результате творческой работы. Метод проектов помогает создать творческую атмосферу, непринужденную обстановку и условия для развития личности. Кроме того, работа над проектом на уроках иностранного языка сочетается с созданием прочной языковой базы у обучающихся и помогает развить умение работать с большими объемами информации, с последующим приобретением навыков исследовательской работы [6. С. 312].

Список литературы

1. Барменкова, О. И. О работе над проектом [Текст] / О. И. Барменкова // Иностранные языки в школе. – 1997. – №3. – С. 25–27.
2. Гульчевская, В. Г. Современные педагогические технологии [Текст] / В. Г. Гульчевская, Н. Е. Гульчевская. – Ростов-на-Дону, 1999.
3. Зимняя, И. А. Проектная методика обучения английскому языку [Текст] / И. А. Зимняя, Т. Е. Сахаров // Иностранные языки в школе. – 1999. – №3. – С. 9–15.
4. Копылова, В. В. Методика проектной работы на уроках английского языка [Текст] / В. В. Копылова. – Москва, 2003.
5. Мартынова, Т. М. Использование проектных заданий на уроках английского языка [Текст] / Т. М. Мартынова // Иностранные языки в школе. – 1999. – №4. – С. 19–21.
6. Побоква, О. А. Новые технологии в обучении языку: проектная работа [Текст] / О. А. Побоква, А. А. Немченко. – Иркутск, 2003.

List of literature

1. Barmenkova, O. I. O rabote nad proektom [Tekst] / O. I. Barmenkova // Inostrannye jazyki v shkole. – 1997. – №3. – S. 25–27.
2. Gul'chevskaja, V. G. Sovremennye pedagogicheskie tehnologii [Tekst] / V. G. Gul'chevskaja, N. E. Gul'chevskaja. – Rostov-na-Donu, 1999.
3. Zimnjaja, I. A. Proektnaja metodika obuchenija anglijskomu jazyku [Tekst] / I. A. Zimnjaja, T. E. Saharov // Inostrannye jazyki v shkole. – 1999. – №3. – S. 9–15.
4. Kopylova, V. V. Metodika proektnoj raboty na urokah anglijskogo jazyka [Tekst] / V. V. Kopylova. – Moskva, 2003.
5. Martynova, T. M. Ispol'zovanie proektnyh zadanij na urokah anglijskogo jazyka [Tekst] / T. M. Martynova // Inostrannye jazyki v shkole. – 1999. – №4. – S. 19–21.
6. Pobokova, O. A. Novye tehnologii v obuchenii jazyku: proektnaja rabota [Tekst] / O. A. Pobokova, A. A. Nemchenko. – Irkutsk, 2003.

7. Полат, Е. С. Метод проектов на уроках английского языка [Текст] / Е. С. Полат // Иностранные языки в школе. – 2000. – №2,3. – С.17–19, 23–24.
8. Полат, Е. С. Обучение в сотрудничестве [Текст] / Е. С. Полат // Иностранные языки в школе. – 2000. – №1. – С. 4–11.
9. Friend-Booth, D. Project Work [Текст] / D. Friend-Both. – Oxford: Oxford University Press, 2006.
10. Haines, S. Project: Material for Teachers [Текст] / S. Haines. – Harlow: Longman, 2009.
7. Polat, E. S. Metod proektov na uroках anglijskogo jazyka [Tekst] / E. S. Polat // Inostrannye jazyki v shkole. – 2000. – №2,3. – S.17–19, 23–24.
8. Polat, E. S. Obuchenie v sotrudnichestve [Tekst] / E. S. Polat // Inostrannye jazyki v shkole. – 2000. – №1. – S. 4–11.
9. Friend-Booth, D. Project Work [Tekst] / D. Friend-Both. – Oxford: Oxford University Press, 2006.
10. Haines, S. Project: Material for Teachers [Tekst] / S. Haines. – Harlow: Longman, 2009.

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ
В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА
К ПРЕПОДАВАНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

И. А. Сидоренко

Целью нашей статьи является теоретическое обоснование смысла и структуры социокультурной компетенции студентов в контексте становления современной концепции языкового образования. На основе анализа литературных источников были сформулированы общие понятия, определения и категории данной проблемы. Также мы рассмотрели особенности процесса формирования данной компетенции, ее значение для развития личности, готовой к успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурный диалог, коммуникативная деятельность, коммуникативный подход, коммуникативная компетенция, коммуникативно-ориентированное обучение, коммуникативный метод, коммуникативная культура, социокультурная компетенция, межкультурная коммуникация, социокультурный аспект, страноведческая компетенция, социолингвистическая компетенция, культурный и социальный контекст, социолингвистический и профессиональный компоненты, социокультурное развитие, аутентичная информация, коммуникативно-познавательный процесс.

Объективным требованием современного образования является поиск оптимальных путей организации учебно-воспитательного процесса и рациональных составляющих его структуры. Именно такие требования, на наш взгляд, обуславливают новое видение основной цели изучения иностранных языков в высших учебных заведениях страны, которая заключается в овладении не просто языком другого народа, а иноязычной культурой в широком смысле этого слова, и подготовке молодых специалистов к успешному межкультурному диалогу в различных сферах их жизнедеятельности. Знания, полученные в ходе изучения языка другой страны, должны дать полное понимание общего и различного между разными мировоззрениями, помочь распознать предубеждения и избавиться от них, отнестись с надлежащим уважением к духовным и моральным ценностям других культур, способствовать толерантности и помогать проявлять

свою активность осознанно и ответственно, как в собственном обществе, так и в аспекте международного сотрудничества.

С другой стороны, нужно уделять как можно больше внимания культурологическому наполнению процесса обучения, так как язык – это не только источник коммуникационной деятельности, но и эффективный инструмент познания и самовыражения человека. Сегодня иностранный язык рассматривается не только как возможность понять носителя другого языка, человека, что принадлежит к другой культуре, исповедует другие идеалы, ведет другой способ жизни, но и способ самореализации, морально-этического развития индивида и всего общества в целом.

В таких условиях, особенное значение приобретает коммуникативный подход к изучению иностранного языка, главным понятием которого выступает коммуникативная компетенция. Именно такое, коммуникативно-ориентированное обучение, на наш взгляд, предусматривает развитие необходимых знаний и навыков, умелое использование языка в зависимости от конкретной ситуации, обеспечивает умением вырабатывать собственную точку зрения, развивать креативное и критическое мышление. Основой коммуникативного метода выступает переориентация с формы на функцию, с лингвистической компетенции на коммуникативную, с языковой правильности на спонтанность и аутентичность, и, как результат, успешное достижение поставленных целей в реальных жизненных ситуациях.

Цель нашего исследования заключается в теоретическом обосновании смысла и структуры иноязычной коммуникативной компетентности студентов, в частности ее составляющей – социокультурной компетенции, без которой любое иноязычное общение будет неэффективным или вообще не произойдет.

Проведенный **анализ научной литературы** позволяет сделать заключение, что проблеме иноязычной коммуникативной компетенции посвящено значительное количество работ как зарубежных, так и отечественных ученых: Е. М. Верещагина (1990 г.), И. А. Зимней (2003 г.), В. Г. Костомарова (1990 г.), О. В. Овчарук (2003 г.), Е. И. Пасова (1983 г.), В. В. Сафоновой (2001 г.), И. И. Татаренко (1996 г.), С. Г. Тер-Минасовой (2000 г.). Большинство исследователей рассматривает компетентность и как характеристику личности, и как совокупность коммуникативных, конструктивных, организаторских умений, то есть понимают под компетентностью способность не только владеть знаниями, но и потенциально быть готовыми использовать их

в новых ситуациях. Вместе с этим, предлагаются разные определения коммуникативной компетенции: у одних – это уровень формирования межличностного опыта, необходимого индивиду, чтобы в рамках собственных способностей и социального статуса успешно функционировать в определенном обществе [2. С. 79]; у других – это способность человека осуществлять общение как сложную многокомпонентную динамическую речевую систему, на характер которой могут влиять разнообразные факторы [4. С. 47]; **или как способность координировать взаимодействие ее отдельных компонентов для обеспечения эффективности и результативности коммуникации** [5. С. 23].

Анализ выше приведенных и многих других определений коммуникативной компетентности дал нам возможность сформулировать собственное понимание данного понятия, что касается владения иностранным языком. Коммуникативную компетенцию мы определяем как интегративное понятие, которое имеет комплексную структуру и является отображением и взаимопроникновением лингвистической (лексической, грамматической, фонетической), речевой компетенции (аудирование, говорение, чтение и письмо) и социокультурной компетенции. Они реализуются при исполнении различных видов речевой деятельности, а именно: восприятия, осознания, воспроизведения. Требования к уровню сформирования этих компетенций определяются целью научить студентов эффективно общаться в личностной, публичной и образовательных сферах в устной или письменной форме, понимать и воспроизводить иностранный язык не только на лексико-фразеологических уровнях, а и соответственно целям и специфике ситуации общения.

За последние годы усилилось внимание ученых к феномену социокультурной компетенции как одного из важных показателей готовности личности проявить себя в процессе межкультурной коммуникации. Эта проблема не является новой, вопрос социокультурного аспекта обучения иностранных языков нашел свое отображение и теоретическое обоснование в работах многих ученых (Н. Б. Бориско (1999 г.), Е. М. Верещагин (1990 г.), А. И. Гришаева (2007Г.), И. А. Зимней (2003 г.), О. А. Измайлова (2010 г.), О. О. Коваленко (2008 г.) В. Г. Костомаров (1990 г.), И. А. Мамчур (2007 г.) Е. И. Пасов (1983 г.), В. В. Сафонова (1996 г.), В. М. Топалова (1998 г.) и др.).

Соответственно цели нашего исследования, уместно рассмотреть социокультурную компетенцию как своеобразную целостную систему взаимосвязанных компонентов, а именно:

– *страноведческая компетенция* – знания о общественно-государственном строе, национальный характер, достижения в отрасли образования, культуры, особенности быта, традиции, обычаи;

– *лингвострановедческая компетенция* – способность воспринимать язык в его культуронесущей функции, с национально-культурными особенностями. Сюда можем отнести коммуникативные умения, которые учитывают культурно-социальные аспекты общения, речевые умения и навыки. Она предусматривает знания языковых единиц, в том числе с национально-культурным компонентом семантики, и умение использовать их соответственно социально-речевым ситуациям;

– *социолингвистическая компетенция* – знания особенностей национального речевого этикета и невербального поведения, способность организовывать речевое общение соответственно коммуникативной ситуации, социальных норм поведения и социального статуса участников коммуникации.

Нельзя не отметить, что все компоненты социокультурной компетенции взаимосвязаны через понятие культурного и социального контекстов и овладение ими должно происходить комплексно [5. С. 58]. Если контекст культуры предусматривает знание реалий, общих для всего народа-носителя, то социальный контекст – это знания конкретных социальных условий общения, принятых в стране, язык которой изучается. Самым высоким уровнем социокультурной компетенции будет такой, который даст возможность студенту самостоятельно познать себя, осмысляя себя в контексте другой культуры, интерпретируя свои ценности, жизненные приоритеты через призму ценностей, которые присущие другой нации, не говоря уже о лингвистических исследованиях: анализах, сравнениях, собственных моделированиях.

Стоит подчеркнуть, что социокультурное развитие, накопление языкового и культурного опыта изучением иностранного языка имеет важное значение для профессионального развития будущего специалиста любого направления. Студенты, как правило, заинтересованы в возможностях использования иностранного языка для расширения своих знаний по специальности и эффективного взаимодействия в решении социальных, производственных и экономических заданий, что, в свою очередь, является значительным стимулом.

Следует отметить, также, что важным условием процесса формирования социокультурной компетенции является обеспечение сту-

дентов не только знаниями, но соответственными навыками (репродуктивными, рецептивными), эмфатическими способностями воспринимать другое направление мыслей, умениями соотносить свое и чужое, использовать приобретенные знания в практической деятельности. Эффективное развитие социокультурной компетенции будет возможным только в случае использования подготовленного курса, в который будут включены специально отобранные тематические тексты, упражнения, иллюстративный аудиовизуальный материал, что значительно упростит процесс постижения студентом картины мира, присущего носителю этого языка как представителю определенной культуры и определенного социума. Такое понимание коммуникативной компетенции предусматривает широкое использование в процессе обучения иностранным языкам аутентичной информации богатой на фактический материал, что непосредственно касается страны, язык которой изучается. А это, в свою очередь, должно обеспечивать стойкий познавательный интерес к предмету и эффективное формирование социокультурной компетенции, которая включает в себя знания про национально-культурные особенности страны, нормы речевого и неречевого поведения ее носителей и умения строить свое поведение соответственно этим особенностям и нормам.

Мы можем сделать **закключение**, что социокультурная компетенция – это интегративное образование, которое содержит в себе: страноведческие, лингвострановедческие, социолингвистические знания, умения и навыки соотносить языковые средства с целью и условиями общения; умение организовывать речевое общение соответственно социальным нормам поведения, принятых у носителей языка; умение использовать языковые средства соответственно национально обусловленным особенностям их использования. Владение страноведческой и лингвострановедческой информацией, навыками ее адекватного использования является предпосылкой успешного и качественного общения и целью современного коммуникативно-деятельного подхода к обучению иностранным языкам, а также составляющей общения как особенного коммуникативно-познавательного процесса.

Список литературы

1. Бориско, Н. Б., Ишханян Н. Б. Социально-психологические предпосылки формирования лингвосоциокультурной компе-

List of literature

1. Borisko, N. B., Ishhanjan N.B. Social'no-psihologicheskie predposylki formirovanija lingvosociokul'turnoj kompetent-

- тентности [Текст] / Н. Б. Бориско // Иностранные языки. – 1999. – №3. – С.53–55.
2. Верещагин, Е. М., Костомаров В.Г. Язык и культура [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1999.
3. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования [Текст] / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – №5. – С. 32–50.
4. Огарев, Е. И. Компетентность образования: социальный аспект [Текст] / Е. И. Огарев. – СПб.: РАОИОВ, 1995. – С. 60–79.
5. Пассов, Е. И. Теоретические основы обучения иноязычному говорению [Текст] / Е. И. Пассов. – Воронеж, 1983. – 149 с.
6. Садохин, А. П. Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие по дисциплине «Культурология» для студ. вузов [Текст] / А. П. Садохин. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2004. – 271 с.
7. Сафонова, В. В. Культуроведение в системе современного языкового образования / В. В. Сафонова // Иностр. яз. в shk. – 2001. – № 3. – С.17–23.
8. Тер-Минасова, С. Г. Изучение иностранных языков и культур на университетском уровне [Текст] / С. Г. Тер-Минасова // Вестник Московского университета. – 2001. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2.
- nosti [Tekst] / N. B. Borisko // Inostrannye jazyki. – 1999. – №3. – S.53–55.
2. Verewagin, E. M., Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura [Tekst] / E. M. Verewagin, V. G. Kostomarov. – M.: Russkij jazyk, 1999.
3. Zimnjaja, I. A. Kljuचेvye kompetencii – novaja paradigma rezul'tata obrazovanija [Tekst] / I. A. Zimnjaja // Vysshee obrazovanie segodnja. – 2003. – №5. – S. 32–50.
4. Ogarev, E. I. Kompetentnost' obrazovanija: social'nyj aspekt [Tekst] / E. I. Ogarev. – SPb.: RAOIOV, 1995. – S. 60–79.
5. Passov, E. I. Teoreticheskie osnovy obuchenija inojazychnomu govoreniju [Tekst] / E. I. Passov. – Voronezh, 1983. – 149 s.
6. Sadohin, A. P. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii: ucheb. posobie po discipline «Kul'turologija» dlja stud. vuzov [Tekst] / A. P. Sadohin. – M.: JUNITI–DANA, 2004. – 271 s.
7. Safonova, V. V. Kul'turovedenie v sisteme sovremennogo jazykovogo obrazovanija / V. V. Safonova // Inostr. jaz. v shk. – 2001. – № 3. – S.17–23.
8. Ter-Minasova, S. G. Izuchenie inostrannyh jazykov i kul'tur na universitetskom urovne [Tekst] / S. G. Ter-Minasova // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2001. – Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – № 2.

**THINGS COULD BE ... VERSE ИЛИ КЛЕРИХЬЮ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ**

А. А. Фетисова

Данная статья посвящена вопросу использования малых стихотворных форм, в частности клерихью, на занятиях по иностранному языку для развития творческой компетенции учащихся.

Ключевые слова: клерихью, иноязычная коммуникативная компетенция, творческая компетенция.

Со вступлением России в Болонский процесс цель образования в нашей стране соотносится с формированием ключевых компетенций, что находит отражение во многих законодательных актах. Так, федеральные целевые программы «Компьютер в каждую школу», «Компьютеризация сельских школ» (2001–2005 гг.), «Электронная Россия» (2002–2010 гг.) были направлены на ускорение процессов информатизации образования и формирование у учащихся информационно-коммуникационной компетенции. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года также отмечается необходимость увеличения доли использования в учебно-воспитательном процессе современных технологий, которые призваны обеспечить соответствие профессиональных умений будущих специалистов потребностям инновационной экономики. Вместе с тем весьма примечателен тот факт, что в законах «Об образовании» (ст.14) и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (ст.20) немаловажный акцент уделяется формированию у учащихся творческой компетенции.

Нам представляется, что актуальность развития именно творческой компетенции как школьников, так и студентов обусловлена реалиями времени. Сегодня во многих сферах востребованы специалисты, готовые принимать нестандартные решения, умеющие мыслить творчески и преобразовывать имеющиеся знания и опыт в индивидуальный стиль работы, профессиональное мастерство. В связи с этим, одним из приоритетных направлений в системе образования становится воспитание личности, способной конструктивно работать в проблемных ситуациях и созидать в условиях экономической и социальной нестабильности [1].

Компетентность на сегодняшний день рассматривают как совокупность свойств, качеств, способностей, которые необходимы человеку для успешной работы в той или иной профессиональной области. При этом данное понятие обязательно предполагает личностное отношение к предмету и содержанию выполняемой деятельности. Компетентность понимается как интегральная характеристика человека, которая определяет его возможности решать проблемы и задачи, требующие применения конкретных знаний, навыков, умений, жизненного опыта и ценностей. Но что мы подразумеваем, когда говорим именно о творческой компетенции?

Известно, что основной отличительной чертой творчества является новизна, неповторимость и исключительность его результата, который невозможно получить путем простого сочетания исходных составляющих. С. Л. Рубинштейн рассматривает творчество, прежде всего, как деятельность, которая созидает новые материальные и духовные ценности, обладающие общественной значимостью [2]. Важно помнить, что творчество неразрывно связано с духовной сферой человека, способствуя генерированию новых мыслей и идей, а также с интеллектуальной деятельностью, предоставляющей возможность преобразовывать полученную информацию в новые формы. Другими словами, во время творчества происходит не только эмоциональное, но и интеллектуальное развитие человека, которое позволяет ему выражать уникальные черты своей личности в конечном продукте этой деятельности.

Многие исследователи (В. И. Андреева, Д. Б. Богоявленская, Л. С. Выготский, Е. Н. Кабановой-Меллер, В. В. Краевский, А. Н. Леонтьев, И. Я. Лернер, А. М. Матюшкин, И. М. Розет, С. Л. Рубинштейн, М. Н. Скаткин, Б. М. Теплов и др.) подчеркивают тот факт, что творческие способности присущи каждому человеку без исключения и являются неотъемлемыми, как способность говорить, мыслить, чувствовать. Тем не менее, еще А. Маслоу отмечал, что творческий потенциал врожденно свойственен всем, но теряется большинством людей под воздействием окружающей среды. Поэтому под творческой компетентностью мы понимаем способность и готовность человека реализовать свой творческий потенциал в сложившихся условиях действительности независимо от того, являются ли они благоприятными или нет.

С сожалением приходится констатировать, что современная образовательная система продолжает сохранять декларативный, ус-

ловный характер относительно творческой организации процесса усвоения учебного материала. По-прежнему доминирует репродуктивная составляющая, а клишированное повторение однообразных действий влечет за собой снижение (в некоторых случаях даже исчезновение) не только учебной, но и познавательной мотивации учащихся. Мы принимаем позицию Е. А. Глуховской относительно того, что сознательный отказ от универсализации учебно-воспитательного процесса способен привести к вариативности и динамичности в содержании, формах и методах совместной деятельности учителя и учащихся [1]. Он также может создать условия для самореализации обучающихся и проявления их творческого потенциала.

Говоря о проблеме повышения эффективности процесса обучения иностранным языкам, можно отметить, что большинство используемых методов формирования иноязычной коммуникативной компетенции не способствуют развитию творческого потенциала. Одним из приемов, позволяющих, на наш взгляд, решить этот вопрос, является использование малых стихотворных форм, в частности клерихью, на занятиях по английскому языку. Клерихью представляет собой шуточное четверостишие, получившее свое название по имени его создателя – Эдмунда К. Бентли (Edmund Clerihew Bentley, 1875–1956).

Известно, что Эдмунд К. Бентли (британский журналист, поэт и автор детективов) изобрел эту стихотворную форму в шестнадцать лет, когда ему было скучно на уроках химии в школе Святого Павла в Лондоне. Одним из первых клерихью, относящихся к этому периоду жизни автора, является четверостишие про Сэра Х. Дейви:

Sir Humphrey Davy
Abominated gravity.
He lived in the odium
Of having discovered sodium.

Как правило, темой клерихью выступают псевдобиографии известных людей, в которых словесные портреты построены на игре слов.

Dante Alighieri
Seldom troubled a dairy.
He wrote the Inferno
On a bottle of Pernod.

The people of Spain think Cervantes
Equal to half-a-dozen Dantes;

An opinion resented most bitterly
By the people of Italy.

Первый том четверостиший «Biography for Beginners», опубликованный Э. К. Бентли в 1905 г., оказался настолько популярным, что за ним последовали еще два. Какими же особенностями обладает данная стихотворная форма?

Прежде всего, клерихью – это четверостишие, в котором рифма имеет следующий рисунок: ААВВ. В стихотворении отсутствует фиксированный метр, ритм часто напоминает прозаический, и нет четких правил относительно количества слогов и слов в строках (соответственно, отсутствует ограничение длины строки). Тем не менее, несмотря на такой обманчиво произвольный характер, у клерихью весьма жесткая структура.

Первая строчка должна всегда содержать имя героя; эта строка либо полностью состоит из него, либо заканчивается им. Вторая строка рифмуется с первой и содержит юмористическую характеристику героя или события, связанного с героем. Третья и четвертая строки создают комический эффект. Герои клерихью – известные люди, при этом важно помнить, что эти четверостишия ни в коем случае не являются сатирой и не высмеивают личностные черты. По очень точному замечанию И. Шамы, клерихью очень похожи на «смысловую матрешку» – красивую и простоватую внешне, но скрывающую внутри множество тайн («биографии в капсуле») [3. С. 415].

Прием составления клерихью широко применяют в библиотекации, где накоплен большой опыт исследований влияния различных форм стихосложения на психологическое самочувствие человека (Л. А. Балашова, Ю. Н. Дрешер, Е. Н. Исаева, О. Л. Кабачек, А. М. Миллер, Г. Р. Мишкиненене, Р. Скаллер и др.). В результате экспериментов было доказано, что при стихосложении приводится в действие психический механизм вытеснения отрицательных эмоций положительными и активация эмоциональной и интеллектуальной сфер человека. Мы считаем данный опыт прекрасным примером реализации идей личностно-деятельностного подхода в обучении.

На занятиях по иностранному языку клерихью можно использовать для развития социокультурной компетенции. Данные поэтические произведения для читателей, являющихся носителями иного культурного фона, представляют «когнитивную лакуну», которая в стихотворении не называется прямо, но которую можно устранить с помощью комментариев. Обучающиеся в рамках проектной дея-

тельности могут осуществить поиск сведений об известных деятелях истории, политики, культуры (факты, детали, события биографий героев клерихью), тем самым расширяя свой кругозор и выявляя интертекстуальные связи и аллюзии, а потом представить результаты своих исследований в виде сообщения.

Использование клерихью на занятиях по английскому языку может способствовать также развитию языковой компетенции учащихся. Внимательное изучение структуры клерихью, используемых в нем стилистических приемов (каламбуры, аллюзии, маркеры интертекста), лексических и грамматических конструкций создает условия для непроизвольного усвоения языкового материала, при которых изучаемый материал запоминается учащимися в то время, когда они не ставят перед собой специальной мнемической задачи и заняты активной аналитической деятельностью с самим материалом.

Вместе с тем, учащимся можно предложить протестировать свою переводческую компетенцию. Осуществляя построчный перевод, мы рекомендуем преподавателям пояснять скрытые смыслы текста и сложности их воссоздания на родном языке. В дополнение к этому заданию обучающиеся могут попробовать свои силы в составлении рифмованного перевода разбираемого четверостишия либо составить собственный клерихью на английском языке.

Работа с клерихью формирует у учащихся чуткость к поэтическому слову, обогащает их филологический кругозор, способствует развитию творческой компетенции. Кроме того, занятия по иностранному языку становятся более содержательными, мотивационно-направленными и повышают интерес обучающихся к изучению культуры другой страны.

Список литературы

1. Глуховская, Е. А. Развитие творческого потенциала старшего школьника в учебной деятельности: дис. ... канд. пед. наук [Текст] / Е. А. Глуховская. – Оренбург, 1997. – 249 с.
2. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М., 1946. – С. 575.

List of literature

1. Gluhovskaja, E. A. Razvitie tvorcheskogo potenciala starshego shkol'nika v uchebnoj dejatel'nosti: dis. ... kand. ped. nauk [Tekst] / E. A. Gluhovskaja. – Orenburg, 1997. – 249 s.
2. Rubinshtejn, S. L. Osnovy obwey psihologii [Tekst] / S. L. Rubinshtejn. – M., 1946. – S. 575.

3. Шама, И. Fascинация клерихью и переводческая эмпатия [Текст] / И. Шама // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика»: Збірник наукових праць. – Херсон: Видавництво ХДУ. – 2010. – Вип. 10. – 434 с.
3. Shama, I. Fascinacija klerih'ju i perevodcheskaja jempatija [Tekst] / I. Shama // Naukovij visnik Hersons'kogo derzhavnogo universitetu. Serija «Lingvistika»: Zbirnik naukovih prac'. – Herson: Vidavnictvo HDU. – 2010. – Vip. 10. – 434 s.
4. Nesbitt, K. How to Write a Clerihew [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gigglepoetry.com/poetryclassdetail.aspx?LessonPlanID=19>.
4. Nesbitt, K. How to Write a Clerihew [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.gigglepoetry.com/poetryclassdetail.aspx?LessonPlanID=19>.
5. Poster poems: Calling for Clerihews [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.guardian.co.uk/books/booksblog/2008/jul/25/keepitlightwithaclerihew>.
5. Poster poems: Calling for Clerihews [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.guardian.co.uk/books/booksblog/2008/jul/25/keepitlightwithaclerihew>.

ABSTRACTS

Adilbaeva V. S., Tleuzhanova G. K. From the experience of European polilanguage education

The article is devoted to the research of the experience related to the European polylingual education. In our society there is a necessity to form and educate a polylingual person, who could be in contact with representatives of different cultures. Nowadays in different countries there is a certain experience in the field of the polylingual education. The today's world is attaining to preserve polylingualism and the European Union attests to that. This article highlights programmes, projects, activity plans realized in European countries to bring about an effective lingual policy in the field of polylingual education.

Keywords: polylingualism, foreign languages, motivation, teaching, education, variety, lingual policy, mobility, innovative project, programme.

Antonova T. V. The Contents of the Semantic Fields with the Evaluation of Quantity as Maximum, Normal, Sufficient and Absent in Modern English

This work is a part of the wide research which has to do with one of the most important human categories – quantitative evaluation. The article reveals the contents of the semantic fields which evaluate maximum, norm, sufficiency and the absence of quantity. The author tries to state the place of these fields among the others using the data of the statistical analysis.

Keywords: evaluation, quantity, semantic field, maximum quantity, normal quantity, sufficient quantity, absence of quantity.

Bokaeva A. N., Nursentova Ch. Ch. To definition of concept “discourse”

In this article is discussed the concept of discourse, which is willingly used nowadays in humanities. There is disclosed that the concept of discourse intersects with such concepts as text, dialogue, monologue, spoken language, communicative situation, the rhetoric.

Keywords: discourse, speech, text, dialogue, discourse analysis, the communicative act.

Chujkina L. A., Aldynazarova R. M. The standard of speech as a component of vocational training of the future engineer

Article is devoted one of interesting questions of vocational training of students of technical colleges. In article roles of the standard of speech and its components which define the general level of culture of the expert are considered. Article will be useful to young experts of Russian.

Keywords: the standard of speech, technical college, the engineer, vocational training, a lexicon.

Ermakovich S. P. Cognitive of the advertising text

The article deals with the main cognitive aspects of processing advertising information. There is analysed linguistic mediation of such cognitive processes as sensation, perception, memory, thinking, imagination on the basis of a concrete commercial advertisement.

Keywords: the advertising text, the information, КОГНИТОЛОГИЯ, mental model, conceptual system, the frame.

Fetisova A. A. Things could be ... Verse or klerihju on employment on English language

The article is devoted to the problem of using poetry (clerihews in particular) in teaching four skill areas and introducing an element of fun in the EFL classroom.

Keywords: a clerihew, the communicative competence speaking another language, the creative competence.

Ivanchenko T. A. Reorganization of English language from OV - to VO-type and its influence on verbal prefication

The article highlights the process of typological reorganization of the English language which already shows traces in written texts of the Old English period. The article considers some reasons for and peculiarities of this process as well as its key role in the change of the leading means of spacial determination of the verb. In accordance with the new VO structural arrangement and due to several other linguistic and extralinguistic factors the Old English model "prefix + verb" loses its dominant position and is substituted by the developing model "verb +adverb".

Keywords: English, typological change, SVO, verbal prefixes.

Jakimov P. A. Features of a lexical embodiment of religious representations in A.A.Ahmatovoj's poetry

This article discusses the features of the lexical realization of ideas about God, God's will, the man in the poetic texts A.A. Akhmatova. The author considers a fragment of the language of objectification poetic picture of the world poet in comparison with the same fragment pattern of Russian language in the world.

Keywords: idiostyle, religious representations, lexical embodiment, a token.

Kanygina N. V. Verbal means of expression of obligatory components of process of understanding in Russian and English languages

The article is devoted to the analysis of core verbs of understanding in Russian and English. It gives their semantic structure and shows the differences between the verbs of understanding, other verbs of intellectual activity and non-mental predicates.

Keywords: structural-semantic features, understanding verbs, intellectual activity, semantic structure, irrational understanding.

Khramcova O. M. Destiny of the book presently (to a problem of the relation of teenagers to reading)

This article examines a topical issue: the negative attitude of adolescents to the book. Why in our country, once the most reading and ideologically verified, is now no longer read? The reasons that led the situation in a deplorable state. In addition to the arguments of the receipt of information from the Internet, is determined by the factor, thought-provoking about the future of young people: unreadable generation of parents not paying enough attention to children at an early age. Given utterance guys, their view on the issue. The teacher shares her experience, giving examples of forms and methods of work on the development of adolescents to the text of a work of art, convinces us that a good attitude to return to the book - a problem of our time.

Keywords: the role of books, lack of spirituality, the foundation of morality, the role of family, language culture, the word poverty of thought, computer, living situations, education space, self, memory, society, highly cultured tradition.

Kostova M. I. Nonce words in language of the Bulgarian Internet forums

Internet is a field of specific manifestations of the language with high dynamics on different linguistic levels, including the level of derivation. The article considers the formation of nonce words in the language of the Bulgarian socio-political Internet forums: their structure and stylistic characteristics.

Keywords: nonce words, Bulgarian language, Internet forum.

Kremeneckaja I. V. Use of authentic materials in training to a business foreign language

Article is devoted the description of use of authentic materials (meeting the requirements authenticity and realness) at training to a foreign language for business sphere.

Keywords: a business foreign language, training to a foreign language, an authentic language material.

Leontieva K. I. Hypersemantizing of poetic form as a problem in poetry translation

Poetic form is analyzed from the point of potential hypersemantizing of its main elements (rhyme, rhythm, phonics, morphology, syntax), which during a subjective act of interpretation may generate «hyper-energetic» additional meanings. In this aspect the translator should not blindly copy the source-text form (i.e. functionalism) but define its pragmatic function and upmost accurately interpret and incorporate all possible occasional and intertextual «super»-meaning which a concrete poetic form may actualize (i.e. functionalism). Therefore he should take into account possible asymmetry of two versification systems and poetic traditions. Besides there must be a significant lingua-cognitive similarity between the translator's and the author's individual writing styles.

Keywords: poetry translations; poetic form; rhythm; rhyme; poetic phonics; formalism; functionalism; hypersemantizing.

Makarova E. E. Linguacultural competence of students on employment on practical phonetics

Students' linguocultural competence is designed to be developed at the classes of Practical Phonetics. Its implementation is achieved by integrated work at the intonation in social and functional English as well as pieces of fiction and poetry. The technology is revealed on the basis of the

poem 'She Walks in Beauty' by George Gordon Byron, and the evaluation procedure is established by an intonation test.

Keywords: Practical phonetics, English language, linguacultural competence, students of high school, intonation, communicative situations, poetry.

Mark Kit. On Translation Quality and Procedure Standards and Regulations

Standardization and regulations in the translation industry pose a serious problem that has not been solved. The paper discusses the released regulatory documents that set forth requirements to translation quality and procedure. These documents are subjected to analysis and evaluation. The paper lays out conclusions on regulations of translation quality.

Keywords: Standardization of translation, translation industry regulations, translation quality, international standards, text translatability.

Nazarenko O. S. The analysis of errors of students while translating written texts

The article deals with the analysis of usual mistakes that students make translating texts.

Keywords: transfer, translational errors, a written translation.

Nadobko Ju. V., Nikiforova E. Sh. To a question on characteristics kompterno-oposredstvennoj communications on an example of forums and chats

In the given article characteristics of Internet communication are considered on the example of chats and forums. Similarities and distinctions of the given forms of Internet communications are singled out.

Keywords: Internet communication, forum, chat, role, users.

Pankratova E. A. The world of legal cultural objects as an element of methodical model of culture speaking another language

The article deals with the problem of educational model development of foreign language culture. The systematic approach is applied. The description of legal culture objects field as a key element of the suggested model is given here.

Keywords: educational model of foreign language culture, systematic approach, legal culture objects field.

Podshibyakina N. A., Skripkina N. F. Synonymy as means of process semantization words and word combinations in Russian practical course as foreign

The article deals with the problem of vocabulary semantization. The focus is on one of the prevailing methods of introducing and explaining new words – namely, through synonymy. The article considers the dual nature of synonymy since the primary function of synonyms is that of identification and differentiation. It is noted that synonymic rows are constantly enriched, which is reflected in the practices of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: a dominant, lexical associations, presentation, communicativeness principle, semantization, a synonymic number, synonymy, thematic lexicon, differentiation function, identity function.

Prihod'ko S. A. Language person V. I. Lenin

The article is devoted to V.I.Lenin's language personality. You can find a review of his creativity in it. Author analyzes the main features of V.I.Lenin's language personality. For journalists, linguists, post-graduates, speakers and writers.

Keywords: the language person, Leniniana, a discourse, the publicism, integrating character, the authoritative language person, sabotage, a metaphor.

Rozova E. O. Use of a design technique at training to a foreign language

Article is devoted the description of a method of projects at learning of foreign language which consists in carrying over of accent from a various kind of exercises on the active cogitative activity of pupils demanding for the registration possession by certain language means. We understand a complex training method which gives the chance to pupils to show independence in planning, the organization and control of the activity as a method of projects. The given method provides the lichnostno-focused education, gives the chance to study practice of life by foreign language means in real information field.

Keywords: a method of projects, the project, training to a foreign language.

Sydorenko I. A. The sotsiokulturnaja competence of a context of the communicative approach to teaching of foreign languages

The purpose of our article is theoretical substantiation of the content and structure of student's communicative competence in the context of establishment of modern conception of language education. Basing on the analysis of literary sources the general notions, definitions and categories of given problem were formulated. Also we considered the peculiarities of forming of given competence, its significance for the incipience of personality, willing for successful intercultural communication.

Keywords: Intercultural dialogue, communicative activity, communicative approach, communicative competence, communicative-oriented education, communicative method, communicative culture, sociocultural competence, intercultural communication, sociocultural aspect, geographic competence, sociolinguistic competence, cultural and social context, sociolinguistic and professional component, sociocultural development, authentic information, communicative-cognitive process.

Syncov V. Ju. The estimated status of figurative anthropocentric nominations in the English text

The article is devoted to the analysis of the evaluative status of figurative anthropocentric nominations in the English text. The key factor determining the phenomenon under consideration is the appropriate markers of the pragmatic situation.

Keywords: the evaluative status, figurative anthropocentric nominations, the pragmatic situation, the verbal markers of the pragmatic situation.

Vlavackaja M. V. Syntagmatics in Psycholinguistics (paradigmatic aspect)

Syntagmatic study in Psycholinguistics consists in the investigation of how the language system and the rules of creating speech make it possible for people to express their thoughts. In the process of speech a speaker according to the certain rules transfers his ideas to speech units of the given language. Paradigmatic aspect of syntagmatics deals with syntagmatic structures, which involve paradigmatic principles of utterance organization.

Keywords: syntagmatic, paradigmatics, psycholinguistics, language system.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алдыназарова Райхан Макуовна –старший преподаватель кафедры русского языка и культуры речи КарГТУ.
100027, Караганда, Бульвар Мира, 56.
alraimak@mail.ru

Антонова Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского.
241036, Брянск, Бежицкая, 14.
antonova.antonova22041973@yandex.ru.

Адилбаева Василя Сакеновна – магистрант 1-го года обучения Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова
100027, Караганда, Бульвар Мира, 56.
vassiljas@mail.ru

Бокаева Айнаш Нуржановна – магистрант Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева.
010000, Казахстан, Астана, ул. Мирзояна, 2.
ban-ainash@mail.ru

Влавацкая Марина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета.
630073, г. Новосибирск, пр-т К.Маркса, 20.
vlavatskaya@list.ru

Ермакович Светлана Петровна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота г. Калининграда.
236029, Калининград, ул. Молодежная, д. 6.
sermakovich@mail.ru

Иванченко Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Высшей школы экономики Национального исследовательского университета.
t.ivanchenko@yahoo.com

Каныгина Наталья Владимировна – ассистент кафедры английского языка, аспирант кафедры русского языка Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
sunsmile1@yandex.ru

Кит Марк – дипломированный инженер в области автоматике, телемеханики и электроники, директор компании Language Interface Inc. (США), аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

125993, Москва, Миусская площадь, д. 6.
mark.kit@langint.com.

Костова Мария Ивановна – старший преподаватель департамента иностранных языков и коммуникаций Медицинского университета г. Варны.

mkmuvarna@yahoo.com

Кременецкая Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Калужского филиала Государственного университета Минфина России.

125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.
kremments@mail.ru

Леонтьева Ксения Ивановна – преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Академии права и управления.

115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
ksenja_leontieva@mail.ru

Макарова Елена Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам Вятского государственного гуманитарного университета.

610002, Кировская область, Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
makyelena@rambler.ru

Надобко Юлия Витальевна – ст. преподаватель Костанайского государственного университета им. А Байтурсынова.

110000, Костанай, ул. А.Байтурсынова, 47.
nadobko-youlia@yandex.ru

Назаренко Оксана Сергеевна – преподаватель Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.
110000, Костанай, ул. А.Байтурсынова, 47.
oxygen_85@list.ru

Никифорова Эльмира Шавкатовна – ст. преподаватель Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова
110000, Костанай, ул. А.Байтурсынова, 47.
n.e.sh_1975@mail.ru

Нурсеитова Халида Харисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева.
010000, Казахстан, Астана, ул. Мирзояна, 2.
khalnur@gmail.com

Панкратова Елена Александровна – кандидат педагогических наук, зав. кафедрой иностранных языков Муромского института филиала Владимирского государственного университета им А. Г. и Н. Г. Столетовых.
600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
elena-pan@mail.ru

Подшибякина Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
kaf.rki@rambler.ru

Приходько Сергей Александрович – преподаватель английского языка МОУ СОШ №3, соискатель Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского.
248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.
sapclfl@yandex.ru.

Розова Елена Олеговна – старший преподаватель делового английского языка Тираспольского филиала Межрегиональной Академии управления персоналом.

vavavoom@yandex.ru, lena-rozova@yandex.ru

Сидоренко Ирина Анатольевна – преподаватель кафедры английского языка технического направления №1 Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт».

drisch86@mail.ru

Синцов Владислав Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Муромского института филиала Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.

inyaz@yandex.ru

Скрипкина Наталья Федоровна – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.

kaf.rki@rambler.ru

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна – кандидат педагогических наук, зав. кафедрой теории и практики немецкого и французского языков Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова

100028, Караганда, ул. Университетская, 28.

tleushanowa@inbox.ru

Фетисова Анастасия Александровна – кандидат педагогических наук доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр. 1.

anastasia_fe@yahoo.com

Храмцова Ольга Михайловна – преподаватель русского языка и литературы высшей категории Челябинского техникума торговли и

художественных промыслов.
lingua-mobilis@rambler.ru

Чуйкина Лидия Александровна – кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языка и культуры речи КарГТУ.
100027, Караганда, Бульвар Мира, 56.
alrainak@mail.ru

Якимов Петр Анатольевич – кандидат педагогических наук, до-
цент кафедры русской филологии и методики преподавания русско-
го языка.
yakimov@mail.ru

ГОУВПО «Челябинский государственный университет»
Вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций
Издательство «Энциклопедия»

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

В 2012 году каждый второй месяц, начиная с января, выходит очередная номер научного журнала «**Lingua-mobilis**», в структуру которого входят следующие разделы:

1. Язык художественной литературы
2. Языкознание
3. Язык средств массовой информации
4. Язык политики
5. Лингвистика и перевод
6. Методика преподавания языка и литературы

Материалы для публикации принимаются в электронном виде по адресу: 454084, г.Челябинск, пр.Победы 162-в, лаборатория межкультурных коммуникаций. Или e-mail: lingua-mobilis@rambler.ru Также просим указывать сведения об авторе: фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень и звание, адрес, телефон, e-mail. **К заявке необходимо прикладывать аннотации статьи на русском и английском языке (не более 500 знаков), а также ключевые слова.**

Оплату за публикацию (100 р. за страницу) необходимо присылать сразу после получения подтверждения о принятии Ваших материалов к публикации, там же будут указаны реквизиты для электронного перевода. Авторские экземпляры научного журнала «**Lingua-mobilis**» рассылаются бесплатно.

Требования к оформлению:

- Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 20 стр. (в формате RTF, Times New Roman, кегль 14, через 1,5 инт., поля - 2 см).
- Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32] или в виде концевых примечаний.
- Список литературы помещается после статьи под заголовком «Список литературы» и оформляется в соответствии с правилами библиографического описания.

ISSN 1998-1546.

С июня 2008 г. электронная версия журнала «**Lingua mobilis**» доступна в РИНЦ (на сайте www.elibrary.ru)

С уважением, редакция!